

Редьярд
Киплинг

МАУГЛИ

Издательство
Литературный фонд
Москва

Редьярд Киплинг

МАУГЛИ

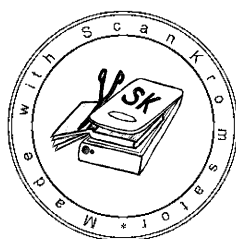
(ИЗ КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ)

Перевод с английского
Н. ДАРУЗЕС

ЯРОСЛАВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Рисунки
В. ВАТАГИНА
Переплет и титул
Н. ҚИРСАНОВА

Scan AAW

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Наступал седьмой час очень жаркого вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, которые ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгает тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И все-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадется ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бе-

сится маленький Табаки, потому что ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовется водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам,— сухо сказал Отец Волк.— Только еды здесь нет.

— Для волка нет,— сказал Табаки,— но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, где нашел оленью кость с остатками мяса, и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение,— сказал он, облизываясь.— Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они еще так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, как хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликать беду, потом сказал злобно:

Шер-Хан, Большой Тигр, переменял место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал мне.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права! — сердито начал Отец Волк. — По Закону Джунглей, он не может менять место охоты, никого об этом не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой), — спокойно сказала Мать Волчица. — Он с самого рождения хромет на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнется то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придется бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон! — огрызнулся Отец Волк. — Вон отсюда! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро

услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавать вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу, в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рев тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдился того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рев перешел в глухое ворчанье, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рев, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да еще на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чем-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детенышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются раньше или позже белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и незащищенное из всех живых существ и трогать его недостойно охотника. Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчанье стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, не похожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздраженное рычанье Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжег себе лапы. Хватило же ума прыгать в костер дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут, если бы вы наблюдали

за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперед, еще не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человеческий детеныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребенок, едва научившийся ходить, — мяг-

кий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребенок еще ни разу не заглядывал в волчье логово ночной порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человеческий детеныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видала. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спину ребенка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — нежно сказала Мать Волчица. (Ребенок проталкивался среди волчат поближе к теплему боку.) — Ой! Он сосет вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детеныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди ее волчат есть человеческий детеныш!

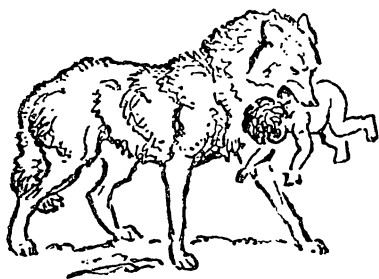
— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в мое время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошел сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человеческий детеныш вошел сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костер дровосека, как и говорил Отец Волк, и теперь бесился, потому что обжег себе лапы. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелинуть ни плечом, ни лапой. Ему было тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человеческий детеныш наш. Захотим, так убьем его и сами.

— «Захотим, захотим!» Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне еще стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рев тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперед, и ее глаза, похожие во мраке на две зеленые луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человеческий детеныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьет. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник за голыми детенышами, рыбоед, убийца лягушек, — придет время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, паленое чудище джунглей! Вон отсюда!

Отец Волк смотрел на нее в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвоевал Мать Волчицу в открытом бою с пятерыми волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище «Демон». Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес — на ее стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своем дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчет приемыша из людского племени! Детеныш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детеныша надо показать Стае. Ты все-таки хочешь оставить его, Мать?

— Оставить? — тяжело водя боками сказала Волчица. — Он пришел к нам совсем голый, ночью, один, и все же

он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку за это разорили бы наше логово. Оставить его? Да, я его оставлю. Лежи смирно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придет время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

— Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаведясь семьей, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого волчата могут бегать где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьет волчонка. Наказание за это — смерть, если только найдут убийцу. И, подумав с минуту, ты поймешь, что так и должно быть.

Отец Волк подождал, пока его волчата подросли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая повел всех волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, избранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост. Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, направлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых черных трехлеток, которые думали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже около года был их вожаком. В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его избили и бросили, решив, что он издох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался неторопливо, подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на свое место, бесшумно ступая. Иногда мать вытаскивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и Мать Волчица вся ошетибилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестящими в лунном свете.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени все так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рев донесся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детеныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человеческий детеныш!

Но Акела даже ухом не повел. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один из молодых четырехлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человеческий детеныш?

А Закон Джунглей говорит, что если поднимется спор о том, можно ли принять детеныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать.

— Кто за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для нее последним, если дело дойдет до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить где ему вздумается потому, что он ест одни только орехи, мед и коренья.

— Человеческий детеныш? Ну что ж, — сказал он, — я за детеныша. Он никому не принесет вреда. Я не мастер говорить, но говорю правду. Пусть его бегают со Стаей. Давайте примем детеныша вместе с другими. Я сам буду учить его.

— Нам нужен еще кто-нибудь, — сказал Акела. — Балу сказал свое слово, а он учитель наших волчат. Кто еще будет говорить, кроме Балу?

Черная тень легла посреди круга. Это была Багира, черная пантера, черная вся сплошь, как чернила, но с отметинами; которые, как у всех пантер, видны на свету, точно легкий узор на муаре. Все в джунглях знали Багиру, и никто не захотел бы становиться ей поперек дороги, ибо она была хитра,

как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Зато голос у нее был сладок, как дикий мед, капающий с дерева, а шкура мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что если начинается спор из-за нового детеныша, жизнь этого детеныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

— Так! Так! — закричали молодые волки, которые всегда голодны.—Слушайте Багиру! За детеныша можно взять выкуп. Таков Закон.

— Я знаю, что не имею права говорить здесь, и прошу у вас позволения.

— Так говори же! — закричало двадцать голосов разом.

— Стыдно убивать голого детеныша. Кроме того, он будет отличной забавой для вас, когда подрастет. Балу замолвил за него слово. А я к слову Балу прибавлю буйвола, жирного, только что убитого буйвола, всего в полумиле отсюда, если вы примете человеческого детеныша в Стаю, как полагается по Закону. Разве это так трудно?

Тут поднялся шум, и десятки голосов закричали разом:

— Что за беда? Он умрет во время зимних дождей. Его сожжет солнце. Что может нам сделать голый Лягушонок? Пусть бежит со Стаей. А где буйвол, Багира? Давайте примем детеныша!

Маугли по-прежнему играл камешками и не видел, как волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все они ушли с холма за убитым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и семья Лягушонка Маугли. Шер-Хан все еще ревел в темноте — он очень рассердился, что Маугли не отдал ему.

— Да, да, реви громче!—сказала Багира себе в усы. — Придет время, когда этот голышонок заставит тебя реветь на другой лад, или я ничего не смыслю в людях.

— Хорошо мы сделали! — сказал Акела. — Люди и их детеныши очень умны. Когда-нибудь он станет нам помощником.

— Да, помощником в трудное время, ибо никто не может быть вожаком Стаи вечно,— сказала Багира.

Акела не ответил. Он думал о той поре, которая настанет для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него малопомалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабеет, а на

его место становится новый вожак, чтобы со временем тоже быть убитым.

— Возьми детеныша,— сказал он Отцу Волку, — воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую Стаю — за буйвола и доброе слово Балу.

Теперь вам придется пропустить целых десять или одиннадцать лет и только догадываться о том, какую удивительную жизнь вел Маугли среди волков, потому что если о ней написать подробно, вышло бы много-много книг. Он рос вместе с волчатами, хотя они, конечно, стали взрослыми волками гораздо раньше, чем он вышел из младенческих лет, и Отец Волк учил его своему ремеслу и объяснял все, что происходит в джунглях. И потому каждый шорох в траве, каждое дуновение теплого ночного ветерка, каждый крик совы над головой, каждое движение летучей мыши, на лету зацепившейся коготками за ветку дерева, каждый всплеск маленькой рыбки в пруду очень много значили для Маугли. Когда он ничему не учился, он дремал, сидя на солнце, ел и опять засыпал. Когда ему бывало жарко и хотелось освежиться, он плавал в лесных прудах; а когда ему хотелось меду (от Балу он узнал, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лез за ним на дерево — Багира показала ему, как это делается. Багира растягивалась на суку и звала:

— Иди сюда, Маленький Брат!

Сначала Маугли цеплялся за сучья, как зверек-ленивец, а потом научился прыгать с ветки на ветку почти так же смело, как серая обезьяна. На Скале Совета, когда собиралась Стая, у него тоже было свое место. Там он заметил, что ни один волк не может выдержать его пристальный взгляд и опускает глаза перед ним, и тогда, забавы ради, он стал пристально смотреть на волков.

Случалось, он вытаскивал своим друзьям занозы из лап — волки очень страдают от колючек и репейев, пристающих к их шкуре. По ночам он спускался с холмов на возделанные поля и с любопытством следил за людьми в хижинах, но не чувствовал к ним доверия. Багира показала ему квадратный ящик со спусковой дверцей, так искусно спрятанный в джунглях, что Маугли сам едва не попал в него, и сказала, что это ловушка. Больше всего он любил уходить с Багирой в темную, жаркую глубину леса, засыпать там на весь день, а ночью смотреть, как охотится Багира. Она убивала направо и налево, когда бывала голодна. Так же поступал и Маугли. Но

когда мальчик подрос и стал все понимать, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнюю скотину, потому что за него заплатили выкуп Стае, убив буйвола.

— Все джунгли твои, — говорила Багира. — Ты можешь охотиться за любой дичью, какая тебе по силам, но ради того буйвола, который выкупил тебя, ты не должен трогать никакую скотину, ни молодую, ни старую. Таков Закон Джунглей.

Маугли повиновался беспрекословно.

И он рос и рос — сильным, каким и должен расти мальчик, который мимоходом учится всему, что нужно знать, даже не думая, что учится, и заботится только о том, чтобы добыть себе еду.

Мать Волчица сказала ему однажды, что Шер-Хану нельзя доверять и что когда-нибудь ему придется убить Шер-Хана. Волчонок ни на минуту не забыл бы про этот совет, а Маугли забыл, потому что был всего-навсего мальчик, хоть и назвал бы себя волком, если б умел говорить на человеческом языке.

В джунглях Шер-Хан постоянно становился ему поперек дороги, потому что Акела все дряхлел и слабел, а хромой тигр за это время успел свести дружбу с молодыми волками Сионийской Стаи. Они ходили за ним по пятам, дожидаясь объедков, чего Акела не допустил бы, если бы по-старому пользовался властью. А Шер-Хан льстил волчатам: он удивлялся, как это такие смелые молодые охотники позволяют командовать собой издыхающему волку и человеческому детенышу. «Я слышал, — говаривал Шер-Хан, — будто на Совете вы не смеее посмотреть ему в глаза». И молодые волки злобно рычали и ошетинивались.

Багира, которая все видела и все слышала, было известно кое-что на этот счет, и несколько раз она прямо говорила Маугли, что Шер-Хан убьет его когда-нибудь. Но Маугли только смеялся и отвечал:

— У меня есть Стая, и у меня есть ты. Да и Балу, как он ни ленив, может ради меня хватить кого-нибудь лапой. Чего же мне бояться?

Был очень жаркий день, когда новая мысль пришла в голову Багире, — должно быть, она услышала что-нибудь. Может быть, ей говорил об этом дикобраз Сахи, но как-то раз, когда они забрались вместе с Маугли глубоко в чашу леса и мальчик улегся, положив голову на красивую черную спину пантеры, она сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме, — ответил Маугли, который, само собой разумеется, не умел считать. — Ну, и что из этого? Мне хочется спать, Багира, а Шер-Хан — это всего-навсего длинный хвост да громкий голос, вроде павлина Мора.

— Сейчас не время спать!.. Балу это знает, знаю я, знает вся Стая, знает даже глупый-глупый олень. И Табаки тебе это говорил тоже.

— Хо-хо! — сказал Маугли. — Табаки приходил ко мне недавно с какими-то дерзостями, говорил, что я безволосый щенок, не умею даже выкапывать земляные орехи, но я его поймал за хвост и стукнул разика два о пальму, чтобы он вел себя повежливее.

— Ты сделал глупость: Табаки хоть и смутьян, но знает много такого, что прямо тебя касается. Открой глаза, Маленький Брат. Шер-Хан не смеет убить тебя в джунглях, но не забывай, что Акела очень стар. Скоро придет день, когда он не сможет убить буйвола, и тогда он перестанет быть вожаком. Те волки, что видели тебя на Скале Совета, тоже состарились, а молодым хромой тигр внушил, что человеческому детенышу не место в Волчьей Стае. Пройдет немного времени, и ты станешь человеком.

— А что такое человек? Разве ему нельзя бегать со своими братьями? — спросил Маугли. — Я родился в джунглях, я слушался Закона Джунглей, и нет ни одного волка в Стае, у которого я не вытащил бы занозы. Все они — мои братья.

Багира вытянулась во весь рост и закрыла глаза.

— Маленький Братец, — сказала она, — пощупай у меня под челюстью.

Маугли протянул свою сильную смуглую руку и на шелковистой шее Багиры, там, где под блестящей шерстью перекатываются громадные мускулы, нащупал маленькую лысинку.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту отметинку — след ошейника. Однако я родилась среди людей, Маленький Брат, среди людей умерла моя мать — в зверинце королевского дворца в Удайпуре. Потому я и заплатила за тебя выкуп на Совете, когда ты был еще маленьким голым детенышем. Да, я тоже родилась среди людей. Смолоду я не видела джунглей. Меня кормили за решеткой, из железной миски, но вот однажды ночью я почувствовала, что я — Багира, пантера, а не игрушка человека. Одним ударом лапы

я сломала этот глупый замок и убежала. И оттого, что мне известны людские повадки, в джунглях меня боятся больше, чем Шер-Хана. Разве это не правда?

— Да, — сказал Маугли, — все джунгли боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О, ты — человеческий детеныш, — сказала черная пантера очень нежно. — И как я вернулась в свои джунгли, так и ты должен в конце концов вернуться к людям, своим братьям, если только тебя не убьют на Совете.

— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли.

Взгляни на меня, — сказала Багира.

И Маугли пристально посмотрел ей в глаза.

Большая пантера не выдержала и отвернулась.

— Вот зачем, — сказала она, и листья зашуршали под ее лапой. — Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а ведь я родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят за то, что не могут выдержать твой взгляд, за то, что умен, за то, что ты вытаскиваешь им занозы из лап, — за то, что ты человек.

— Я ничего этого не знал, — угрюмо промолвил Маугли и нахмурил густые черные брови.

— Что говорит Закон Джунглей? Сначала ударь, потом подавай голос. По одной твоей беспечности они узнают в тебе человека. Будь же благоразумен. Сердце говорит мне, что если Акела промахнется на следующей охоте, — а ему с каждым разом становится все труднее и труднее убивать, — волки перестанут слушать его и тебя. Они соберут на Скале Совета Народ Джунглей, и тогда... тогда... Я знаю, что делать! — крикнула Багира, вскакивая. — Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовет огонь настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имен, лишь бы не называть его прямо.

— Красный Цветок? — сказал Маугли. — Он растет перед хижинами в сумерки. Я его достану.

— Вот это говорит человеческий детеныш! — с гордостью сказала Багира. Не забудь, что этот цветок растет в маленьких горшках. Добудь же его поскорее и держи при себе, пока он не понадобится.

— Хорошо! — сказал Маугли. — Я иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обвил рукой ее великолепнейшую шею и за-

глянул глубоко в большие глаза, — уверена ли ты, что все это проделки Шер-Хана?

— Да, клянусь сломанным замком, который освободил меня, Маленький Брат!

— Тогда клянусь буйволом, выкупившим меня, я заплачу за это Шер-Хану сполна, а может быть, и с лихвой,— сказал Маугли и умчался прочь.

«Вот человек! В этом виден человек,—сказала самой себе Багира, укладываясь снова. — О Шер-Хан, не в добрый час вздумалось тебе поохотиться за Лягушонком десять лет назад!»

А Маугли был уже далеко-далеко в лесу. Он бежал со всех ног, и сердце в нем горело. Добежав до пещеры, когда уже ложился вечерний туман, он остановился перевести дыхание и посмотрел вниз, в долину. Волчат не было дома, но Мать Волчица по дыханию своего Лягушонка поняла, что он чем-то взволнован.

— Что случилось, сынок? — спросила она.

— Шер-Хан разносит сплетни, как летучая мышь,— отозвался он. — Я охочусь нынче на вспаханных полях.

И он бросился вниз, через кусты, к реке на дне долины, но сразу остановился, услышав вой охотящейся Стаи. Он услышал и стон загнанного оленя и фыркание, когда олень повернулся для защиты. Потом раздалось злобное, ожесточенное твяканье молодых волков:

— Акела! Акела! Пускай волк-одиночка покажет свою силу! Дорогу Вожаку Стаи! Прыгай, Акела!

Должно быть, волк-одиночка прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал щелканье его зубов и короткий визг, когда олень сшиб Акелу с ног передним копытом.

Маугли не стал больше дожидаться, а бросился бегом вперед. Скоро начались засеянные поля, где жили люди, и вой позади него слышался все слабей и слабей, глуше и глуше.

— Багира говорила правду,—прошептал он, задыхаясь, и свернулся клубком в куче травы под окном хижины.— Завтра решительный день и для меня и для Акелы.

Потом он прижался лицом к окну и стал смотреть на огонь в очаге. Он видел, как жена пахаря вставала ночью и подкладывала в огонь какие-то черные куски, а когда настало утро и над землей пополз холодный белый туман, он увидел, как ребенок взял оплетенный горшок, выложенный изнутри глиной, наполнил его углями и, накрыв одеялом, пошел кормить скотину в хлеву.

— И это все? — сказал Маугли. — Если даже детеныш это умеет, то бояться нечего.

И он повернул за угол, навстречу мальчику, выхватил горшок у него из рук и скрылся в тумане, а мальчик заплакал от испуга.

— Люди очень похожи на меня, — сказал Маугли, раздувая угли, как это делала женщина. — Если его не кормить, оно умрет. — И Маугли набросал веток и сухой коры на красные угли.

На половине дороги в гору он встретил Багиру. Утренняя роса блестела на ее шкуре, как лунные камни.

— Акела промахнулся, — сказала ему пантера. — Они убили бы его вчера ночью, но им нужен еще и ты. Они искали тебя на холме.

— Я был на вспаханных полях. Я готов. Смотри! — Маугли поднял над головой горшок с углями.

— Хорошо! Вот что: я видела, как люди суют в это сухую ветку, и тогда на ее конце расцветает Красный Цветок. Ты не боишься?

— Нет! Чего мне бояться? Теперь я припоминаю, если только это не сон: когда я еще не был волком, я часто лежал возле Красного Цветка, и мне было хорошо и тепло.

Весь этот день Маугли провел в пещере; он стерег горшок с огнем и совал в него сухие ветки, пробуя, что получится. Он нашел такую ветку, которой остался доволен, и вечером, когда Табаки подошел к пещере и очень грубо сказал, что Маугли требуют на Скалу Совета, он засмеялся и смеялся так долго, что Табаки убежал. Тогда Маугли отправился на Совет, все еще смеясь.

Акела, волк-одиночка, лежал возле своей скалы в знак того, что место вожака Стаи свободно, а Шер-Хан со сворой своих прихвостней разгуливал взад и вперед, явно польщенный. Багира лежала рядом с Маугли, а Маугли держал между колен горшок с углями. Когда все собрались, Шер-Хан начал говорить, на что он никогда бы не отважился, будь Акела в расцвете сил.

— Он не имеет права! — шепнул Багира. — Так и скажи. Он собачий сын, он испугается.

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ! — крикнул он. — Разве Шер-Хан Вожак Стаи? Разве тигр может быть нашим вожаком?

— Ведь место вожака еще не занято, а меня просили говорить... — начал Шер-Хан.

— Кто тебя просил? — сказал Маугли. — Неужели мы все

шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим мясником? Стая сама выберет вожака, это чужих не касается.

Раздались крики:

— Молчи, человеческий детеныш!

— Нет, пускай говорит! Он соблюдал наш Закон!

И наконец старики прорычали:

— Пускай говорит Мертвый Волк!

Когда Вожак Стаи упустит свою добычу, его называют Мертвым Волком до самой смерти, которой не приходится долго ждать.

Акела нехотя поднял седую голову:

— Свободный Народ и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за это время ни один из вас не попал в капкан и не был искалечен. А теперь я промахнулся. Вы знаете, как это было подстроено. Вы знаете, что мне подвели свежего оленя для того, чтобы моя слабость стала явной. Это было ловко сделано. Вы вправе убить меня здесь, на Скале Совета. И потому я спрашиваю: кто из вас подойдет и прикончит волка-одиночку? По Закону Джунглей я имею право требовать, чтобы вы подходили по одному.

Наступило долгое молчание. Ни один волк не смел вступить в смертный бой с Акелой. Потом Шер-Хан прорычал:

— На что нам этот беззубый глупец? Он и так умрет! А вот человеческий детеныш зажился на свете. Свободный Народ, он с самого начала был моей добычей. Отдайте его мне. Мне противно видеть, что вы словно помешались на нем. Он десять лет мутит джунгли. Отдайте его мне, или я всегда буду охотиться здесь, а вам не оставлю ничего, даже голой кости. Он человек и дитя человека, и я всем сердцем ненавижу его!

Тогда больше половины Стаи завывло:

— Человек! Человек! На что нам человек? Пускай уходит к своим!

— И поднимет против нас всех людей по деревням?— крикнул Шер-Хан.—Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

— Он ел вместе с нами. Он спал вместе с нами. Он загонял для нас дичь. Он ни разу не нарушил Закона Джунглей.

— Мало того: когда его принимали в Стаю, в уплату за него я отдала буйвола. Буйвол стоит немного, но честь Багиры, быть может, стоит того, чтобы за нее драться. — промурлыкала Багира самым мягким голосом.

— Буйвол, отданный десять лет назад! — огрызнулась Стая. — Какое нам дело до костей, которым уже десять лет?

— Или до того, чтобы держать свое слово? — сказала Багира, оскалив белые зубы. — Недаром вы зоветесь Свободным Народом!

— Ни один человеческий детеныш не может жить с Народом Джунглей! — провыл Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме крови, — продолжал Акела, — а вы хотите убить его здесь. Поистине я зажился на свете! Одни из вас нападают на домашний скот, а другие, наученные Шер-Ханом, как я слышал, бродят темной ночью по деревьям и воруют детей с порогов хижин. Поэтому я знаю, что вы трусы, и к трусам обращаюсь теперь. Я скоро умру, и жизнь моя не имеет цены, не то я отдал бы ее за жизнь человеческого детеныша. Но ради чести Стаи, о которой вы успели забыть без вожака, а обещаю вам, что не укушу вас ни разу, когда придет мое время умереть, если только вы дадите человеческому детенышу спокойно уйти к своим. Я умру без боя. Это спасет для Стаи не меньше, чем три жизни. Больше я ничего не могу сделать, но если хотите, избавлю вас от позора — убить брата, за которым нет вины, брата, принятого в Стаю по Закону Джунглей.

— Он человек—человек—человек!—завыла Стая.

И больше половины Стаи перебежало к Шер-Хану, который начал постукивать о землю хвостом.

— Теперь всё в твоих руках, — сказала Багира Маугли. — Мы теперь можем только драться.

Маугли выпрямился во весь рост, с горшком в руках. Потом он расправил плечи и зевнул прямо в лицо всему Совету, но в душе он был вне себя от злобы и горя, ибо волки, по волчьей повадке, никогда не говорили Маугли, что ненавидят его.

— Слушайте, вы! — крикнул он. — Весь этот собачий лай ни к чему. Вы столько раз говорили мне сегодня, что я человек (а с вами я на всю жизнь остался бы волком), что я и сам почувствовал правду ваших слов. Я стану звать вас не братьями, а собаками, как и следует человеку. Не вам говорить, чего вы хотите и чего не хотите, — это мое дело! А чтобы нам лучше было видно, я, человек, принес сюда Красный Цветок, которого вы, собаки, боитесь.

Он швырнул на землю горшок, и горящие угли подожгли сухой мох, который вспыхнул ярким пламенем. Весь Совет отпрянул назад перед языками пламени. Маугли сунул в огонь

сухой сук, так что мелкие ветки вспыхнули и затрещали, потом завертел им над головой, разгоняя ошестинившихся от страха волков.

— Ты — господин, — сказала Багира шепотом. — Спаси Акелу от смерти. Он всегда был тебе другом.

Акела, угрюмый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, теперь бросил умоляющий взгляд на Маугли, а тот стоял, весь голый, с разметавшимися по плечам длинными черными волосами, в свете горячей ветви, и тени метались и прыгали вокруг него.

— Так! — сказал Маугли, медленно озираясь кругом. — Вижу, что вы собаки. Я ухожу от вас к своему народу — если это мой народ. Джунгли теперь закрыты для меня, я должен забыть ваш язык и вашу дружбу, но я буду милосерднее вас. Я был вашим братом во всем, кроме крови, и потому обещаю вам, что когда стану человеком среди людей, я не предам вас людям, как вы предали меня. — Он толкнул костер ногой, и вверх полетели искры. — Между нами, волками иной Стаи, не будей войны. Однако нужно заплатить долг, прежде чем уйти.

Маугли подошел ближе к тому месту, где сидел Шер-Хан, бессмысленно моргая на огонь, и схватил его за кисточку на подбородке. Багира пошла за ним на всякий случай.

— Встань, собака! — крикнул Маугли. — Встань, когда говорит человек, не то я подпалю тебе шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и закрыл глаза, потому что пылающий сук был очень близко.

— Этот скотоубийца говорил, что убьет меня на Совете, потому что не успел убить меня в детстве... Вот так и вот так мы бьем собаку, когда становимся людьми. Шевельни только усом, Хромой, и я забью тебе в глотку Красный Цветок.

Он бил Шер-Хана по голове пылающей веткой, и тигр скулил и стонал в смертном страхе.

— Фу! Теперь ступай прочь, паленая кошка! Но помни: когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, я приду со шкурой Шер-Хана на голове... Теперь вот что. Акела волен жить как ему угодно. Вы его не убьете, потому что я этого не хочу. Не думаю также, что вы долго еще будете сидеть здесь, высунув язык, словно вы важные особы, а не собаки, которых я гоню прочь вот так! Вон, вон!

Конец сука бешено пылал, Маугли раздавал удары направо и налево по кругу, а волки разбегались с воем, унося на своей шкуре горящие искры. Под конец на скале остались только Акела, Багира и, быть может, десяток волков, пере-

шедших на сторону Маугли. И тут что-то начало жечь Маугли изнутри, как никогда в жизни не жгло. Дыхание у него перехватило, он зарыдал, и слезы потекли по его щекам.

— Что это такое? Что это? — говорил он. — Я не хочу уходить из джунглей, и я не знаю, что со мной делается. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат, это только слезы, какие бывают у людей, — ответила Багира. — Теперь я знаю, что ты человек и уже не детеныш больше. Отныне джунгли закрыты для тебя... Пусть текут, Маугли. Это только слезы...

И Маугли сидел и плакал так, словно сердце его разрывалось, потому что он плакал первый раз в жизни.

— Теперь, — сказал он, — я уйду к людям. Но прежде я должен проститься с моей матерью.

И он пошел к пещере, где Мать Волчица жила с Отцом Волком, и плакал, уткнувшись в ее шкуру, а четверо волчат жалобно выли.

— Вы не забудете меня? — спросил Маугли.

— Никогда, пока можем идти по следу! — сказали волчата. — Приходи к подножию холма, когда станешь человеком, и мы будем говорить с тобой или придем в поля и станем играть с тобой по ночам.

— Приходи поскорей! — сказал Отец Волк. — О мудрый Лягушонок, приходи поскорее, потому что мы с твоей матерью уже стары.

— Приходи скорей, мой голый сынок, — сказала Мать Волчица, — ибо знай, дитя человека, я любила тебя больше, чем собственных волчат.

— Приду непременно, — сказал Маугли. — Приду для того, чтобы положить шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы не забывали!

Начинал брезжить рассвет, когда Маугли спустился один с холма в долину, навстречу тем таинственным существам, которые зовутся людьми.

ОХОТА КАА

Все, о чем здесь рассказано, произошло задолго до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Стаи и отомстил за себя тигру Шер-Хану. Это случилось в то время, когда медведь Балу обучал его Закону Джунглей. Большой и важный бурый медведь только радовался способностям ученика, потому что волчата обычно выучивают из Закона Джунглей то, что нужно их Стае и племени, и бегают от учителя, затвердив охотничий стих: «Ноги ступают без шума, глаза видят в темноте, уши слышат, как шевелится ветер в своей берлоге, зубы остры и белы — вот приметы наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, как детенышу человека, нужно было знать гораздо больше.

Иногда черная пантера Багира, гуляя по джунглям, заходила посмотреть, какие успехи делает ее любимец. Мурлыкая, укладывалась она на отдых под деревом и слушала, как Маугли отвечает медведю свой урок. Мальчик лазил по деревьям так же хорошо, как плавал, и плавал так же хорошо, как бегал, и Балу, учитель Закона, обучал его всем законам лесов и вод: как отличить гнилой сук от крепкого; как вежли-

во заговорить с дикими пчелами, если повстречаешь рой на дереве; что сказать нетопырю Мангу, если потревожишь его сон в полдень среди ветвей; и как успокоить водяных змей, прежде чем окунуться в заводь. Народ Джунглей не любит, чтобы его тревожили, и всякий готов броситься на незваного гостя. Маугли выучил и Охотничий Клич Чужака, который нужно повторять много раз, пока на него не ответят, если охотиться в чужих местах. Этот клич в переводе значит: «Позвольте мне поохотиться здесь, потому что я голоден», и на него отвечают: «Охоться ради пропитания, а не ради забавы».

Из этого видно, сколько Маугли приходилось заучивать наизусть, и он очень уставал повторять по сотне раз одно и то же. Но Балу правильно сказал однажды Багире, после того как Маугли, получив шлепок, рассердился и убежал:

— Детеныш человека есть детеныш человека, и ему надо знать все законы джунглей.

— Но подумай, какой он маленький, — возразила Багира, которая, если бы дать ей волю, избаловала бы Маугли. — Разве может такая головка вместить все твои речи?

— А разве в джунглях довольно быть маленьким, чтобы тебя не убили? Нет! Потому я и учу его всем законам, потому и бью его, совсем легонько, когда он забывает урок.

— «Легонько»! Что ты понимаешь в этом, Железная Лапа? — проворчала Багира. — Сегодня у него все лицо в синяках от твоего «легонько»! Уф!

— Лучше ему быть в синяках с ног до головы, чем погибнуть из-за своего невежества, — очень серьезно отвечал ей Балу. — Я теперь учу его Заветным Словам Джунглей, которые будут ему защитой против птиц и змей и против всех, кто бегают на четырех лапах, кроме его родной Стаи. Если он запомнит эти слова, он может просить защиты у всех в джунглях. Разве это не стоит колотушек?

— Хорошо, только смотри не убей детеныша. Он не лесной пень, чтобы ты точил о него свои тупые когти. А какие же это заветные слова? Я лучше помогу сама, чем стану просить помощи, но все же мне хотелось бы знать. — И Багира, вытянув лапу, залюбовалась своими когтями, синими, как сталь, и острыми, как резцы.

— Я позову Маугли, и он скажет тебе... если захочет. Поди сюда, Маленький Брат!

— Голова у меня гудит, как пчелиное дупло, — слышался недовольный детский голос над их головами, и Маугли, соскользнув с дерева, прибавил сердито и негодуя: — Я пришел ради Багиры, а не ради тебя, жирный, старый Балу.

— А мне это все равно, — ответил Балу, хотя был очень огорчен и обижен. — Так скажи Багире Заветные Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Заветные слова какого народа? — спросил Маугли, очень довольный, что может похвастаться. — В джунглях много наречий. Я знаю их все.

— Кое-что ты знаешь, но очень немного. Полюбуйся, о Багира, вот их благодарность учителю. Ни один самый захудалый волчонок ни разу не пришел поблагодарить старика Балу за науку. Ну, так скажи Слово Охотничьего Народа, ты, великий ученый.

— «Мы с вами одной крови, вы и я», — сказал Маугли, произнося по-медвежьи те слова, которые обычно говорит весь Охотничий Народ.

— Хорошо! Теперь Слово Птиц.

Маугли повторил те же слова, свистнув, как коршун.

— Теперь Слово Змеиногo Народа, — сказала Багира.

В ответ послышалось непередаваемое никакими словами шипенье, и Маугли забрыкал ногами и захлопал в ладоши, потом вскочил на спину Багиры и сел боком, барабанив пятками по блестящей черной шкуре и строя медведю самые страшные рожи.

— Вот-вот! Это стоит каких-то синяков, — ласково сказал бурый медведь. — Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

И, повернувшись к Багире, он рассказал ей, как просил дикого слона Хатхи, который все на свете знает, сказать ему Заветные Слова Змеиногo Народа, как Хатхи водил Маугли к пруду узнавать Змеиные Слова от водяной змеи, потому что сам Балу не мог их выговорить, и что Маугли теперь не грозит никакая опасность в джунглях: ни змея, ни птица, ни зверь не станут вредить ему.

— И, значит, ему некого бояться! — Балу вытянулся во весь рост, с гордостью похлопывая себя по толстому мохнатому животу.

— Кроме своего племени, — шепнула Багира, а потом громко сказала Маугли: — Пожалей мои ребра, Маленький Брат! Что это за прыжки то вниз, то вверх?

Маугли, добиваясь, чтобы его выслушали, давно уже тербил Багиру за мягкую шерсть на плече и толкал ее пятками. Оба прислушались и разобрали, что он кричит во весь голос:

— Теперь у меня будет свое собственное племя, и я буду целый день водить его по деревьям!

— Что это за новая глупость, маленький выдумщик? — спросила Багира.

— Да, и бросать ветками и грязью в старого Балугу, — продолжал Маугли. — Они мне это обещали... Ай!

— Вуф! — большая лапа Балугу смахнула Маугли со спины пантеры, и, лежа между передними лапами медведя, Маугли понял, что тот сердится. — Маугли, — сказал Балугу, — ты разговаривал с Бандар-Логам, Обезьяньим Народом?

Маугли взглянул на Багиру — не сердится ли она тоже — и увидел, что глаза пантеры стали жестки, как два изумруда.

— Ты водишься с Обезьяньим Народом — с серыми обезьянами, с народом, не знающим Законы, с народом, который ест все без разбора? Как тебе не стыдно!

— Балугу ударил меня по голове, — сказал Маугли (он все еще лежал на спине), — и я убежал, а серые обезьяны спустились с дерева и пожалели меня. А другим было все равно. — Он слегка всхлипнул.

— Жалость Обезьяньего Народа! — фыркнул Балугу. — Спокойствие горного потока! Прохлада летнего зноя! А что было потом, детеныш человека?

— А потом... потом они дали мне орехов и всякой вкусной еды, а потом взяли меня на руки и унесли на вершины деревьев и говорили, что я им кровный брат, только что бесхвостый, и когда-нибудь стану их вожаком.

— У них не бывает вожака, — сказала Багира. — Они лгут. И всегда лгали.

— Они были очень ласковы со мной и просили приходить еще. Почему вы меня никогда не вели к Обезьяньему Народу? Они ходят на двух ногах, как и я. Они не дерутся жесткими лапами. Они играют целый день... Пустите меня, скверный Балугу, пустите меня! Я опять пойду играть с ними.

— Слушай, детеныш человека! — сказал медведь, и голос его прогремел, как гром в жаркую ночь. — Я научил тебя Закону Джунглей—общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа, который живет на деревьях. У них нет Закона. У них нет своего языка, одни только краденые слова, которые они перенимают у других, когда подслушивают, и подсматривают, и подстерегают, сидя на деревьях. Их обычаи — не наши обычаи. Они живут без вожака. Они ни о чем не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадет орех, и они уже смеются и всё позабыли. Никто в джунглях не водится с ними. Мы не пьем там, где пьют обезьяны, не ходим туда, куда ходят обезьяны, не охотимся там, где они охотятся,

не умираем там, где они умирают. Разве ты слышал от меня хотя бы слово о Бандар-Логах?

— Нет, — ответил Маугли шепотом, потому что лес притих, после того как Балу кончил свою речь.

— Народ Джунглей не хочет их знать и никогда про них не говорит. Их очень много, они злые, грязные, бесстыдные и хотят только того, чтобы Народ Джунглей обратил на них внимание. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают орехи и сыплют грязь нам на голову.

Не успел он договорить, как целый дождь орехов и сучьев посыпался на них с деревьев; послышался кашель, визг и сердитые скачки высоко над ними, среди тонких ветвей.

— С Обезьяньим Народом запрещено водиться, — сказал Балу, — запрещено Законом. Не забывай этого!

— Да, запрещено, — сказала Багира. — Но я все-таки думаю, что Балу должен был предупредить тебя.

— Я?.. Я?.. Как могло мне прийти в голову, что он станет водиться с такой дрянью? Обезьяний Народ! Тьфу!

Снова орехи дождем посыпались им на голову, и медведь с пантерой убежали, захватив с собой Маугли.

Балу говорил про обезьян совершенную правду. Они жили на вершинах деревьев, а так как звери редко смотрят вверх, то обезьянам и Народу Джунглей не приходилось встречаться. Но когда обезьянам попадался в руки больной волк, или раненый тигр, или медведь, они мучили слабых и забавы ради бросали в зверей палками и орехами, надеясь, что их заметят. Они поднимали вой, выкрикивая бессмысленные песни, звали Народ Джунглей к себе на деревья драться, заводили из-за пустяков ссоры между собой и бросали мертвых обезьян где попало, напоказ всему Народу Джунглей. Они постоянно собирались завести и своего вожака и свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня. В конце концов они помирились на том, что придумали поговорку: «Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня», и очень этим утешались. Никто из зверей не мог до них добраться, и никто не обращал на них внимания — вот почему они так обрадовались, когда Маугли стал играть с ними, а Балу на него рассердился.

Никакой другой цели у них не было — у обезьян никогда не бывает цели, — но одна из них придумала, как ей показалось, забавную шутку и объявила всем другим, что Маугли может быть полезен всему их племени, потому что умеет сплетать ветви для защиты от ветра, и если его поймать, то он

научит этому и обезьян. Разумеется, Маугли, как сын лесоруба, многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается. А Обезьяний Народ, подглядывая за ним с деревьев, решил, что это занятная игра. На этот раз, говорили обезьяны, у них и вправду будет вожак и они станут самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все их заметят и позавидуют им. И потому они тихонько кралась за Балу и Багирой, пока не наступило время полуденного отдыха и Маугли, которому было очень стыдно, не улегся спать между пантерой и медведем, решив, что больше не станет водиться с Обезьяньим Народом.

И тут сквозь сон он почувствовал чьи-то руки на своих плечах и ногах — жесткие, сильные маленькие руки, — потом хлестанье веток по лицу, а потом он в изумлении увидел внизу, сквозь качающиеся вершины, землю и Балу, который глухо ревел, будя джунгли, а Багира прыжок за прыжком бежала вверх по стволу дерева, оскалив сплошные белые зубы. Обезьяны торжествуяще взвыли и перескочили вверх на тонкие ветви, куда Багира побоялась лезть за ними.

— Она заметила нас! Багира нас заметила! Все джунгли восхищаются нашей ловкостью и нашим умом! — кричали обезьяны.

Потом они пустились бегом, а бег обезьян по верхушкам деревьев — это нечто такое, чего нельзя описать. У них есть там свои дороги и перекрестки, свои подъемы и спуски, пролегающие в пятидесяти, семидесяти, а то и в ста футах над землей, и по этим дорогам они путешествуют даже ночью, если надо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли подмышки и понеслись вместе с ним по вершинам деревьев скачками в двадцать футов длиной. Без него они могли бы двигаться вдвое скорее, но мальчик своей тяжестью задерживал их. Как ни кружилась у Маугли голова, он все же наслаждался бешеной скачкой, хотя мелькавшая далеко внизу земля пугала его и сердце замирало от каждого страшного рывка и толчка при перелете над провалом с одного дерева на другое. Двое стражей взлетали вместе с ним на вершину дерева так высоко, что тонкие ветви трещали и гнулись под ними, а потом с кашлем и уханьем бросались в воздух, вперед и вниз, и повисали на соседнем дереве, цепляясь за нижние сучья руками и ногами. Иногда Маугли видел перед собой целое море зеленых джунглей, как человек на мачте видит перед собой океанский простор, потом ветви и листья снова начинали хлестать его по лицу, и он со своими двумя стражами спу-

скался почти к самой земле. Так, скачками и прыжками, с треском и уханьем, все обезьянье племя мчалось по древесным дорогам вместе со своим пленником Маугли.

Первое время он боялся, что его уронят, потом обозлился, но понял, что бороться нельзя, потом начал думать. Прежде всего нужно было послать о себе весточку Багире и Балу. Обезьяны двигались с такой быстротой, что его друзья не могли их догнать и сильно отставали. Вниз нечего было смотреть — ему видна была только верхняя сторона сучьев, — поэтому он стал смотреть вверх и увидел высоко в синеве коршуна Чилия, который парил над джунглями, описывая круги, в ожидании чьей-нибудь смерти. Чиль видел, что обезьяны что-то несут, и спустился ниже разведать, не годится ли их ноша для еды. Он свистнул от изумления, когда увидел, что волюкуют по верхушкам деревьев Маугли, и услышал от него Заветное Слово Коршуна: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Волнующиеся вершины закрыли от него мальчика, но Чиль успел вовремя скользнуть к ближнему дереву, и перед ним опять вынырнуло маленькое смуглое лицо.

— Замечай мой путь! — крикнул Маугли. — Дай знать Балу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета!

— От кого, Брат? — Чиль еще ни разу до сих пор не видел Маугли, хотя, разумеется, слышал о нем.

— От Лягушонка Маугли. Меня зовут Человеческий Детеныш! Замечай мой путь!

Последние слова он выкрикнул, бросаясь в воздух, но Чиль кивнул ему и поднялся так высоко, что казался не больше пылинки, и, паря в вышине, следил своими зоркими глазами за качавшимися верхушками деревьев, по которым вихрем неслась стража Маугли.

— Они не уйдут далеко, — сказал он посмеиваясь. — Обезьяны никогда не доделывают того, что задумали. Всегда они хватаются за что-нибудь новое, эти Бандар-Логи. На этот раз, если я не слеп, они наживут себе беду: ведь Балу не птенчик, да и Багира, сколько мне известно, умеет убивать не одних коз.

И, паря в воздухе, он покачивался на крыльях, подобрав под себя ноги, и ждал.

А в это время Балу и Багира были вне себя от ярости и горя. Багира взобралась на дерево так высоко, как не забиралась никогда, но тонкие ветки ломались под ее тяжестью, и она соскользнула вниз, набрав полные когти коры.

— Почему ты не предостерег Маугли? — заворчала она на бедного Балу, который припустился неуклюжей рысью в на-

дежде догнать обезьян. — Что было пользы бить детеныша до полусмерти, если ты не предостерег его?

— Скорей! О, скорей! Мы.. мы еще догоним их, быть может! — задыхался Балу.

— Таким шагом? От него не устала бы и раненая корова. Учитель Закона, истязатель малышей, если ты будешь так переваливаться с боку на бок, то лопнешь, не пройдя и мили. Сядь спокойно и подумай! Нужно что-то решить. Сейчас не время для погони. Они могут бросить Маугли, если мы подойдем слишком близко.

— Арала! Вуу! Они, может, уже бросили мальчика, если им надоело его нести! Разве можно верить Бандар-Логам! Летучую мышь мне на голову! Кормите меня одними гнилыми костями! Спустите меня в дупло к диким пчелам, чтобы меня закусали до смерти, и похороните меня вместе с гиеной! Я самый несчастный из зверей! Ара-лала! Ва-у-у! О Маугли, Маугли, зачем я не остерег тебя против Обезьяньего Народа, вместо того чтобы бить по голове? Я, может, выбил сегодняшний урок из его головы, и мальчик теперь один в джунглях и забыл Заветные Слова!

Балу обхватил голову лапами и со стоном закачался взад и вперед.

— Не так давно он сказал мне правильно все слова, — сердито заметила Багира. — Балу, у тебя нет ни памяти, ни уважения к себе. Что подумали бы джунгли, если бы я, черная пантера, каталась и выла, свернувшись клубком, как дикобраз Сахи?

— Какое мне дело до того, что подумают джунгли! Он, может быть, уже умер!

— Если только они не бросят его с дерева забавы ради и не убьют от скуки, я не боюсь за детеныша. Он умен и всему обучен, а главное, у него такие глаза, которых боятся все джунгли. Но все же (и это очень худо) он во власти Бандар-Логов, а они не боятся никого в джунглях, потому что живут высоко на деревьях. — Багира задумчиво облизала переднюю лапу.

— И глуп же я! О толстый бурый глупец, пожиратель корней! — простонал Балу, вдруг выпрямляясь и отряхиваясь. — Правду говорит дикий слон Хатхи: «У каждого свой страх», а они, Бандар-Логги, боятся Каа, горного удава. Он умеет лазить по деревьям не хуже обезьян. По ночам он крадет у них детенышей. От одного звука его имени дрожат их гадкие хвосты. Идем к нему!

— Чем может Каа помочь нам? Он не нашего племени,

потому что безногий, и глаза у него презлые, — сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитер. Кроме того, он всегда голоден, — с надеждой сказал Балу. — Пообещаем ему много коз.

— Он спит целый месяц, после того, как наестся. Может быть, спит и теперь, а если не спит, то, может, и не захочет принять от нас коз в подарок.

Багира плохо знала Каа и потому относилась к нему подозрительно.

— Тогда мы с тобой вместе могли бы уговорить его, старая охотница.

Тут Балу потерялся о Багиру выцветшим бурым плечом, и они вдвоем отправились на поиски Каа, горного удава.

Удав лежал, растянувшись во всю длину на выступе скалы, нагретом солнцем, любуясь своей красивой новой кожей, потому что последние десять дней провел в уединении, меняя кожу, и теперь был во всем своем великолепии: его большая тупоносая голова металась по земле, тридцатифутовое тело свивалось в причудливые узлы и фигуры, язык облизывал губы, предвкушая будущий обед.

— Он еще ничего не ел, — сказал Балу со вздохом облегчения, как только увидел красивый пестрый узор на его спине, коричневый с желтым. — Осторожно, Багира! Он плохо видит, после того как переменит кожу, и бросается сразу.

У Каа не было ядовитых зубов — он даже презирал ядовитых змей за их трусость, — вся его сила заключалась в хватке, и если он обвинял кого-нибудь своими огромными кольцами, то это был конец.

— Доброй охоты! — крикнул Балу, садясь на задние лапы.

Как все змеи его породы, Каа был глуховат и не сразу расслышал окрик. Он свернулся кольцом и нагнул голову, на всякий случай приготовившись броситься.

— Доброй охоты всем нам! — ответил он. — Ого, Балу! Что ты здесь делаешь? Доброй охоты, Багира. Одному из нас не мешало бы пообедать. Нет ли поблизости вспугнутой дичи? Лани или хотя бы козленка? У меня внутри пусто, как в пересохшем колодце.

— Мы сейчас охотимся, — небрежно сказал Балу, зная, что Каа нельзя торопить: он слишком грузен.

— А можно мне пойти с вами? — спросил Каа. — Одним ударом больше или меньше — для вас это ничего не значит, Багира и Балу, а я... мне приходится целыми днями стеречь на лесных тропинках или полночи лазить по деревьям, ожидая,

не попадется ли молодая обезьяна. Пс-с-шоу! Лес нынче уже не тот, что был в моей молодости. Одно гнилье да сухие сучья!

— Может быть, это оттого, что ты стал слишком тяжел? — сказал Балу.

— Да, я довольно-таки велик... довольно велик, — ответил Каа не без гордости. — Но все-таки молодые деревья никуда не годятся. Прошлый раз на охоте я чуть-чуть не упал — чуть-чуть не упал! — нашумел, соскользнув с дерева, оттого что плохо зацепился хвостом. Этот шум разбудил Бандар-Логов, и они бранили меня самыми скверными словами.

— Безногий желтый земляной червяк! — шепнула Багира себе в усы, словно припоминая.

— Сссс! Разве они так меня называют? — спросил Каа.

— Что-то в этом роде они кричали нам прошлый раз. Но мы ведь никогда не обращаем на них внимания. Чего только они не говорят! Будто бы у тебя выпали все зубы, и будто бы ты никогда не нападешь на дичь крупнее козленка, потому будто бы (такие бесстыдные вралы эти обезьяны!), что боишься козлиных рогов, — вкрадчиво продолжала Багира.

Змея, особенно хитрый старый удав вроде Каа, никогда не покажет, что она сердится, но Балу и Багира заметили, как вздуваются и перекачиваются крупные мускулы под челюстью Каа.

— Бандар-Логи переменили место охоты, — сказал он спокойно. — Я грелся сегодня на солнце и слышал, как они вопили в вершинах деревьев.

— Мы... мы гонимся сейчас за Бандар-Логамы, — сказал Балу и поперхнулся, потому что впервые на его памяти обитателю джунглей пришлось признаваться в том, что ему есть дело до обезьян.

— И, конечно, не какой-нибудь пустяк ведет двух таких охотников — вожаков у себя в джунглях — по следам Бандар-Логов, — учтиво ответил Каа, хотя его распирало от любопытства.

— Право, — начал Балу, — я всего-навсего старый и подчас неразумный учитель Закона у Сионийских Волчат, а Багира...

— есть... Багира, — сказала черная пантера и закрыла пасть, лязгнув зубами: она не признавала смирения. — Вот в чем беда, Каа: эти воры орехов и истребители пальмовых листьев украли у нас человеческого детеныша, о котором ты, может быть, слышал.

— Я слышал, что-то от Сахи (иглы придают ему нахальст-

во) про детеныша, которого приняли в Волчью Стаю, но не поверил. Сахи слушает одним ухом, а потом переворачивает все, что слышал.

— Нет, это правда. Такого детеныша еще не бывало на свете, — сказал Балу. — Самый лучший, самый умный и самый смелый человеческий детеныш, мой ученик, который прославит имя Балу на все джунгли, от края и до края. А кроме того, я... мы... любим его, Каа!

— Тс! Тс! — отвечал Каа, ворочая головой направо и налево. — Я тоже знал, что такое любовь. Я мог бы рассказать вам не одну историю...

— Это лучше потом, как-нибудь в ясную ночь, когда мы все будем сыты и сможем оценить рассказ по достоинству, — живо ответила Багира. — Наш детеныш теперь в руках у Бандар-Логов, а мы знаем, что из всего Народа Джунглей они боятся одного Каа.

— Они боятся одного меня! И недаром, — сказал Каа. — Болтуньи, глупые и хвастливые, хвастливые, глупые болтуньи — вот каковы эти обезьяны! Однако вашему детенышу нечего ждать от них добра. Они рвут орехи, а когда надоест, бросают их вниз. Целый день они носятся с веткой, будто обойтись без нее не могут, а потом ломают ее пополам. Вашему детенышу не позавидуешь. Кроме того, они называли меня... желтой рыбой, кажется?

— Червяком, червяком. Земляным червяком, — сказала Багира, — и еще разными кличками. Мне стыдно даже повторять.

— Надо их проучить, чтобы не забывались, когда говорят о своем господине! Ааа-сс! Чтобы помнили получше! Так куда же они побежали с детенышем?

— Одни только джунгли знают. На запад, я думаю, — сказал Балу. — А ведь мы полагали, что тебе это известно, Каа?

— Мне? Откуда же? Я хватаю их, когда они попадают мне на дороге, но не охочусь ни за обезьянами, ни за лягушками, ни за зеленой тиной в пруду. Хссс!

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло, посмотри вверх, Балу из Сионийской Стаи.

Балу взглянул вверх, чтобы узнать, откуда слышится голос, и увидел коршуна Чилия, который плавно спускался вниз, и солнце светило на приподнятые края его крыльев. Чилию давно пора было спать, но он все еще кружил над джунглями, разыскивая медведя, и все не мог рассмотреть его сквозь густую листву.

— Что случилось? — спросил его Балу.

— Я видел Маугли у Бандар-Логов. Он просил передать это тебе. Я проследил за ними. Они понесли его за реку, в обезьяний город — в Холодные Берлоги. Быть может, они останутся там на ночь, быть может — на десять ночей, а быть может — на час. Я велел летучим мышам последить за ними ночью. Вот что мне было поручено. Доброй охоты всем вам внизу!

— Полного зоба и крепкого сна тебе, Чиль! — крикнула Багира. — Я не забуду тебя, когда выйду на добычу, и отложу целую голову тебе одному, о лучший из коршунов!

— Пустяки! Пустяки! Мальчик сказал Заветное Слово. Нельзя было не помочь ему! — И Чиль, сделав круг над лесом, полетел на ночлег.

— Он не забыл, что нужно сказать! — радовался Балу. — Подумать только: такой маленький, а вспомнил Заветное Слово Птиц, да еще когда обезьяны тащили его по деревьям!

— Оно было крепко вколочено в него, это слово! — сказала Багира. — Я тоже горжусь детенышем, но теперь нам надо спешить к Холодным Берлогам.

Все в джунглях знали, где находится это место, но редко кто бывал там, ибо Холодными Берлогами называли старый, заброшенный город, затерявшийся и похороненный в чаще леса; а звери не станут селиться там, где прежде жили люди. Разве дикий кабан поселится в таком месте, но не охотничье племя. Кроме того, обезьяны бывали там не чаще, чем во всяком другом месте, и ни один уважающий себя зверь не подходил близко к городу, разве только во время засухи, когда в полуразрушенных водоемах и бассейнах оставалась еще вода.

— Туда полночи пути полным ходом, — сказала Багира. И Балу сразу приуныл.

— Я буду спешить изо всех сил, — сказал он с тревогой.

— Мы не можем тебя ждать. Следуй за нами, Балу. Нам надо спешить — мне и Каа.

— Хоть ты и на четырех лапах, а я от тебя не отстану, — коротко сказал Каа.

Балу порывался бежать за ними, но должен был сперва сесть и перевести дух, так что они оставили медведя догонять их, и Багира помчалась вперед быстрыми скачками. Каа молчал, но как ни спешила Багира, огромный удав не отставал от нее. Когда они добрались до горной речки, Багира оказалась впереди, потому что перепрыгнула поток, а Каа пере-

плыл его, держа голову и шею над водой. Но на ровной земле удав опять нагнал Багиру.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, ты неплохой ходок! — сказала Багира, когда спустились су-мерки.

— Я проголодался, — ответил Каа. — Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

— Червяком, земляным червяком, да еще желтым!

— Все равно. Давай двигаться дальше. — И Каа словно лился по земле, зорким глазом отыскивая самую краткую доро-гу и двигаясь по ней.

Обезьяний Народ в Холодных Берлогах вовсе не думал о друзьях Маугли. Они притащили мальчика в заброшенный город и теперь были очень довольны собой. Маугли никогда еще не видел индийского города, и хотя этот город лежал в развалинах, он показался мальчику великолепным и полным чудес. Один владетельный князь построил его давным-давно на невысоком холме. Еще видны были остатки мощенных кам-нем дорог, ведущих к разрушенным воротам, где последние обломки гнилого дерева еще висели на изъеденных ржавчиной петлях. Деревья вросли корнями в стены и высились над ни-ми; зубцы на стенах рухнули и рассыпались в прах; ползучие растения выбились из бойниц и раскинулись по стенам башен висячими косматыми плетями.

Большой дворец без крыши стоял на вершине холма. Мра-мор его фонтанов и дворов был весь покрыт трещинами и бурыми пятнами лишайников, сами плиты двора, где прежде стояли княжеские слоны, были приподняты и раздвинуты травами и молодыми деревцами. За дворцом были видны ряд за рядом дома без кровель и весь город, похожий на пус-тые соты, заполненные только тьмой; бесформенная камен-ная колода, которая была прежде идолом, валялась теперь на площади, где перекрещивались четыре дороги; только ямы и выбоины остались на углах улиц, где когда-то стояли колод-цы, да обветшалые купола храмов, по бокам которых пророс-ли дикие смоковницы. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, будто презирают Народ Джунглей за то, что он живет в лесу. И все-таки они не знали, для чего по-строены все эти здания и как ими пользоваться. Они усажива-лись в кружок на помосте в княжеской зале совета, искали друг у дружки блох и играли в людей: вбегали в дома и опять выбегали из них, натаскивали куски штукатурки и всякого старья в угол и забывали, куда они все это спрятали: дрались и кричали, нападая друг на друга, потом разбегались играть

по террасам княжеского сада, трясли там апельсиновые деревья и кусты роз для того только, чтобы посмотреть, как посыплутся цветы и фрукты. Они обегали все переходы и темные коридоры во дворце и сотни небольших покоев, но не могли запомнить, что они уже видели, а чего еще не видели, и шатались везде поодиночке, попарно или кучками, хвастаясь друг перед другом, что ведут себя совсем как люди. Они пили из водоемов и мутили в них воду, потом дрались из-за воды, потом собирались толпой и бежали по всему городу, крича:

— Нет в джунглях народа более мудрого, доброго, ловкого, сильного и кроткого, чем Бандар-Логи!

Потом все начиналось снова, до тех пор, пока им не надоел город, и тогда они убегали на вершины деревьев, все еще не теряя надежды, что когда-нибудь Народ Джунглей заметит их.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не понимал такой жизни, и она не нравилась ему. Обезьяны притащили его в Холодные Берлоги уже к вечеру, и, вместо того, чтобы лечь спать, как сделал бы сам Маугли после долгого пути, они схватились за руки и начали плясать и распевать свои глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь перед своими друзьями и сказала им, что захват Маугли в плен отмечает начало перемены в истории Бандар-Логов, потому что теперь Маугли покажет им, как надо сплестать ветви и тростники для защиты от холода и дождя.

Маугли набрал лиан и начал их сплестать, а обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это наскучило, и они стали дергать своих друзей за хвосты и, кашляя, скакать на четвереньках.

— Мне хочется есть, — сказал Маугли. — Я чужой в этих местах — принесите мне поесть или позвольте здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян бросились за орехами и дикими плодами для Маугли, но по дороге они подрались, а возвращаться с тем, что у них осталось, не стоило труда. Маугли обиделся и рассердился, не говоря уже о том, что был голоден, и долго блуждал по пустынным улицам, время от времени испуская Охотничий Клич Чужака, но никто ему не ответил, и Маугли понял, что он попал в очень дурное место.

«Правда все то, что Балу говорил о Бандар-Логах, — подумал он про себя. — У них нет ни Закона, ни Охотничьего Клича, ни вожаков — ничего, кроме глупых слов и цепких воровских лап. Так что если меня тут убьют или я умру голодной смертью, то буду сам виноват. Однако надо что-нибудь при-

думать и вернуться в мои родные джунгли. Балу, конечно, побьет меня, но это лучше, чем ловить дурацкие розовые лепестки вместе с Бандар-Логами».

Как только он подошел к городской стене, обезьяны сейчас же оттащили его обратно, говоря, что он сам не понимает, как ему повезло, и стали щипать его, чтобы он почувствовал к ним благодарность. Он стиснул зубы и промолчал, но все-таки пошел с громко вопившими обезьянами на террасу, где были водоемы из красного песчаника, наполовину полные дождевой водой. Там посередине террасы стояла разрушенная беседка из белого мрамора, построенная для княжеских жен, которых давно уже не было на свете. Купол беседки провалился и засыпал подземный ход из дворца, по которому женщины приходили сюда, но стены из мрамора ажурной работы остались целы. Чудесную резьбу молочной белизны, легкую как кружево, украшали агаты, сердолики, яшма и ляпис-лазурь, а когда над холмом взошла луна, ее лучи проникли сквозь резьбу, и густые тени легли на землю узором черного бархата. Обиженный, сонный и голодный Маугли все же не мог не смеяться, когда обезьяны начинали в двадцать голосов твердить ему, как они мудры, сильны и добры и как он неразумен, что хочет с ними расстаться.

— Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим, значит это правда!— кричали они.— Сейчас мы тебе расскажем про себя, какие мы замечательные, раз ты нас слушаешь и можешь передать наши слова Народу Джунглей, чтобы в будущем он обращал на нас внимание.

Маугли с ними не спорил, и сотни обезьян собрались на террасе послушать, как их говоруны будут петь хвалы Бандар-Логам, и когда болтунья-обезьяна останавливалась, чтобы перевести дух, остальные подхватывали хором:

— Это правда, мы все так говорим!

Маугли кивал головой, моргал глазами и поддакивал, когда его спрашивали о чем-нибудь, и голова у него кружилась от шума.

«Шакал Табаки, должно быть, перекусал их всех,— думал он про себя,— и они теперь взбесились. Это у них бешенство, «дивани». Неужели они никогда не спят? Вот сейчас это облако закроет луну. Если оно большое, я бы успел убежать в темноте. Но я устал».

За этим самым облаком следили два верных друга в полузасыпанном рву под городской стеной. Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, выжидали, чтобы не риско-

вать понапрасну. Обезьяны ни за что не станут драться, если их меньше сотни против одного, а в джунглях мало кому нравится такой перевес.

— Я поползу к западной стене, — шепнул Каа, — и быстро скачусь по склону вниз, там мне будет легче. Они, конечно, не бросятся мне на спину всем скопом, но все же...

— Я знаю, — сказала Багира. — Если бы Балу был здесь! Но все-таки мы сделаем что можем. Когда это облако закроет луну, я выйду на террасу. Они там о чем-то совещаются между собой.

— Доброй охоты, — мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене.

Она оказалась разрушенной меньше других, и большой удав замешкался, пробираясь между камнями. Облако закрыло луну, и как раз в то время, когда Маугли раздумывал, что будет дальше, он услышал легкие шаги Багиры на террасе. Черная пантера взбежала по склону почти без шума и, не тратя времени на то, чтобы кусаться, раздавала удары направо и налево обезьянам, сидевшим вокруг Маугли в пятьдесят-шестьдесят рядов. Раздался общий вопль испуга и ярости, и, в то время как Багира шагала по катящимся и барахтающимся телам, одна обезьяна крикнула:

— Она тут одна! Убьем ее! Убьем!

Клубок дерущихся обезьян, кусаясь, царапаясь, дергая и терзая Багиру, сомкнулся над ней, а пять или шесть обезьян крепко ухватили Маугли, подтащили его к стене беседки и впихнули в пролом купола. Мальчик, воспитанный людьми, был бы весь в синяках, потому что падать ему пришлось с высоты добрых пятнадцати футов, но Маугли упал так, как Балу учил его падать, и сразу стал на ноги.

— Посиди тут, — кричали обезьяны, — пока мы не убьем твоих приятелей, а после мы поиграем с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

— Мы с вами одной крови, я и вы! — быстро шепнул Маугли Змеиное Слово.

Он слышал шорох и шипенье вокруг в кучах щебня и для верности еще раз повторил Змеиное Слово.

— Ссслышим! Уберите клубуки! — сказала несколько тихих голосов (все развалины в Индии рано или поздно становятся обиталищем змей, и ветхая беседка кишела кобрами). — Стой смирно, Маленький Брат, иначе ты раздавишь нас!

Маугли стоял спокойно, глядя в отверстия ажурной резьбы и прислушиваясь к шуму драки вокруг черной пантеры, к воплям, бормотанью и шлепкам и к густому, хриплому кашлю

Багиры, которая рвалась и металась взад и вперед, задыхаясь под кучей навалившихся на нее обезьян.

Впервые со дня своего рождения Багира дралась не на жизнь, а на смерть.

«Балу должен быть близко: Багира не пришла бы одна», — подумал Маугли и крикнул громко:

— К водоему, Багира! Скатись к водоему! Скатись и нырни! Бросайся в воду!

Багира его услышала, и этот крик, сказавший ей, что Маугли жив, придал ей силы. Она дралась отчаянно, шаг за шагом прокладывая себе дорогу к водоему. И вот у подножия разрушенной стены, ближе к джунглям, раздался, как гром, боевой клич Балу.

Как ни спешил старый медведь, он не мог поспеть раньше.

— Багира, — кричал он, — я здесь! Я лезу вверх! Я спешу! Камни скользят у меня из-под ног! Дайте только до вас добраться, о вы, подлые Бандар-Логи!

Медведь, пытаясь, взобрался на террасу и исчез под волной обезьян, но тут же, присев на корточки, расставил передние лапы и загреб ими столько обезьян, сколько мог удержать. Потом посыпались равномерные удары — хлоп-хлоп-хлоп! — с чмоканьем словно гребное колесо било по воде. Шум паденья и всплеск сказали Маугли, что Багира пробила к водоему, куда обезьяны не могли полезть за ней. Пантера лежала в воде, выставив только голову, и жадно ловила ртом воздух, и обезьяны, стоя в три ряда на красных ступенях, приплясывали от злобы на месте, готовые наброситься на нее со всех сторон разом, если она выйдет из воды на помощь Балу. Вот тогда-то Багира подняла мокрый подбородок и в отчаянии крикнула, зовя на помощь Змеиный Народ:

— Мы с вами одной крови, я и вы!

Она думала, что Каа струсил в последнюю минуту. Даже Балу на краю террасы, едва дыша под навалившимися на него обезьянами, не мог не засмеяться, услышав, что черная пантера просит помощи.

Каа только что перевалился через западную стену и с такой силой рухнул на землю, что большой камень свалился в ров. Он не намерен был отступать, и раза два свернулся и развернулся, проверяя, насколько каждый фут его длинного тела готов к бою. Тем временем Балу продолжал бой, и обезьяны вопили над водоемом вокруг Багиры, и нетопырь Манг, летая взад и вперед, разносил по джунглям вести о великой битве, так что затрубил даже дикий слон Хатхи. Далеко влесу проснулись отдельные стайки обезьян и помчались по

верхушкам деревьев к Холодным Берлогам, на помощь своим родичам, и шум битвы разбудил дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся быстро, напрямик, горя жаждой убийства. Вся сила удава — в тяжком ударе головой, удвоенном силой и тяжестью всего тела. Если вы можете себе представить копьё, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый спокойным, хладнокровным умом, обитающим в его ручке, вы можете себе представить, каков был Каа в бою.

Удав длиной в четыре или пять футов может сбить с ног человека, если ударит его головой в грудь, а в Каа было целых тридцать футов, как вам известно. Первый удар, направленный прямо в гущу обезьян, окружавших Балу, был нанесен молча, с закрытым ртом, а второго удара не понадобилось. Обезьяны бросились врассыпную с криком:

— Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Не одно поколение обезьян воспитывалось в страхе и вело себя примерно, наслушавшись от старших рассказов про Каа, ночного вора, который умел проскользнуть среди ветвей так же бесшумно, как растет мох, и утащить самую сильную обезьяну; про старого Каа, который умел прикидываться сухим сукком или гнилым пнем, так что самые мудрые ничего не подозревали до тех пор, пока этот сук не хватал их. Обезьяны боялись Каа больше всего на свете, ибо ни одна из них не знала пределов его силы, ни одна не смела взглянуть ему в глаза и ни одна не вышла бы живой из его объятий. И потому, дрожа от страха, они бросились на стены и на крыши домов, а Балу глубоко вздохнул от облегчения. Шерсть у него была гораздо гуще, чем у Багиры, но и он сильно пострадал в бою. И тут Каа, впервые раскрыв пасть, прошипел одно долгое, свистящее слово, и обезьяны, далеко в лесу спешившие на помощь к Холодным Берлогам, замерли на месте, дрожа так сильно, что ветви под их тяжестью согнулись и затрещали. Обезьяны на стенах и на крышах домов перестали кричать, в городе стало тихо, и Маугли услышал, как Багира отряхивает мокрые бока, выйдя из водоема. Потом снова поднялся шум. Обезьяны полезли выше на стены, уцепились за шеи больших каменных идолов и визжали, прыгая по зубчатым стенам, а Маугли, приплясывая на месте, приложился глазом к ажурной резьбе и начал ухать по-совиному, выражая презрение и насмешку.

— Достанем детеныша из западни, я больше не могу, — тяжело дыша, сказала Багира. — Возьмем детеныша и бежим. Как бы они опять не напали!

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. Сстойте на

месссте! — прошипел Каа, и кругом опять стало тихо. — Я не мог прийти раньше, Сестра, но мне показалось, что я слышу твой зов, — сказал он Багире.

— Я... я, может быть, и звала тебя в разгаре боя, — ответила Багира. — Балу, ты ранен?

— Не знаю, как это они не разорвали меня на сотню маленьких медведей, — сказал Балу, степенно отряхивая одну лапу за другой. — Ооу! Мне больно! Каа, мы тебе обязаны жизнью, мы с Багирой.

— Это пустяки. А где же человек?

— Здесь, в западне! Я не мог выбраться! — крикнул Маугли.

Над его головой закруглялся купол, провалившийся по самой середине.

— Возьмите его отсюда! Он танцует, как павлин Мор! Он передавит ногами наших детей! — сказали кобры снизу.

— Ха! — засмеялся Каа. — У него везде друзья, у этого человечка. Отойди подальше, человек, а вы спрячьтесь, о Ядовитый Народ! Сейчас я пробью стену.

Каа хорошенько осмотрелся и нашел почерневшую трещину в мраморной резьбе, там, где стена была сильнее всего разрушена, раза два-три слегка оттолкнулся головой, примериваясь, потом приподнялся на шесть футов над землей и ударил изо всей силы десять раз подряд. Мраморное кружево треснуло и рассыпалось облаком пыли и мусора, и Маугли выскочил в пробоину и бросился на землю между Багирой и Балу, обняв обоих за шею.

— Ты не ранен? — спросил Балу, обнимая Маугли.

— Меня обидели, я голоден и весь в синяках. Но как жестоко они вас потрепали, братья мои! Вы все в крови!

— Не одни мы, — сказала Багира, облизываясь и глядя на трупы обезьян на террасе и вокруг водоема.

— Это пустяки, всё пустяки, если ты жив и здоров, о моя гордость, лучший из лягушат! — прохныкал Балу.

— Об этом мы поговорим после, — сказала Багира сухо, что вовсе не понравилось Маугли. — Однако здесь Каа, которому мы с Балу обязаны победой, а ты — жизнью. Поблагодари его, как полагается по нашим обычаям, Маугли.

Маугли обернулся и увидел, что над ним раскачивается голова большого удава.

— Так это и есть человек? — сказал Каа. — Кожа у него очень гладкая, и он похож на Бандар-Логов. Смотри, человек, чтоб я не принял тебя за обезьяну как-нибудь в сумерках, после того как я сменю свою кожу.

— Мы с тобой одной крови, ты и я, — отвечал Маугли. — Сегодня ты возвратил мне жизнь. Моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!

— Спасибо, Маленький Брат, — сказал Каа, хотя глаза его смеялись. — А что может убить такой храбрый охотник? Я прошу позволения следовать за ним, когда он выйдет на ловлю.

— Сам я не убиваю, я еще мал, но я загоняю коз для тех, кому они нужны. Когда захочешь есть, приходи ко мне и увидишь, правда это или нет. У меня ловкие руки, — он вытянул их вперед, — и если ты попадешься в западню, я смогу уплатить долг и тебе, и Багире, и Балу. Доброй охоты вам всем, учителя мои!

— Хорошо сказано! — проворчал Балу, ибо Маугли благодарил как полагается.

Удав положил на минуту свою голову на плечо Маугли.

— Храброе сердце и учтивая речь, — сказал он. — С ними ты далеко пойдешь в джунглях. А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать, потому что скоро зайдет луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Луна садилась за холмами, и ряды дрожащих обезьян, которые жались по стенам и башням, походили на рваную, колеблющуюся бахрому. Балу сошел к водоему напиться, а Багира начала вылизывать свой мех. И тут Каа выполз на середину террасы, сомкнул пасть, звучно щелкнув челюстями, и все обезьяны устремили глаза на него.

— Луна заходит, — сказал он. — Довольно ли света, хорошо ли вам видно?

По стенам пронесся стон, словно вздох ветра в вершинах деревьев:

— Мы видим, о Каа!

— Хорошо! Начнем же пляску Каа — Пляску Голода. Сидите смирно и смотрите!

Он дважды или трижды свернулся в большое двойное и тройное кольцо, покачивая головой справа налево. Потом начал выделять петли и восьмерки и мягкие, расплывчатые треугольники, переходящие в квадраты и пятиугольники, не останавливаясь, не спеша и не прекращая ни на минуту негромкого гуденья. Становилось все темнее и темнее, и напоследок уже не видно было, как извивается и свивается Каа, слышно было только, как шуршит его чешуя.

Балу и Багира словно обратились в камень, ошетинившись и глухо ворча, а Маугли смотрел и дивился.

— Бандар-Логи, — послышался голос Каа, — можете вы шевельнуть рукой или ногой без моего приказа? Говорите.

— Без твоего слова мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, о Каа!

— Хорошо! Подойдите на один шаг ближе ко мне!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперед, и Балу с Багирой невольно сделали шаг вперед вместе с ними.

— Ближе! — прошипел Каа.

И обезьяны шагнули еще раз.

Маугли положил руки на плечи Багиры и Балу, чтобы увести их прочь, и оба зверя вздрогнули, словно проснувшись.

— Каа знает больше нас, — вся дрожа, сказала Багира, — не снимай, иначе я пойду... пойду к Каа. А-ах!

— Это всего только старый Каа выделяет круги в пыли, — сказал Маугли. — Идем отсюда.

Все трое выскользнули в пролом стены и ушли в джунгли.

— Уу-ф! — вздохнул Балу, снова очутившись среди неподвижных деревьев. — Никогда больше не стану просить помощи у Каа! — И он весь содрогнулся с головы до ног.

— Каа знает больше нас, — вся дрожа, сказала Багира. — Еще немного, и я бы отправилась прямо к нему в пасть.

— Многие отправятся туда, прежде чем луна взойдет еще раз, — ответил Балу. — Он хорошо поохотится — на свой лад.

— Но что же все это значит? — спросил Маугли, который не знал о притягательной силе змеи. — Я видел только большую змею, которая выписывала зачем-то круги по земле, пока не стемнело. И нос у Каа был весь разбит. Ха-ха!

— Маугли, — сердито сказала Багира, — нос он разбил ради тебя, так же как мои уши, бока и лапы, плечи и шея Балу искусаны ради тебя. И Балу и Багире трудно будет охотиться в течение многих дней.

— Это пустяки, — сказал Балу. — Зато детеныш опять с нами!

— Правда, но он нам дорого обошелся: ради него мы были изранены, пожертвовали временем, удачной охотой, собственной шкурой — у меня выщипана вся спина — и даже нашей честью. Ибо, не забывай этого, мне, черной пантере, пришлось просить помощи у Каа, и мы с Балу потеряли разум, как малые птенцы, увидев Пляску Голода. А все оттого, что ты играл с Бандар-Логам!

— Правда, все это правда, — сказал Маугли, опечалившись. — Я плохой детеныш, и в животе у меня горько.

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу вовсе не желал новой беды для Маугли, но с Законом не шутят, и потому он проворчал:

— Горе не мешает наказанию. Только не забудь, Багира, что он еще мал!

— Не забуду. Но он натворил беды, и теперь надо его побить. Маугли, что ты на это скажешь?

— Ничего! Я виноват. А вы оба ранены. Это только справедливо.

Багира дала ему с десяток шлепков, легких, на взгляд пантеры (они даже не разбудили бы ее собственного детеныша), но для семилетнего мальчика это были суровые побои, от которых всякий рад был бы избавиться. Когда все кончилось, Маугли чихнул и без единого слова поднялся на ноги.

— А теперь, — сказала Багира, — прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что с наказанием кончаются все счеты. После него не бывает никаких придинок.

Маугли опустил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что даже не проснулся, когда его положили на землю в родной берлоге.

«ТИГР, ТИГР!»

Оставив волчье логово после драки на Скале Совета, Маугли спустился вниз, к пашням, где жили люди, но не остался там — джунгли были слишком близко, а он знал, что на Совете нажил себе не одного лютого врага. И потому он побежал дальше, держась дороги по дну долины, и отмахал около двадцати миль ровной рысью, пока не добрался до мест, которых он еще не знал. Тут начиналась широкая равнина, усеянная скалами и изрезанная оврагами. На одном краю равнины стояла маленькая деревушка, с другого края густые джунгли дугой подступали к самому выгону и сразу обрывались, словно срезанные мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы, и мальчики, сторожившие стадо, завидев Маугли, убежали с криком, а бездомные желтые псы, которых много возле каждой индийской деревни, подняли лай. Маугли пошел дальше, потому что был голоден и, дойдя до деревенской околицы, увидел, что большой терновый куст, которым в сумерки загораживают ворота, отодвинут в сторону.

— Гм! — сказал Маугли (он не в первый раз натыкался на такие заграждения во время своих ночных вылазок за едой). — Значит, люди и здесь боятся Народа Джунглей!

Он сел у ворот и, как только за ворота вышел человек, вскочил на ноги, раскрыл рот и показал на него пальцем в

знак того, что хочет есть. Человек посмотрел на него, побежал обратно по единственной деревенской улице и позвал жреца — высокого и толстого человека одетого во все белое, с красным и желтым знаком на лбу. Жрец подошел к воротам, а за ним прибежало не меньше сотни жителей деревушки: они глазели, болтали, кричали и показывали на Маугли пальцами.

«Какие они невежи, эти люди! — сказал про себя Маугли. — Только серые обезьяны так себя ведут». — И, отбросив назад свои длинные волосы, он хмуро посмотрел на толпу.

— Чего же тут бояться? — сказал жрец. — Видите знаки у него на руках и на ногах. Это волчьи укусы. Он волчий приемыш и прибежал к нам из джунглей.

Играя с Маугли, волчата нередко кусали его сильнее, чем хотели, и руки и ноги мальчика были сплошь покрыты белыми рубцами. Но Маугли никогда в жизни не назвал бы эти рубцы укусами: он хорошо знал, какие бывают настоящие укусы.

— Ой! ой! — сказали в один голос две-три женщины. — Весь искусан волками, бедняжка! Красивый мальчик. Глаза у него, как огоньки. Право, Мессуа, он очень похож на твоего сына, которого унес тигр.

— Дайте мне взглянуть, — сказала женщина с тяжелыми медными браслетами на запястьях и щиколотках и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на Маугли. — Да, очень похож! Он худее, зато лицом он точь-в-точь мой сын.

Жрец был человек ловкий и знал, что муж Мессуа — один из первых деревенских богачей. И потому он возвел глаза к небу и произнес торжественно:

— Что джунгли взяли, то джунгли и отдали. Возьми мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забывай оказывать почет жрецу, которому открыто все будущее человека.

«Клянусь буйволом, выкупившим меня, — подумал Маугли, — все это очень похоже на то, как меня осматривала Стая! Что ж, если я человек, то и буду человеком».

Толпа расступилась, и женщина сделала Маугли знак, чтобы он шел за ней в хижину, где стояла красная лакированная кровать. А еще там было много вещей: большой глиняный сосуд для зерна, покрытый забавным выпуклым узором, с полдюжины медных котелков для стряпни, божок в маленькой нише и на стене — настоящее зеркало, какое можно купить на деревенской ярмарке за восемь центов.

Она дала Маугли вволю молока и кусочек хлеба, потом положила руку ему на голову и заглянула в глаза; ей все-таки думалось, что, может быть, и в самом деле ее родной сын

вернулся из джунглей, куда его унес тигр. И она позвала:
— Натху! О Натху!

Маугли ничем не показывал, что это имя ему знакомо.

— Разве ты забыл тот день, когда я подарила тебе новые башмаки? — Она дотронулась до его ступни, твердой почти как рог. — Нет, — сказала она с грустью, — эти ноги никогда не знали башмаков. Но ты очень похож на моего Натху и будешь моим сыном.

Маугли стало не по себе, оттого, что он до сих пор никогда еще не бывал под крышей. Но, взглянув на соломенную кровлю, он увидел, что сможет ее разобрать, если захочет выбраться на волю, и что окно не запирается.

«Что толку быть человеком, если не понимаешь человеческой речи? — сказал он себе. — Здесь я так же глуп и нем, как человек у нас в джунглях. Надо научиться их языку».

Недаром, живя с волками, он выучился подражать боевому кличу оленей в джунглях и хрюканью диких свиней. Как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли очень похоже повторял его за ней и еще до темноты заучил названия многих предметов в хижине.

Пришло время спать, но Маугли ни за что не хотел ложиться в хижине, похожей на ловушку для пантеры, и когда заперли дверь, он выскочил в окно.

— Оставь его, — сказал муж Мессуа. — Не забывай, что он никогда еще не спал на кровати. Если он вправду послан нам вместо сына, он никуда не убежит.

И Маугли растянулся среди высокой чистой травы на краю поля. Но не успел он закрыть глаза, как чей-то мягкий серый нос толкнул его в шею.

— Фу! — сказал Серый Брат (это был старший из детенышей Матери Волчицы). — Стоило ради этого бежать за тобой двадцать миль! От тебя пахнет дымом и хлебом — совсем как от человека. Проснись, Маленький Брат, я принес тебе новости.

— Все ли здоровы в джунглях? — спросил Маугли, обнимая его.

— Все, кроме волков, которые обожглись Красным Цветком. Теперь слушай. Шер-Хан ушел охотиться в дальние леса, пока не заживет его шкура — он весь в ожогах. Он поклялся, что побросает твои кости в реку, когда вернется.

— Ну, это мы еще посмотрим. Я тоже кое в чем поклялся. Однако новости всегда приятно слышать. Я устал сегодня, очень устал от всего нового, Серый Брат, но ты мне всегда рассказывай, что знаешь нового.

— Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть нас? — тревожно спросил Серый Брат.

— Никогда! Я никогда не забуду, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но не забуду и того, что меня прогнали из Стаи...

— И что тебя могут прогнать из другой стаи, Маленький Брат. Люди есть люди, и речь их похожа на речь лягушек в пруду. Когда я приду сюда снова, я буду ждать тебя в бамбуках на краю выгона.

В течение трех месяцев после этой ночи Маугли почти не выходил за деревенские ворота, так он был занят, изучая повадки и обычаи людей. Прежде всего ему пришлось надеть повязку вокруг бедер, что очень его стесняло, потом выучиться считать деньги, непонятно зачем, потом пахать землю, в чем он не видел пользы. Деревенские дети постоянно дразнили его. К счастью, Закон Джунглей научил Маугли сдерживаться, ибо в джунглях от этого зависят жизнь и пропитание. Но когда дети дразнили его за то, что он не хотел играть с ними или пускать змея, или за то, что он не так выговаривал какое-нибудь слово, одна только мысль, что недостойно охотника убивать маленьких, беззащитных детенышей, не позволяла ему схватить и разорвать их пополам.

Маугли сам не знал своей силы. В джунглях он чувствовал себя гораздо слабее зверей, а в деревне люди говорили, что он силен, как бык. Он не понимал, что такое страх, и когда деревенский жрец сказал ему, что бог в храме разгневался на Маугли, если он будет красть у жреца сладкие плоды манго, Маугли схватил статую божка, притащил ее к жрецу в дом и попросил сделать так, чтобы бог разгневался и Маугли можно было бы подраться с ним. Соблазн был большой, но жрец замаял дело, а мужу Мессуа пришлось заплатить немало серебра, чтобы успокоить бога.

Кроме того, Маугли не имел никакого понятия о тех различиях между людьми, которые создает каста. Когда осел гончара свалился в яму, Маугли вытащил его за хвост и помог уложить горшки для отправки на рынок в Канхивару. Это было уже из рук вон плохо, потому что гончар принадлежал к низшей касте, а про осла и говорить нечего. Когда жрец стал бранить Маугли, тот пригрозил посадить и его на осла, и жрец сказал мужу Мессуа, что самое лучшее — поскорее приставить Маугли к какому-нибудь делу. После этого деревенский староста велел Маугли отправляться завтра утром на пастбище стеречь буйволов. Больше всех был доволен этим Маугли. В тот же вечер, считая себя уже на службе у дерев-

ни, он присоединился к кружку, который собирался каждый вечер на каменной площадке под большой смоковницей. Это был деревенский клуб, куда сходились курить и староста, и цирюльник, и сторож, знавшие наперечет все деревенские сплетни, и старик Балдео, деревенский охотник, у которого имелся английский мушкет. Обезьяны сидели и болтали на верхних ветвях смоковницы, а в норе под площадкой жила кобра, которой каждый вечер ставили блюдечко молока, потому что она считалась священной. Старики рассаживались вокруг дерева, болтали до поздней ночи и курили табак из больших кальянов. Они рассказывали удивительные истории о людях, богах и привидениях, а Балдео рассказывал еще более удивительные истории о повадках зверей в джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало. Больше всего рассказов было про зверей, потому что джунгли подходили вплотную к деревне. Олени и дикие свиньи подкапывали посевы, и время от времени в сумерках тигр уносил человека на глазах у всех, чуть не от самых деревенских ворот.

Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чем здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел, как он смеется. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной удивительной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха.

Балдео толковал о том, что тигр, который унес сына Мессуа, был оборотень и что в него вселилась душа злого старого ростовщика, который умер несколько лет назад...

— И это верно, я знаю, — говорил он, — потому что Пуран Дас всегда хромял. Ему зашибли ногу во время бунта, когда сожгли все его счетные книги, а тот тигр, о котором я говорю, тоже хромяет: его лапы оставляют неровные следы.

— Верно, верно, так оно и есть! — подтвердили седые бороды, дружно кивая головами.

— Неужели все ваши рассказы такая старая труха? — сказал Маугли. — Этот тигр хромяет потому, что родился хромым, как всем известно. Болтать, будто душа ростовщика живет в звере, который всегда был трусливее шакала, могут только малые дети.

Балдео на минуту онемел от изумления, а староста вытаращил глаза.

— Ого! Это мальчишка из джунглей, не так ли? — сказал Балдео. — Если уж ты так умен, тогда лучше отнеси шкуру этого тигра в Канхивару — правительство назначило сто рупий за его голову. А еще лучше помолчи, когда говорят старшие.

Маугли встал, собираясь уходить.

— Весь вечер я лежал тут и слушал, — отозвался он, оглянувшись через плечо, — и за все это время, кроме одного или двух раз, Балдео не сказал ни слова правды о джунглях, а ведь они у него за порогом. Как же я могу верить сказкам о богах, приведениях и злых духах, которых он будто бы видел?

— Этому мальчику давно пора к стаду, — сказал староста.

А Балдео пыхтел и фыркал, возмущаясь дерзостью Маугли.

Во многих индийских деревнях мальчики с раннего утра выгоняют коров и буйволов на пастбище, а вечером пригоняют их обратно, и те самые буйволы, которые затоптали бы белого человека насмерть, позволяют колотить и гонять себя детям, которые едва достают до морды. Пока мальчики держатся возле буйволов, им не грозит никакая опасность — даже тигр не посмеет напасть на целое стадо. Но если они отойдут собирать цветы или ловить ящериц, их может унести тигр.

Ранним утром Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине, Рамы, самого большого буйвола в стаде.

Сине-серые буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и диковатым взглядом один за другим выбирались из хлевов и шли за вожакom Рамой, и Маугли дал понять остальным мальчикам, что хозяин здесь он. Он колотил буйволов длинной отполированной бамбуковой палкой и сказал одному из мальчиков, по имени Камия, что проедет дальше с буйволами, а мальчики пусть пасут коров без него и ни в коем случае не отходят от стада.

Индийское пастбище — это сплошные камни, кусты, пучки жесткой травы и неглубокие овраги, по которым разбредается и прячется стадо. Буйволы обычно держатся вблизи болот, где много ила, и целыми часами лежат и греются в горячей от солнца грязи. Маугли пригнал стадо на тот край равнины, где Вайнганга выходит из джунглей, соскочил с шеи Рамы, подбежал к бамбуковой рощице и нашел там Серого Брата.

— Ага, — сказал Серый Брат, — я уже много дней жду тебя здесь. Для чего тебе эта возня со стадом?

— Так мне приказано, — сказал Маугли. — Пока что я деревенский пастух. А где Шер-Хан?

— Он вернулся в эти места и долго подстерегал тебя здесь. Теперь он опять ушел, потому что дичи мало. Он хочет убить тебя.

— Отлично! — сказал Маугли. — Пока его здесь нет, ты или кто-нибудь из четверых братьев должен сидеть на этой

скале, чтобы я тебя видел, когда выхожу из деревни. Когда он вернется, ждите меня в овраге посреди равнины, под деревом дхак. Незачем лезть в самую пасть Шер-Хану.

После этого Маугли выбрал тенистое место и уснул, а буйволы паслись вокруг него. Пасти скот в Индии — занятие для лентяев. Коровы передвигаются с места на место и жуют, потом ложатся, потом опять двигаются дальше и даже не мычат. Они только фыркают, а буйволы очень редко говорят что-нибудь. Они входят в илистые заводы один за другим и забираются в грязь по самую морду, так что видны только нос да синие, словно фарфоровые, глаза, и лежат там, как колоды. Нагретые солнцем скалы словно струятся от зноя, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) незримо посвистывает у них над головой, и знают, что если кто-нибудь из них умрет или издохнет корова, этот коршун слетит вниз, и соседний коршун за много миль отсюда увидит, как тот спустился, и тоже полетит за ним, а потом еще один, и еще, так что едва успеет кто-нибудь умереть, как двадцать голодных коршунов являются неизвестно откуда. Мальчики дремлют, просыпаются и снова засыпают, плетут маленькие корзиночки из сухой травы и сажают в них кузнечиков; а то поймают двух богомоллов и заставляют их драться, а то нижут бусы из красных и черных лесных орехов, или смотрят, как ящерица греется на солнце, или как змея возле лужи охотится за лягушкой. Потом они поют долгие, протяжные песни со странными переливами в конце, и день кажется им длиннее, чем вся жизнь другим людям. А иногда вылепят дворец или храм из глины с фигурками людей, лошадей и буйволов, вложат тростинки людям в руки, будто бы это владетельные князья, а остальные фигурки — их войско, или будто бы это боги, а остальные им молятся. Потом наступает вечер, дети сзывают стадо, и буйволы один за другим поднимаются из густой грязи с шумом пушечного выстрела, и все стадо тянется вереницей через серую равнину обратно, к мерцающим огонькам деревни.

День за днем водил Маугли буйволов к илистым заводам, день за днем видел Серого Брата на равнине (и потому знал, что Шер-Хан еще не вернулся), день за днем он лежал в траве, прислушиваясь к звукам вокруг него, и думал о прежней жизни в джунглях. Если бы Шер-Хан оступился своей хромой лапой где-нибудь в зарослях на берегу Вайнганги, Маугли услышал бы его в эти долгие тихие утра.

Настал наконец день, когда Маугли не увидел Серого Брата на условленном месте, и засмеявшись, он погнал буйволов к оврагу под деревом дхак, площадь покрытым золотисто-

красными цветами. Там сидел Серый Брат, и каждый волосок на его спине поднялся дыбом.

— Он прятался целый месяц, чтобы сбить тебя со следа. Вчера ночью он перешел горы вместе с Табаки и теперь идет по горячим следам за тобой, — сказал волк, тяжело дыша.

Маугли нахмурился:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки очень хитер.

— Не бойся, — сказал Серый Брат, слегка облизнув губы. — Я повстречал Табаки на рассвете. Теперь он рассказывает все свои хитрости коршунам. Но, прежде чем я сломал ему хребет, он все рассказал мне. Шер-Хан намерен ждать тебя сегодня вечером у деревенских ворот, только тебя и никого другого. А теперь он залег в большом пересохшем овраге у реки.

— Ел он сегодня или охотится на пустой желудок? — спросил Маугли, потому что от ответа зависела для него жизнь или смерть.

— Он зарезал свинью на рассвете, а теперь еще и напился вволю. Не забудь, что Шер-Хан не может пробыть и одного дня без еды даже ради мести.

— О глупец, глупец! Щенок из щенков! Наелся, да еще и напился и думает, что я стану ждать, пока он выпится! Так где же он залег? Если бы нас было хоть десятеро, мы сбили бы с него спесь. Эти буйволы не захотят нападать, если не почуют тигра, а я не умею говорить на их языке. Нельзя ли нам пойти по его следу, чтобы буйволы его почуяли?

— Он проплыл далеко вниз по Вайнганге, чтобы след потерялся, — ответил Серый Брат.

— Это Табаки его надоумил, я знаю. Сам он никогда не догадался бы. — Маугли стоял, положив палец в рот, и раздумывал. — Большой овраг у Вайнганги — он выходит на равнину почти за полмили отсюда. Я могу повести стадо кругом, через джунгли, к верху оврага, а потом спуститься вниз, но тогда он уйдет от нас по дну оврага. Надо загородить тот конец. Серый Брат, можешь ли ты разделить стадо пополам?

— Не знаю, может быть, и не сумею, но я привел тебе умного помощника.

Серый Брат отбежал в сторону и соскочил в яму. Оттуда поднялась большая серая голова, хорошо знакомая Маугли, и знойный воздух наполнился самым тоскливым воем, какой только можно услышать в джунглях, — то был охотничий клич волка в полуденное время.

— Акела! Акела! — крикнул Маугли, хлопая в ладоши. — Я так и знал, что ты меня не забудешь! Нам предстоит боль-

шая работа. Раздели стадо надвое, Акела. Собери коров с телятами, а быков и рабочих буйволов — отдельно.

Оба волка, делая петли, забежали в стаде среди буйволов и коров, которые фыркали и закидывали вверх головы, и разделили его на две группы. В одной стояли коровы, окружив телят кольцом, и, злобно глядя, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и растоптать его насмерть, если только он остановится. В другой группе фыркали и рыли землю быки и молодые бычки, которые казались страшнее, но были далеко не так опасны, потому что не защищали своих телят. Люди и шестером не сумели бы разделить стадо так ловко.

— Что прикажешь еще? — спросил Акела, задыхаясь. — Они хотят опять сойтись вместе.

Маугли вскочил на спину Рамы:

— Отгони быков подальше налево, Акела. Серый Брат, когда мы уйдем, не давай коровам разбегаться и загоняй их в устье оврага.

— Далеко ли? — спросил Серый Брат, тяжело дыша и щелкая зубами.

— До того места, где склоны всего круче, чтобы Шер-Хан не мог выскочить! — крикнул Маугли. — Задержи их там, пока мы не подойдем.

Быки рванулись вперед, услышав голос Акелы, а Серый Брат вышел и стал перед коровами. Те бросились на него, и он побежал перед самым стадом к устью оврага, а в это время Акела отогнал быков далеко влево.

— Хорошо сделано! Еще раз — и они дружно двинутся вперед. Осторожней теперь, осторожней, Акела! Стоит только щелкнуть зубами, и они бросятся на тебя! Ого! Бешеная работа, хуже, чем гонять черных оленей! Думал ли ты, что эти твари могут так быстро двигаться? — спросил Маугли.

— Я... я охотился и на них в свое время, — задыхаясь от пыли, отозвался Акела. — Повернуть их в джунгли?

— Да, поверни. Поверни их скорее! Рама бесится от злости. О, если б я только мог сказать ему, что мне от него нужно!

Быки повернули, на этот раз направо, и с шумом бросились в чащу. Мальчишки-пастухи, сторожившие стадо полумилей дальше, со всех ног бросились в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

План Маугли был довольно прост. Он хотел сделать большой круг по холмам и дойти до верха оврага, а потом согнать быков вниз, чтобы Шер-Хан попал между быками и коровами.

Он знал, что, наевшись и напившись вволю, Шер-Хан не сможет драться и не вскарабкается по склонам оврага. Теперь Маугли успокаивал буйволов голосом, а Акела бежал позади, подвывая изредка, чтобы подогнать отстающих. Пришлось делать большой-большой круг, потому что они не хотели подходить слишком близко к оврагу, чтобы не вспугнуть Шер-Хана. Наконец Маугли повернул стадо на поросший травой обрыв, круто спускавшийся к оврагу. С обрыва из-за вершин деревьев была видна равнина внизу, но Маугли смотрел только на склоны оврага и с немалым удовольствием видел, что они очень круты, почти отвесны, и что плющ и лианы, которые их заплели, не удержат тигра, если он захочет выбраться наверх.

— Дай им вздохнуть, Акела, — сказал он, поднимая руку. — Они еще не почуяли тигра. Дай им вздохнуть. Надо же сказать Шер-Хану, кто идет. Мы поймали его в западню.

Он приложил руки ко рту и крикнул в овраг — это было все равно что кричать в туннель, — эхо покатилося от скалы к скале.

Очень не скоро в ответ послышалось протяжное сонное ворчанье сытого тигра, который только что проснулся.

— Кто зовет? — спросил Шер-Хан, и великолепный павлин с резким криком выпорхнул из оврага.

— Я, Маугли! Пора тебе явиться на Скалу Совета, коровий вор! Вниз! Гони их вниз, Акела. Вниз. Рама вниз!

На миг стадо замерло на краю обрыва, но Акела провыл во весь голос охотничий клич, и буйволы один за другим нырнули в овраг, как пароходы ныряют через пороги. Песок и камни полетели фонтаном во все стороны.

Раз двинувшись, стадо уже не могло остановиться, и не успело оно опуститься на дно оврага, как Рама замычал, почуяв Шер-Хана.

— Ага! — сказал Маугли, сидевший на спине. — Теперь ты понял!

И поток черных рогов, морд, покрытых пеной, и выпученных глаз покатился по оврагу, точно так, как катятся валуны в половодье: буйволов послабее оттеснили к бокам оврага, где они с трудом продирались сквозь лианы. Буйволы поняли, что им предстоит: напасть всем стадом и изо всех сил, чего не выдержит ни один тигр. Шер-Хан, слышав топот копыт, вскочил и неуклюже затрусил вниз по оврагу, озираясь по сторонам в поисках выхода. Но откосы поднимались почти отвесно, и он бежал дальше и дальше, отяжелев от еды и питья, готовый на все, лишь бы не драться. Стадо уже расплескива-

ло лужу, по которой он только что прошел, и мычало так, что стон стоял в узком проходе. Маугли услышал ответное мычание, в конце оврага и увидел, как повернул Шер-Хан (тигр понимал, что лучше встретиться с быками, чем с коровами и телятами). Потом Рама оступился, споткнулся и прошел по чему-то мягкому и, подгоняемый остальными быками, на всем ходу врезался в другую половину стада. Буйволы послабее это столкновение просто сбilo с ног. И оба стада вынеслись на равнину, бодаясь, фыркая и топоча копытами. Маугли выждал, сколько надо, и соскользнул со спины Рамы, коло-тя направо и налево своей палкой.

— Живо, Акела разводи стадо! Разгоняй их, не то они начнут бодать друг друга! Отгони их подальше, Акела. Эй Рама! Эй, эй, эй, дети мои! Тихонько теперь, тихонько! Все уже кончено.

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, кусая буйвол за ноги, и хотя стадо опять направилось было в овраг, Маугли сумел повернуть Раму, а остальные буйволы побрели за ним к болотам.

Шер-Хана не нужно было больше топтать. Он был мертв, и коршуны уже слетались к нему.

— Братья, вот это была собачья смерть! — сказал Маугли, нащупывая нож, который всегда носил в ножнах на шее, с тех пор как стал жить с людьми. — Но он все равно был трус и не стал драться. Да! Его шкура будет очень хороша на Скале Совета. Надо скорей приниматься за работу.

Мальчику, выросшему среди людей, никогда не пришлось бы в голову одному свежевать десятифудового тигра, но Маугли лучше всякого другого знал, как приложена шкура животного и как ее надо снимать. Однако работа была трудная, и Маугли старался целый час, отдирая и полосую шкуру ножом, а волки смотрели, высунув язык, или подходили и тянули шкуру, когда он приказывал им.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Маугли, и подняв глаза, мальчик увидел Балдео с английским мушкетом. Пастухи рассказали в деревне о том, что буйволы взбесились и убежали, и Балдео вышел сердитый, заранее приготовившись наказать Маугли за то, что он плохо смотрел за стадом. Волки скрылись из виду, как только заметили человека.

— Что это за глупости? — сердито спросил Балдео. — Да разве тебе ободрать тигра! Где буйволы его убили? К тому же это хромой тигр, и за его голову назначено сто рупий. Ну, мы не взыщем с тебя за то, что ты упустил стадо, и, мо-

жет быть, я дам тебе одну рупию, после того как отвезу шкуру в Канхивару.

Он нащупал за поясом камень и огниво и нагнулся, чтобы опалить Шер-Хану усы. Почти все охотники в Индии подпаливают тигру усы, чтобы его призрак не тревожил их.

— Гм! — сказал Маугли вполголоса, снимая кожу с передней лапы. — Так ты отвезешь шкуру в Канхивару, получишь награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А я так думаю, что шкура понадобится мне самому. Эй старик, убирайся с огнем подальше!

— Как ты смеешь так разговаривать с первым охотником деревни? Твое счастье и глупость буйволов помогли тебе получить такую добычу. Тигр только что наелся, иначе он был бы сейчас в двадцати милях отсюда. Ты даже ободрать его не сумеешь как следует, нищий мальчишка, да еще смеешь говорить мне, Балдео, чтобы я не подпаливал тигру усы! Нет, Маугли, я не дам тебе из награды ни одного медяка, зато поколочу тебя как следует. Отойди от туши!

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, — сказал Маугли, снимая шкуру с лопатки, — неужели я потрачу весь полдень на болтовню с этой старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоел мне!

Балдео, который все еще стоял, нагнувшись над головой Шер-Хана, вдруг растянулся на траве, а когда пришел в себя, то увидел, что над ним стоит серый волк, а Маугли продолжает снимать шкуру, как будто он один во всей Индии.

— Да-а, — сказал Маугли сквозь зубы, — ты прав, Балдео: ты не дашь мне ни одного медяка из награды. Я давно воюю с этим хромым тигром, очень давно, и верх теперь мой!

Надо отдать Балдео справедливость — будь он лет на десять помоложе, он бы не побоялся схватиться с Акелой, повстречав его в лесу, но волк, повинующийся слову мальчика, у которого есть личные счеты с тигром-людоедом, — не простой зверь. Тут колдовство, самые опасные чары, думал Балдео и уже не надеялся, что амулет, надетый на шею, защитит его. Он лежал едва дыша и ждал, что Маугли вот-вот превратится в тигра.

— Махараджа! Владыка! — произнес он наконец хриплым шепотом.

— Да? — ответил Маугли, не поворачивая головы и слегка посмеиваясь.

— Я уже старик. Откуда я знал, что ты не простой пастушонок? Можно ли мне встать и уйти отсюда или твой слуга разорвет меня в клочки?

— Ступай, да будет мир с тобой. Только в другой раз не мешайся в мои дела. Пусти его, Акела!

Балдео заковылял в деревню, спеша и поминутно оглядываясь через плечо, не превратится ли Маугли во что-нибудь страшное. Добравшись до деревни, он рассказал такую историю о напущенных на него чарах, волшебстве и колдовстве, что жрец не на шутку испугался.

Маугли работал не отдыхая, однако надвигались уже сумерки, когда он вместе с волками снял с туши большую пеструю шкуру.

— Теперь надо спрятать шкуру и гнать буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела!

Стадо собрали в сумеречной мгле, и когда оно приближалось к деревне, Маугли увидел огни и услышал, как в храме звонят в колокола и трубят в раковины. Казалось, полдеревни собралось к воротам встречать Маугли.

«Это потому, что я убил Шер-Хана»,— подумал он.

Но целый дождь камней просвистел мимо него, и люди закричали:

— Колдун! Оборотень! Волчий выкормыш! Ступай прочь! Да поживее, не то жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Балдео, стреляй!

Старый английский мушкет громко хлопнул, и в ответ замычал от боли раненый буйвол.

— Опять колдовство! — закричали люди. — Он умеет отводить пули! Балдео, ведь это твой буйвол!

— Это еще что такое? — спросил растерянно Маугли, когда камни полетели гуще.

— А ведь они похожи на Стаю, эти твои братья, — сказал Акела, спокойно усаживаясь на земле. — Если пули что-нибудь значат, они как будто собираются прогнать тебя.

— Волк! Волчий выкормыш! Ступай прочь! — крикнул жрец, размахивая веткой священного растения тулси.

— Опять? Прошлый раз меня гнали за то, что я человек. На этот раз за то, что я волк. Пойдем, Акела!

— Женщина—это была Мессуа—перебежала через дорогу к стаду и крикнула:

— О сын мой, сын мой! Они говорят, что ты колдун и можешь, когда захочешь, превращаться в волка! Я им не верю, но все-таки уходи, а то они убьют тебя. Балдео говорит, что ты чародей, но я знаю, что ты отомстил за смерть моего Натху.

— Вернись, Мессуа! — кричала толпа. — Вернись не то мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким, злым смехом, потому что камень ударил его по губам.

— Беги назад, Мессуа. Это глупая сказка, одна из тех, какие рассказывают под большим деревом в сумерки. Я все-таки отомстил за твоего сына. Прощай и беги скорее, потому что я сейчас пошлю на них стадо, а оно движется быстрее, чем их камни. Я не колдун, Мессуа. Прощай.... Ну, еще раз, Акела!— крикнул он. — Гони стадо в ворота!

— Буйволы и сами рвались в деревню. Они не нуждались в том, чтобы их подгонял вой Акелы, и вихрем влетели в ворота, расшвыряв толпу направо и налево.

— Считайте! — презрительно крикнул Маугли. — Может быть, я украл у вас буйвола. Считайте, потому что больше я не стану пасти для вас стадо. Прощайте, люди, и скажите спасибо Мессуа, что я не позвал своих волков и не стал гонять вас взад и вперед по деревенской улице.

Он повернулся и пошел прочь вместе с волком-одиночкой и, глядя вверх на звезды, чувствовал себя счастливым.

— Больше я уж не стану спать в ловушках, Акела. Давай возьмем шкуру Шер-Хана и пойдем отсюда. Нет, деревню мы не тронем, потому что Мессуа была добра ко мне.

Когда луна взошла над равниной, залив ее словно молоком, напуганные крестьяне увидели, как Маугли с двумя волками позади и с узлом на голове бежал к лесу ровной волчьей рысью, пожирающей милю за милей, как огонь. Тогда они зазвонили в колокола и затрубили в раковины пуще прежнего. Мессуа плакала. Балдео все больше привирал, рассказывая о своих приключениях в джунглях, и кончил тем, что рассказал, будто Акела стоял на задних лапах и разговаривал, как человек.

Луна уже садилась, когда Маугли и оба волка подошли к холму, где была Скала Совета, и остановились перед логовом Матери Волчицы.

— Они прогнали меня из человечесьей стаи, мать!— крикнул ей Маугли. — Но я сдержал свое слово и вернулся со шкурой Шер-Хана.

Мать Волчица не спеша вышла из пещеры со своими волчатами, глаза ее загорелись, когда она увидела шкуру.

— В тот день, когда он втиснул голову и плечи в наше логово, охотясь за тобой, Лягушонок, я сказала ему, что из охотника он станет добычей. Ты хорошо сделал.

— Хорошо сделал, Маленький Брат, — слышался чей-то низкий голос в зарослях. — Мы скучали в джунглях без тебя. — И Багира подбежала и потерлась о босые ноги Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и на том плоском

камне, где сиживал прежде Акела, Маугли растянул тигровую шкуру, прикрепив ее четырьмя бамбуковыми колышками. Акела улегся на шкуру и по-старому стал сзывать волков на Совет: «Смотрите, смотрите, о волки!»— совсем как в ту ночь, когда Маугли впервые привели сюда.

С тех пор как сместили Акелу, Стая оставалась без вожака, и волки охотились или вступали в бой как кому вздумается. Однако волки по привычке пришли на зов. Одни из них охромели, попавшись в капкан, другие едва ковыляли, раненные дробью, третьи запаршивели, питаясь всякой дрянью, многих не досчитывались совсем. Но все, кто остался в живых, пришли на Скалу Совета и видели полосатую шкуру Шер-Хана на скале и громадные когти, болтающиеся на концах пустых лап.

— Смотрите хорошенько, о волки! Разве я не сдержал слово? — сказал Маугли.

И волки пролаяли: «Да!», а один, самый захудалый, провыл:

— Будь снова нашим вожаком, о Акела! Будь нашим вожаком, о детеныш! Нам опротивело беззаконие, и мы хотим снова стать Свободным Народом!

— Нет,— промурлыкала Багира,—этого нельзя. Если вы будете сыты, вы можете опять взбеситься. Недаром вы зоветесь Свободным Народом. Вы дрались за Свободу, и она ваша. Ешьте ее, о волки!

— Человечья стая и волчья стая прогнали меня, — сказал Маугли.— Теперь я буду охотиться в джунглях один.

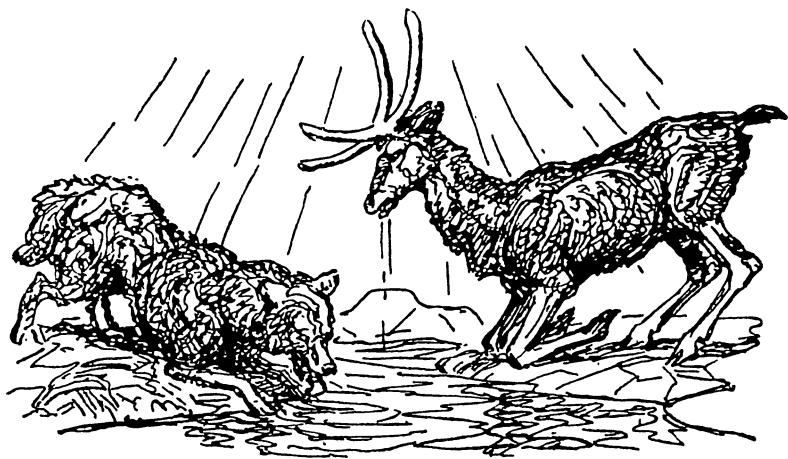
— И мы станем охотиться вместе с тобой,— сказали четверо волчат.

И Маугли ушел и с этого дня стал охотиться в джунглях вместе с четверыми волчатами.

Но он не всегда оставался один: спустя много лет он стал взрослым и женился.

Но это уже — рассказ для больших!

КАК СТРАХ ПРИШЕЛ В ДЖУНГЛИ

Закон Джунглей, который много старше всех других законов на земле, предвидел почти все случайности, какие могут выпасть на долю Народа Джунглей, и теперь в этом Законе есть все, что могли дать время и обычай. Если вы читали другие рассказы про Маугли, то помните, что он провел большую часть своей жизни в Сионийской Волчьей Стае, обучаясь Закону у бурого медведя Балу. Это Балу сказал мальчику, когда тому наскучило выполнять его приказания, что Закон подобен цепкой лиане, ибо хватает всякого и никому от него не уйти.

— Когда ты проживешь с мое, Маленький Брат, то увидишь, что все Джунгли повинуются одному Закону. И это будет не очень приятно видеть, — сказал Балу.

Его слова вошли в одно ухо Маугли и вышли в другое: мальчик, у которого вся жизнь уходит на еду и сон, не станет особенно тревожиться, пока беда не пойдет к нему вплотную. Но настал год, когда слова Балу подтвердились, и Маугли увидел, что все Джунгли повинуются одному Закону.

Это началось после того, как зимних дождей не выпало почти совсем и дикобраз Сахи, повстречав Маугли в бамбуковых зарослях, рассказал ему, что дикий ямс подсыхает. А всем известно, что Сахи привередлив до смешного и ест только самое лучшее и самое спелое. Маугли засмеялся и сказал:

— А мне какое дело?

— Сейчас — почти никакого, — сухо и неприветливо ответил Сахи, гремя иглами, — а там будет видно. Можно ли еще нырять в глубоком омуте под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода вся ушла куда-то, а я не хочу разбить себе голову, — сказал Маугли, который был уверен, что знает не меньше пяти дикобразов вместе взятых.

— Тебе же хуже: в маленькую трещину могло бы войти сколько-нибудь ума.

Сахи быстро увернулся, чтобы Маугли не дернул его за щетинки на носу. Когда Маугли передал Балу слова Сахи, медведь на минуту задумался и проворчал про себя:

— Будь я один, я переменял бы место охоты прежде, чем другие об этом догадаются. Но только охота среди чужих всегда кончается дракой — как бы они не повредили детенышу. Подождем, посмотрим, как будет цвести махуа.

Этой весной дерево махуа, плоды которого очень любил Балу, так и не зацвело. Сливочного цвета восковые лепестки были сожжены зноем прежде, чем успели развернуться, и лишь несколько дурно пахнущих лепестков упало на землю, когда медведь стал на задние лапы и потряс дерево. Потом шаг за шагом безмерный зной пробрался в самое сердце джунглей, и они пожелтели, побурели и наконец почернели. Зеленая поросль по склонам оврагов выгорела, помертвела и свернулась кусками черной проволоки; потаенные озера высохли до дна, покрылись коркой, и даже самые легкие следы по их берегам сохранялись долго, словно вылитые из чугуна; сочные стебли плюща, обвинившего деревья, упали к их подножию и увяли; бамбук засох и тревожно шелестел на знойном ветру; мох сошел со скал в глубине джунглей, и они стали такими же голыми и горячими, как синие валуны в русле потока.

Птицы и обезьяны ушли на север в самом начале года, понимая, что им грозит беда, а олени и дикие свиньи забирались далеко в сохнувшие на корню поля вокруг деревень и нередко умирали на глазах у людей, которые слишком ослабели, чтобы убивать их. Коршун Чиль остался в джунглях и разжирел, потому что падали были очень много. Каждый вечер он твердил зверям, у которых уже не хватало сил уйти на новые ме-

ста, что солнце убило джунгли на три дня полета во все стороны.

Маугли, до сих пор не знавший настоящего голода, принял-ся за старый мед, трехлетней давности; он выгребал из опустелых ульев среди скал мед, черный, как терновые ягоды, и покрытый налетом застывшего сахара. А еще он доставал личинок, забравшихся глубоко под кору дерева, и таскал у ос их детву. От дичи в джунглях остались кости да кожа, и Багира убивала трижды в ночь и все не могла наесться досыта. Но хуже всего было то, что не хватало воды, ибо Народ Джунглей пьет хоть и редко, но вволю.

А зной все держался и держался и выпил всю влагу, и в конце концов из всех потоков оставалось только главное русло Вайнганги, по которому струился тоненький ручеек воды между мертвыми берегами; и дикий слон Хатхи, который живет сто лет и даже больше, увидел длинный синий каменный хребет, выступивший из-под воды посередине потока, он узнал Скалу Мира и тут же поднял хобот и затрубил, объявляя Водяное Перемирие, как пятьдесят лет назад объявлял это Перемирие его отец. Олени, дикие свиньи и буйволы хрипло подхватили его призыв, а коршун Чиль, летая над землей большими кругами, свистом и криком извещал джунгли о Перемирии.

По Закону Джунглей, за убийство у водопоя полагается смерть, если Перемирие уже объявлено. Это потому, что питье важнее еды. Каждый зверь в джунглях сможет как-нибудь перебиться, если мало дичи, но вода есть вода, и если остался только один источник, всякая охота прекращается, пока Народ Джунглей ходит к нему на водопой. В хорошие времена, когда воды бывало много, зверям, ходившим на водопой к Вайнганге или в другое место, грозила смерть, и эта опасность много прибавляла к прелестям ночной жизни. Спуститься к реке так ловко, чтобы не зашелестел ни один листок; бродить по колено в грохочущей воде порогов, которая глушит всякий шум; пить, оглядываясь через плечо, в страхе напрягая все мускулы для первого отчаянного прыжка, а потом покататься по песчаному берегу и вернуться с мокрой мордой и полным животом к восхищенному стаду, — все это с восторгом проделывали молодые олени с блестящими гладкими рожками именно потому, что в любую минуту Багира или Шер-Хан могли броситься на них и унести... Но теперь эта игра в жизнь и смерть была кончена, и Народ Джунглей подходил голодный и измученный к обмелевшей реке — тигр и медведь вместе с оленями, буйволами и кабанами, — пил загрязненную воду и долго стоял над рекой, не в силах двинуться с места.

Олени и кабаны напрасно искали целыми днями чего-нибудь получше сухой коры и завядших листьев. Буйволы не находили больше ни прохлады в илистых заводях, ни зеленых всходов на полях. Змеи ушли из джунглей и приползли к реке в надежде поймать чудом уцелевшую лягушку. Они обвивались вокруг мокрых камней и даже не шевелились, когда дикая свинья в поисках корней задевала их рылом. Речных черепах давным-давно переловила Багира, самая ловкая из зверей-охотников, а рыба спряталась глубоко в потрескавшийся ил. Одна только Скала Мира длинной змеей выступала над мелями, и вялые волны едва слышно шипели, касаясь ее горячих боков.

Сюда-то и приходил Маугли каждый вечер, ища прохлады и общества. Самые голодные из его врагов теперь едва ли польстились бы на мальчика. Благодаря гладкой безволосой коже он казался еще более худым и жалким, чем его товарищи. Волосы у него выгорели на солнце, как пенька; ребра выступали словно прутья на плетеной корзине; высохшие ноги и руки стали похожи на узловатые стебли трав—ползая на четвереньках, он натер себе шишки на коленях и локтях. Зато глаза смотрели из-под спутанных волос спокойно и ясно, потому что Багира, его друг и советчик, в это трудное время велела ему двигаться спокойно, охотиться не спеша и никогда ни под каким видом не раздражаться.

— Времена сейчас плохие, — сказала черная пантера в один раскаленный, как печка, вечер, — но они пройдут, если мы сумеем продержаться до конца. Полон ли твой желудок, детеныш?

— В желудке у меня не пусто, но пользы от этого мало. Как ты думаешь, Багира, дожди совсем забыли нас и никогда не вернутся?

— Не думаю. Мы еще увидим махуа в цвету и оленят, разжиревших на молодой травке. Пойдем на Скалу Мира, послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Сейчас не время носить тяжести. Я еще могу держаться на ногах, хотя, правда, мы с тобой не похожи на жирных волов.

Багира искоса посмотрела на свой взъерошенный, пыльный бок и проворчала:

— Вчера ночью я убила вола под ярмом. Я так ослабела, что не посмела бы броситься на него, если бы он был на свободе. Вау!

Маугли засмеялся:

— Да, мы теперь смелые охотники. У меня хватает храбрости ловить и есть личинок.

И они вдвоем с Багирой спустились сухим и ломким кустарником на берег реки, к кружевным отмелям, которые разбегались во всех направлениях.

— Эта вода не проживет долго, — сказал Балугу, подходя к ним. — Посмотрите на тот берег!

На ровной низине дальнего берега жесткая трава джунглей засохла на корню и стояла омертвелая. Протоптанные оленями и кабанами тропы, ведущие к реке, исполосовали рыжую низину пыльными ущельями, проложенными в высокой траве, и хотя было еще рано, все тропы были полны зверьем, спешившим к воде. Слышно было, как лани и их детеныши кашляют от пыли, мелкой, как нюхательный табак.

Выше по реке, у тихой заводи, огибавшей Скалу Мира, хранильницу Водяного Перемирия, стоял дикий слон Хатхи со своими сыновьями. Худые и серые в лунном свете, они покачивались взад и вперед, покачивались не переставая.

Немного ниже стояли рядами олени, еще ниже — кабаны и дикие буйволы, а на том берегу, где высокие деревья подступали к самой воде, было место, отведенное для хищников: тигров, волков, пантер, медведей и прочих.

— Правда, что мы повинемся одному Закону, — сказала Багира, заходя в воду и поглядывая искоса на ряды стучащих рогов и настороженных глаз там, где толкались у воды олени и кабаны. — Доброй охоты всем, кто со мною одной крови, — прибавила она, ложась и вытягиваясь во весь рост. Выставив один бок из воды, она шепнула сквозь зубы: — А если б не этот Закон, можно бы очень хорошо поохотиться.

Чуткие уши оленей услышали последние слова, и по рядам пробежал испуганный шепот:

— Перемирие! Не забывайте о Перемирии!

— Тише, тише! — пробурчал дикий слон Хатхи. — Перемирие продолжается, Багира. Не время сейчас говорить об охоте.

— Кому это лучше знать, как не мне? — ответила Багира, поводя желтыми глазами вверх по реке. — Я теперь ем черепах, ловлю лягушек. Нгайя! Хорошо бы мне выучиться жевать ветки!

— Нам бы тоже очень этого хотелось, о-очень! — проблеял молоденький олененок, который родился только этой весной и не одобрял старых порядков.

Как ни плохо было Народу Джунглей, но даже слон Хатхи невольно улыбнулся, а Маугли, который лежал в теплой воде, опираясь на локти, громко расхохотался и взбил ногами пену.

— Хорошо сказано, маленькие рожки! — промурлыкала Багира. — Когда Перемирие кончится, это будет зачтено в твою

пользу. — И она зорко посмотрела в темноту, чтобы узнать олененка при встрече.

Мало-помалу говор пошел по всему водопою, вверх и вниз по реке. Слышно было, как свиньи, возясь и фыркая, просили потесниться; как мычали буйволы, переговариваясь между собой на песчаных отмелях; как олени рассказывали друг другу жалостные истории о том, что совсем сбились с ног в поисках пищи. Время от времени они спрашивали о чем-нибудь хищников, стоявших на том берегу, но новости были плохие, и жаркий ветер джунглей с шумом проносился между скалами и деревьями, засыпая воду пылью и ветками.

— И люди тоже умирают за плугом, — сказал молодой олень. — От заката до темноты я видел троих. Они лежали не двигаясь, и их буйволы — рядом с ними. Скоро и мы тоже ляжем и не встанем больше.

— Река убыла со вчерашней ночи, — сказал Балу. — О Хатхи, приходилось ли тебе видеть засуху, подобную этой?

— Она пройдет, она пройдет, — отвечал Хатхи, поливая водой из хобота спину и бока.

— У нас тут есть один, которому не вытерпеть долго, — сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого очень любил.

— Мне? — возмущенно крикнул Маугли, садясь в воде. — У меня нет длинной шерсти, прикрывающей кости, но если бы содрать с тебя шкуру, Балу...

Хатхи весь затрясся от смеха, а Балу сказал строго:

— Детеныш, этого не подобает говорить учителю Закона! Меня еще никто не видел без шкуры.

— Да нет, я не хотел сказать ничего обидного, Балу. Только то, что ты похож на кокосовый орех в шелухе, а я на тот же орех без шелухи. А если эту твою бурую шелуху...

Маугли сидел, скрестив ноги, и объяснял свою мысль, по обыкновению засунув палец в рот, но тут Багира протянула мягкую лапу и опрокинула его в воду.

— Еще того хуже, — сказала черная пантера, когда мальчик поднялся, отфыркиваясь: — то с Балу надо содрать шкуру, то он похож на кокосовый орех. Смотри, как бы он не сделал того, что делают кокосовые орехи!

— А что? — спросил Маугли, позабывшись на минуту, хотя это одна из самых старых шуток в джунглях.

— Не разбил бы тебе голову, — невозмутимо ответила Багира, снова опрокидывая мальчика в воду.

— Нехорошо смеяться над своим учителем, — сказал медведь, после того как Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо! А что же вы хотите? Этот голыш бегают по лесу и насмехается, как обезьяна, над тем, кто был когда-то добрым охотником, да ещё дергает за усы забавы ради.

Это спускался к реке, ковыляя, Шер-Хан, хромым тигр. Он подождал немножко, наслаждаясь переполохом, который поднялся среди оленей на том берегу, потом опустил к воде усатую квадратную голову и начал лакать, ворча:

— Джунгли теперь логово для голых щенят! Взгляни на меня, человеческий детеныш!

Маугли взглянул на него—вернее, посмотрел в упор и очень дерзко, — и через минуту Шер-Хан беспокойно отвернулся.

— Маугли то, Маугли се! — проворчал он, продолжая лакать воду.—Он не человек и не волк, не то он испугался бы. Будущим летом мне придется просить у него позволения напиться! Уф!

— Может быть, и так, — сказала Багира, пристально глядя тигру в глаза. — Может быть, и так... Фу, Шер-Хан! Что это за новую пакость ты принес сюда?

Хромым тигр окунул в воду подбородок и щеки, и темные маслянистые полосы поплыли вниз по реке.

— Час назад я убил человека, — нагло ответил Шер-Хан.

Он продолжал лакать воду, мурлыкая и ворча себе под нос.

Ряды зверей дрогнули и заколебались, над ними пронесся шепот, который перешел в крик:

— Он убил человека! Убил человека!

И все посмотрели на дикого слона Хатхи, но тот, казалось, не слышал. Хатхи никогда не торопился, оттого он и живет так долго.

— В такое время убивать человека! Разве нет другой дичи в джунглях?—презрительно сказала Багира, выходя из оскверненной воды и по-кошачьи отряхивая одну лапу за другой.

— Я убил его не для еды, а потому, что мне так хотелось.

Опять поднялся испуганный ропот, и внимательные белые глазки Хатхи сурово посмотрели в сторону Шер-Хана.

— Потому, что так хотелось...—протянул Шер-Хан.—А теперь я пришел сюда, чтобы утолить жажду и очиститься. Кто мне запретит?

Спина Багиры изогнулась, как бамбук на сильном ветру, но Хатхи спокойно поднял свой хобот.

— Ты убил потому, что тебе так хотелось? — спросил он.

А когда Хатхи спрашивает, лучше отвечать.

— Вот именно. Это было мое право и моя ночь. Ты это знаешь, о Хатхи, — отвечал Шер-Хан почти вежливо.

— Да, я знаю, — ответил Хатхи и, помолчав немного, спросил: — Ты напился вволю?

— На эту ночь — да.

— Тогда уходи. Река для того, чтобы пить, а не для того, чтобы осквернять ее. Никто, кроме хромого тигра, не стал бы

хвастаться своим правом в такое время... в такое время, когда все мы страдаем вместе — и человек и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, ступай в свою берлогу, Шер-Хан!

Последние слова прозвучали, как серебряные трубы. И три сына Хатхи качнулись вперед на полшага, хотя в этом не было нужды. Шер-Хан ушел крадучись, не смея даже ворчать, ибо он знал то, что известно всем: если дойдет до дела,

то хозяин джунглей — Хатхи.

— Что это за право, о котором говорил Шер-Хан? — шепнул Маугли на ухо Багире. — Убивать человека всегда стыдно. Так сказано в Законе. А как же Хатхи говорит...

— Спроси его сам. Я не знаю, Маленький Брат. Есть такое право или нет, а я бы проучила как следует Хромого Мясника, если бы не Хатхи. Приходить к Скале Мира, только что убив человека, да еще хвастаться этим — выходка, достойная шакала! Кроме того, он испортил хорошую воду.

Маугли подождал с минуту, набираясь храбрости, потому что все в джунглях побаивались обращаться прямо к Хатхи, потом крикнул:

— Что это за право у Шер-Хана, о Хатхи?

Оба берега подхватили его слова, ибо Народ Джунглей очень любопытен, а на глазах у всех произошло нечто такое, чего не понял никто, кроме Балу, который принял самый глубокомысленный вид.

— Это старая история, — сказал Хатхи, — она много старше джунглей. Помолчите там, на берегах, и я расскажу ее вам.

Минута или две прошли, пока буйволы и кабаны толкались и отпихивали друг друга, потом вожаки стад повторили один за другим:

— Мы ждем!

И Хатхи шагнул вперед и стал по колено в воде посреди заводи у Скалы Мира. Несмотря на худобу, морщины и желтые бивни, сразу было видно, что именно он — хозяин джунглей.

— Вы знаете, дети мои, — начал он, — что больше всего на свете вы боитесь человека.

Послышался одобрителный ропот.

— Это тебя касается, Маленький Брат, — сказала Багира.

— Меня? Я охотник Свободного Народа и принадлежу к Стае, — ответил Маугли. — Какое мне дело до человека?

— А знаете ли вы, почему вы боитесь человека? — продолжал Хатхи. — Вот почему. В начале Джунглей, так давно, что никто не помнит, когда это было, все мы паслись вместе и не боялись друг друга. В то время не было засухи, листья, цветы и плоды вырастали на дереве в одно время, и мы питались только листьями, цветами и плодами да корой и травой.

— Как я рада, что не родилась в то время! — сказала Багира. — Кора хороша только точить когти.

— А Господином Джунглей был Тха, Первый из Слонов. Своим хоботом он вытащил джунгли из глубоких вод, и там, где провел по земле борозды своими бивнями, побежали реки, и там, где он топнул ногой, налились водою озера, а когда он затрубил в хобот — вот так, — народились деревья. Вот как Тха сотворил джунгли, и вот как рассказывали мне эту историю.

— Она не стала короче от пересказа! — шепнула Багира. А Маугли засмеялся, прикрывая рот ладонью.

— В то время не было ни маиса, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин, какие видел каждый из вас, и Народы Джунглей жили в лесах дружно, как один народ, не зная ничего о человеке. Но скоро звери начали ссориться из-за пищи, хотя пастбищ хватало на всех. Они обленились. Каждому хотелось пастись там, где он отдыхал, как бывает иногда и у нас, если весенние дожди прошли дружно. У Тха, Первого из Слонов, было много дела: создавал новые джунгли и прокладывал русла рек. Он не мог поспеть всюду, и потому сделал Первого из Тигров властелином и судьей над Джунглями, и Народ Джунглей приходил к нему со своими спорами. В то время Первый из Тигров ел плоды и траву вместе со всеми. Он был ростом с меня и очень красив: весь желтый, как цветы желтой лианы. В то доброе старое время, когда джунгли только что народились, на шкуре тигра еще не было ни полос, ни пятен. Весь Народ Джунглей приходил к нему без страха, и слово его было законом для всех. Не забывайте, что все мы были тогда один народ.

И все же однажды ночью между двумя оленями вышел спор из-за пастбища, такой спор, какие вы теперь разрешаете с помощью рогов и передних копыт. Говорят, что когда оба оленя пришли жаловаться к Первому из Тигров, лежавшему среди цветов, один из них толкнул его рогами, и Первый из Тигров, позабыв о том, что он властелин и судья над джунглями, бросился на этого оленя и сломал ему шею.

До той ночи никто из нас не умирал, и Первый из Тигров, увидев, что он наделал, и потеряв голову от запаха крови, убежал в болота на север; а мы, Народ Джунглей, оставшись без судьи, начали ссориться и драться между собой. Тха услышал шум и пришел к нам. И один из нас говорил одно, а другие — другое, но он увидел мертвого оленя среди цветов и спросил нас, кто его убил, а мы не могли ему сказать, потому что потеряли разум от запаха крови, как теряем его и теперь. Мы метались и кружились по джунглям, скакали, кричали и мотали головами. И Тха повелел нижним ветвям деревьев и ползучим лианам джунглей отметить убийцу, чтобы Первый из Слонов мог узнать его.

И Тха спросил:

«Кто хочет быть Господином Джунглей?»

Выскочила Серая Обезьяна, которая живет на ветвях, и крикнула:

«Я хочу быть Госпожой Джунглей!»

Тха усмехнулся и ответил:

«Пусть будет так!» — и в гнев ушел прочь.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Тогда она была такая же, как и теперь. Сначала она состроила умное лицо, но через минуту начала почесываться и скакать вверх и вниз, и возвратившись, Тха увидел, что она висит на дереве головой вниз и передразнивает всех, кто стоит под деревом, и они тоже ее раздрают. И так в джунглях не стало больше Закона — одна глупая болтовня и слова без смысла.

Тогда Тха созвал нас всех и сказал:

«Первый ваш Господин принес в Джунгли Смерть, второй — Позор. Теперь пора дать вам Закон, и такой Закон, которого вы не смели бы нарушать. Теперь вы познаете Страх и, увидев его, поймете, что он Господин над вами, а все остальное придет само собой».

Тогда мы, Народ Джунглей, спросили:

«Что такое Страх?»

И Тха ответил:

«Ищите и отыщете».

И мы исходили все джунгли вдоль и поперек в поисках Страха, и вскоре буйволы...

— Уф!— отозвался со своей песчаной отмели Меса, во-
жак буйволов.

— Да, Меса, то были буйволы. Они принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит Страх, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пещере, и Страх стоял там у входа. Да, он был безволосый, как рассказывали буйволы, и ходил на задних лапах. Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас тот страх, который мы знаем теперь, и мы ринулись прочь, топча и нанося раны друг другу. В ту ночь Народ Джунглей не улегся отдыхать весь вместе, как было у нас в обычае, но каждое племя легло отдельно—свиньи со свиньями и олени с оленями; рога с рогами и копыта с копытами. Свои залегли со своими и дрожали от страха всю ночь.

Только Первого из Тигров не было с нами: он все еще прятался в болотах на севере, и когда до него дошла весть о том, кого мы видели в пещере, он сказал:

— «Я пойду к нему и сломаю ему шею».

И он бежал всю ночь, пока не достиг пещеры, но деревья и лианы на его пути, помня повеление Тха, низко опускали свои ветви и метили его на бегу, проводя пальцами по его спине, бокам, лбу и подбородку. И где бы ни дотронулись до него лианы, оставалась метка или полоса на его желтой шкуре. И эти полосы его дети носят до наших дней! Когда он подошел к пещере, Безволосый Страх протянул руку и назвал его «Полосатый, что приходит ночью», и Первый из Тигров испугался Безволосого и с воем убежал обратно в болота...

Тут Маугли тихонько засмеялся, опустив подбородок в воду.

— ...Он был так громко, что Тха услышал его и спросил: «О чем ты?»

И Первый из Тигров, подняв морду к только что сотворенному небу, которое теперь так старо, сказал:

«Верни мне мою власть, о Тха! Меня опозорили перед всеми джунглями: я убежал от Безволосого, а он назвал меня позорным именем.

«А почему?» — спросил Тха.

«Потому, что я выпачкался в болотной грязи», — ответил Первый из Тигров.

«Так поплавай и покатайся по мокрой траве, и если это грязь, она, конечно, сойдет», — сказал Тха.

И Первый из Тигров плавал и катался по траве, так что джунгли завертелись у него перед глазами, но ни одно

пятнышко не сошло с его шкуры, и Тха засмеялся, глядя на него. Тогда Первый из Тигров спросил:

«Что же я сделал, и почему это случилось со мной?»

Тха ответил:

«Ты убил оленя и впустил Смерть в джунгли, а вместе со смертью пришел Страх, и потому Народы Джунглей теперь боятся один другого, как ты боишься Безволосого».

Первый из Тигров сказал:

«Они не побоятся меня, потому что я давно их знаю».

«Поди и посмотри», — ответил Тха.

Тогда Первый из Тигров стал бегать взад и вперед по джунглям и громко звать оленей, кабанов, дикобразов и все Народы Джунглей. И все они убежали от тигра, который был прежде их Судьей, потому что боялись его теперь.

Тогда Первый из Тигров вернулся к Тха. Гордость его была сломлена, и, ударившись головой о землю, он стал рыть ее всеми четырьмя лапами и провыл:

«Вспомни, что я был когда-то Властелином Джунглей! Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети помнят, что когда-то я не знал ни стыда, ни страха!»

И Тха сказал:

«Это я сделаю, потому что мы вдвоем с тобой видели, как создавались джунгли. Одна ночь в году будет для тебя и для твоих детей такая же, как была прежде, пока ты не убил оленя. Если ты повстречаешь Безволосого в эту единственную ночь — а имя ему Человек, — ты не испугаешься его, зато он будет бояться тебя и твоих детей, словно вы судьи джунглей и хозяева всего, что в них есть. Будь милосерден к нему в эту ночь Страха, ибо теперь ты знаешь, что такое Страх».

И тогда Первый из Тигров ответил:

«Хорошо. Я доволен».

Но после того, подойдя к реке напиться, он увидел полосы на своих боках, вспомнил имя, которое ему дал Безволосый, и пришел в ярость. Целый год он прожил в болотах, ожидая, когда Тха исполнит свое обещание. И в одну ночь, когда Лунный Шакал (вечерняя звезда) поднялся над джунглями, тигр понял, что настала его ночь, и пошел к той пещере, где жил Безволосый. И все случилось так, как обещал Первый из Слонов: Безволосый упал на колени перед ним и распростерся на земле, а Первый из Тигров бросился на него и сломал ему хребет, думая, что в джунглях больше нет Безволосых и что он убил Страх. И тогда, обняв свою добычу, он услышал, что Тха идет из лесов севера. И вскоре раздался голос Первого

из Слонов, тот самый голос, который мы слышим сейчас... Гром прокатился по иссохшим растрескавшимся холмам, но не принес с собою дождя — только зарницы блеснули за дальними горами. И Хатхи продолжал:

— Вот этот голос он и слышал. И голос сказал ему:

«Это и есть твое милосердие?»

Первый из Тигров облизнулся и ответил:

«Что за беда? Я убил Страх».

И Тха сказал:

«О слепой и неразумный! Ты развязал ноги Смерти, и она станет ходить за тобою по пятам, пока ты не умрешь. Ты научил человека убивать!»

Первый из Тигров наступил на свою добычу и сказал:

«Он теперь такой же, как тот олень. Страха больше нет, и я опять буду судить Народы Джунглей».

Но Тха сказал:

«Никогда больше не придут к тебе Народы Джунглей. Никогда не скрестятся их пути с твоими, никогда не будут они спать рядом с тобой, ни ходить за тобой, ни пастись возле твоей берлоги. Только Страх будет ходить за тобой по пятам и, когда ему вздумается, поражать тебя оружием, которого ты не увидишь. Он сделает так, что земля разверзнется у тебя под ногами, и лиана захлестнет твою шею, и стволы деревьев нагромоздятся вокруг тебя так высоко, что ты не сможешь через них перепрыгнуть. А напоследок он снимет с тебя шкуру и прикроет ею своих детенышей, чтобы согреть их. Ты не пощадил его, и он тебе не даст пощады».

Первый из Тигров был очень отважен, потому что его ночь еще не прошла, и он сказал:

«Обещание Тха остается в силе. Ведь он не отнимет у меня моей ночи?»

И Тха сказал:

«Твоя ночь остается твоей, как я обещал, но за нее придется заплатить. Ты научил человека убивать, а он все перенимает быстро».

Первый из Тигров ответил:

«Вот он, у меня под ногами, и хребет его сломен. Пусть узнают все Джунгли, что я убил Страх».

Но Тха засмеялся и сказал:

«Ты убил одного из многих и сам скажешь об этом джунглям, потому что твоя ночь прошла!»

И вот наступил день — из пещеры вышел другой Безволосый, и, увидев убитого на тропинке и тигра, стоящего над ним, он взял палку с острым концом...

— Теперь они бросают такую острую штуку,— сказал ди-кобраз Сахи, с шорохом спускаясь к реке.

Гонды¹ считают Сахи самой вкусной едой — они зовут его Хо-Игу, — а ему известно кое-что о коварном топорике гондов, который летит через просеку, блестя, как стрекоза.

— Это была палка с острым концом, какие втыкают на дно ловчей ямы, — сказал Хатхи.— Безволосый бросил ее, и она воткнулась в бок Первому из Тигров. Все случилось, как сказал Тха: Первый из Тигров с воем бегал по лесу, пока не вырвал палку, и все Джунгли узнали, что Безволосый может поражать издали, и стали бояться больше прежнего. Так вышло, что Первый из Тигров научил Безволосого убивать—а вы сами знаете, сколько вреда это принесло всем нам,—убивать и петлей, и ловушкой, и спрятанным капканом, и кусачей мухой, которая вылетает из белого дыма (Хатхи говорил о пуле), и Красным Цветком, который выгоняет нас из лесу. И все же, одну ночь в году Безволосый боится тигра, как обещал Тха, и тигр ничего не сделал, чтобы прогнать его страх. Где он найдет Безволосого, там и убивает, помня, как опозорили Первого из Тигров.

И теперь Страх разгуливает по джунглям днем и ночью.

— Ахи! Ао! — вздохнули олени, думая, как важно все это для них.

— И только когда один Великий Страх грозит всем, как теперь, мы в джунглях забываем свои мелкие страхи и сходимся в одно место, как теперь.

— Человек только одну ночь боится тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — ответил Хатхи.

— Но ведь я... но ведь мы... но ведь все в джунглях знают, что Шер-Хан убивает человека дважды и трижды в месяц.

— Это так. Но тогда он бросается на него сзади, нападая, отворачивает голову, потому что боится. Если человек посмотрит на тигра, он убежит. А в свою ночь он входит в деревню не прячась. Он идет между домами, просовывает голову в дверь, а люди падают перед ним на колени, и тогда он убивает. Один раз — в ту ночь.

«О! — сказал Маугли про себя, перевертываясь в воде с боку на бок.— Теперь я понимаю, почему Шер-Хан попросил меня взглянуть на него. Ему это не помогло, он не мог смотреть мне в глаза, а я... я, разумеется, не упал перед ним на колени. Но ведь я не человек, я принадлежу к Свободному Народу».

---

¹ Гонды — один из древнейших народов Индии.

— Гм-м! — сухо проворчала Багира.—А тигр знает свою ночь?

— Нет, не знает, пока Лунный Шакал не выйдет из ночного тумана. Иногда эта ночь бывает летом, в сухое время, а иногда зимой, когда идут дожди. Если бы не Первый из Тигров, этого не случилось бы, и никто из нас не знал бы Страха.

Олени грустно вздохнули, а Багира коварно улыбнулась.

— Люди знают эту... сказку? — спросила она.

— Никто ее не знает, кроме тигров и нас, слонов, детей Тха. Теперь и вы, те, что на берегах, слышали ее, и больше мне нечего сказать вам.

Хатхи окунул хобот в воду в знак того, что не желает больше разговаривать.

— Но почему же, почему, — спросил Маугли, обращаясь, к Балу,— почему Первый из Тигров перестал есть траву, плоды и листья? Ведь он только сломал шею оленю. Он не сожрал его. Что же заставило его отведать свежей крови?

— Деревья и лианы заклеили тигра, Маленький Брат, и он стал полосатым, каким мы видим его теперь. Никогда больше не станет он есть их плодов, и с того самого дня он мстит оленям, буйволам и другим травоядам, — сказал Балу.

— Так ты тоже знаешь эту сказку? Да? Почему же я никогда ее не слышал?

— Потому что джунгли полны таких сказок. Стоит только начать, им и конца не будет. Пусти мое ухо, Маленький Брат!

НАШЕСТВИЕ ДЖУНГЛЕЙ

Вы, конечно, помните, что Маугли, пригвоздив шкуру Шер-Хана к Скале Советов, сказал всем волкам, сколько их осталось от Сионийской Стаи, что с этих пор будет охотиться в джунглях один, а четверо волчат Матери Волчицы пообещали охотиться вместе с ним. Но не так-то легко сразу переменить свою жизнь, особенно в джунглях. После того как Стая разбежалась кто куда, Маугли прежде всего отправился в родное логово и залег спать на весь день и на всю ночь. Проснувшись, он рассказал Отцу Волку и Матери Волчице о своих приключениях среди людей ровно столько, сколько они могли понять. Когда Маугли стал играть перед ними своим охотничьим ножом так, что утреннее солнце заиграло и заблестало на его лезвии — это был тот самый нож, которым он снял шкуру с Шер-Хана, — волки сказали, что он кое-чему научился. После того Акеле и Серому Брату пришлось рассказать, как они помогли Маугли гнать буйволов по оврагу, и Балу вскарабкался на холм послушать их, а Багира почесывалась от удовольствия при мысли о том, как ловко Маугли воевал с тигром.

Солнце давно уже взошло, но никто и не думал ложиться спать, а Мать Волчица время от времени закидывала голову вверх и радостно вдыхала запах шкуры Шер-Хана, доносимый ветром со Скалы Совета.

— Если бы не Акела с Серым Братом,— сказал в заключение Маугли,— я бы ничего не смог сделать. О Мать Волчица, если бы ты видела, как серые буйволы неслись по оврагу и как они ломились в деревенские ворота, когда человечья стая бросала в меня камнями!

— Я рада, что не видела этого, — сурово сказала Мать Волчица. — Не в моем обычае терпеть, чтобы моих волчат гоняли, как шакалов! Я бы заставила человечью стаю поплатиться за это, но пощадила бы женщину, которая кормила тебя молоком. Да, я пощадила бы только ее одну!

— Тише, тише, Ракша! — лениво заметил Отец Волк. — Наш Лягушонок опять вернулся к нам и так поумнел, что родной отец должен лизать ему пятки. А не все ли равно — одним шрамом на голове больше или меньше? Оставь человека в покое.

И Балу с Багирой отозвались, как эхо:

— Оставь человека в покое!

Маугли, положив голову на бок Матери Волчицы, улыбнулся довольной улыбкой и сказал, что и он тоже не хочет больше ни видеть, ни слышать, ни чуют человека.

— А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат? — сказал Акела, приподняв одно ухо.

— Нас пятеро, — сказал Серый Брат, оглянувшись на всех сидящих, и щелкнул зубами.

— Мы тоже могли бы принять участие в охоте, — сказала Багира, пошевелив хвостом и глядя на Балу. — Но к чему думать теперь о человеке, Акела?

— А вот к чему, — ответил волк-одиночка. — После того как шкуру этого желтого вора повесили на Скале Совета, я пошел обратно к деревне по нашим следам; чтобы запутать их на тот случай, если за нами кто-нибудь погонится, я ступал в свои следы, а иногда сворачивал в сторону и ложился. Но когда я запутал след так, что и сам не мог бы в нем разобраться, прилетел нетопырь Манг и стал кружить надо мной. Он сказал:

«Деревня человечьей стаи, откуда прогнали Маугли, гудит, как осиное гнездо».

— Это оттого, что я бросил туда большой камень, — посмеиваясь, сказал Маугли, который часто забавлялся тем, что кидал спелые папавы в осиное гнездо, а потом бросался бегом к ближайшей заводи, чтобы осы его не догнали.

— Я спросил нетопыря, что он видел. Он сказал, что перед деревенскими воротами цветет Красный Цветок и люди сидят вокруг него с ружьями. Я говорю недаром: я ведь знаю по опыту,— тут Акела взглянул на старые рубцы на своих боках,— что люди носят ружья не для забавы. Скоро, Маленький Брат, человек с ружьем пойдет по нашему следу.

— Но зачем это? Люди прогнали меня. Чего еще им нужно? — сердито спросил Маугли.

— Ты человек, Маленький Брат, — возразил Акела. — Нам, Вольным Охотникам, говорить тебе, что и зачем делают твои братья.

Он едва успел отдернуть лапу, как охотничий нож глубоко вонзился в землю на том месте, где она лежала. Маугли бросил нож так быстро, что за ним не уследил бы человеческий глаз, но Акела был волк, а даже собака, которой далеко до дикого волка, ее прапрадеда, может проснуться от крепкого сна, когда колесо телеги слегка коснется ее бока, и отпрыгнуть в сторону невредимой, прежде чем это колесо наедет на нее.

— В другой раз, — спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны, — не говори о человеческой стае, когда говоришь с Маугли.

— Пфф! зуб острый,— сказал Акела, обнюхивая ямку, оставленную ножом в земле,— только житье с человечесьей стаей испортило тебе глаз, Маленький Брат. Я бы успел убить оленя, пока ты замахивался.

Багира вдруг вскочила, вытянула шею вперед, понюхала воздух и вся напряглась. Серый Волк быстро повторил все ее движения, повернувшись немного влево, чтобы уловить ветер, который дул справа. Акела же отпрыгнул шагов на пятьдесят в сторону ветра, присел и тоже напрягся всем телом. Маугли смотрел на них с завистью. Чутье у него было такое, какое редко встречается у людей, но этому чутью не хватало той необычайной тонкости, какая свойственна каждому носу в джунглях, а за три месяца житья в дымной деревне оно сильно притупилось. Однако он смочил палец, потер им нос и выпрямился, чтобы уловить ветер верхним чутьем, которое всего вернее.

— Человек! — проворчал Акела, присаживаясь на задние лапы.

— Балдео! — сказал Маугли, садясь. — Он идет по нашему следу. А вон и солнце блестит на его ружье. Смотрите.

Солнце только блеснуло на долю секунды на медных скрепах старого мушкета, но ничто в джунглях не дает такой вспышки света, разве только если облака бегут по небу. Тогда

чешуйка слюды, маленькая лужица и даже блестящий лист сверкают, как гелиограф. Но день был безоблачный и тихий.

— Я знал, что люди погонятся за нами, — торжествуя, сказал Акела. — Недаром я был Вожаком Стаи!

Четверо волков Маугли, не сказав ничего, легли на брюхо, поползли вниз по холму и вдруг пропали, словно растаяли среди терновника и зеленой поросли.

— Скажите сначала, куда вы идете? — окликнул их Маугли.

— Ш-ш! Мы прикатим сюда его череп еще до полудня! — отозвался Серый Брат.

— Назад! Назад! Стойте! Человек не ест человека, — крикнул Маугли.

— А кто был только что волком? Кто бросил в меня нож за то, что его называли человеком? — сказал Акела.

Но вся четверка послушалась и угрюмо повернула назад.

— Неужели я должен объяснять вам, почему я делаю то или другое? — спросил Маугли, рассердившись.

— Вот вам человек! Это говорит человек! — проворчала Багира себе в усы. — Вот так же говорили люди вокруг княжеского зверинца в Удайпуре. Нам в джунглях давно известно, что человек всех умней. А если бы мы верили своим ушам, то знали бы, что он глупей всех на свете. — И, повысив голос, она прибавила: — На этот раз детеныш прав: люди охотятся стаей. Плохая охота убивать одного, когда мы не знаем, что собираются делать остальные. Пойдем посмотрим, чего хочет от нас этот человек.

— Мы не пойдем, — заворчал Серый Брат. — Охоться один, Маленький Брат! Мы-то знаем, чего хотим! Мы бы давно принесли сюда череп.

Маугли обвел взглядом всех своих друзей. Грудь его тяжело поднималась, и глаза были полны слез. Он сделал шаг вперед и, упав на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, чего хочу? Взгляните на меня!

Они неохотно взглянули на Маугли, потом отвели глаза в сторону, но он снова заставил их смотреть себе в глаза, пока шерсть не поднялась на них дыбом и они не задрожали всем телом, а Маугли все смотрел да смотрел.

— Ну, так кто же вожак из нас пятерых? — сказал он.

— Ты вожак, Маленький Брат, — ответил Серый Брат и лизнул Маугли ногу.

— Тогда идите за мной, — сказал Маугли.

И вся четверка, поджав хвосты, побрела за ним по пятам.

— Вот что бывает от житья в человеческой стае,—сказала Багира, неслышно спускаясь по холму вслед за ними.—Теперь в джунглях не один Закон, Балу.

Старый медведь не ответил ничего, но подумал очень многое.

Маугли бесшумно пробирался по лесу, пересекая его под прямым углом к тому пути, которым шел Балдео. Наконец, раздвинув кусты, он увидел старика с мушкетом на плече: он трусил собачьей побегой по старому, двухдневному следу.

Вы помните, что Маугли ушел из деревни с тяжелой шкурой Шер-Хана на плечах, а позади него бежали Акела с Серым Братом, так что след был очень ясный. Скоро Балдео подошел к тому месту, где Акела повернул обратно и запутал след. Тут Балдео сел на землю, долго кашлял и ворчал, потом стал рыскать вокруг, стараясь снова напасть на след, а в это время те, которые наблюдали за ним, были так близко, что он мог бы попасть в них камнем. Ни один зверь не может двигаться так тихо, как волк, когда он не хочет, чтобы его слышали, а Маугли, хотя волки считали его очень неуклюжим, тоже умел появляться и исчезать, как тень. Они окружили старика кольцом, как стая дельфинов окружает пароход на полном ходу, и разговаривали не стесняясь, потому что их речь начинается ниже самой низкой ноты, какую может уловить непривычное человеческое ухо. На другом конце ряда находится тончайший писк летучей мыши, которого многие люди не слышат совсем. С этой ноты начинается разговор всех птиц, летучих мышей и насекомых.

— Это лучше всякой другой охоты, — сказал Серый Брат, когда Балдео нагнулся, пытая и что-то разглядывая. — Он похож на свинью, которая заблудилась в джунглях у реки. Что он говорит?

Балдео сердито бормотал что-то.

Маугли объяснил:

— Он говорит, что вокруг меня, должно быть, плясала целая стая волков. Говорит, что никогда в жизни не видывал такого следа. Говорит, что очень устал.

— Он отдохнет прежде, чем снова отыщет след,—равнодушно сказала Багира, продолжая игру в прятки и прокрадываясь за стволом дерева.

— А теперь что делает этот убогий?

— Собирается есть или пускать дым изо рта. Люди всегда что-нибудь делают ртом,—сказал Маугли.

Молчаливые следопыты увидели, как старик набил трубку,

зажег и стал курить. Они постарались хорошенько запомнить запах табака, чтобы потом узнать Балдео даже в самую темную ночь.

Потом по тропе прошли угольщики и, конечно, остановились поболтать с Балдео, который считался первым охотником в этих местах. Все они уселись в кружок и закурили, а Багира и остальные подошли поближе и смотрели на них, пока Балдео рассказывал сначала и до конца, с прибавлениями и выдумками, всю историю Маугли, мальчика-оборотня. Как он, Балдео, убил Шер-Хана, и как Маугли обернулся волком и дрался с ним целый день, а потом снова превратился в мальчика и околдовал ружье Балдео, так что когда он прицелился в Маугли, пуля свернула в сторону и убила одного из буйволов Балдео; и как деревня послала Балдео, самого храброго охотника в Сионийских горах, убить волка-оборотня. А Мессуа с мужем, родители оборотня, сидят под замком, в собственной хижине, и скоро их начнут пытать, для того чтобы они сознались в колдовстве, а потом сожгут на костре.

— Когда? — спросили угольщики, которым тоже очень хотелось посмотреть на эту церемонию.

Балдео сказал, что до его возвращения ничего не станут делать: в деревне хотят, чтобы он сначала убил лесного мальчика. После того они расправятся с Мессуа и с ее мужем и поделят между собой их землю и буйволов.

А буйволы у мужа Мессуа, кстати сказать, очень хороши. Ведьм и колдунов всего лучше убивать, говорил Балдео, а такие люди, которые берут в приемыши волков-оборотней из леса, и есть самые злые колдуны.

Угольщики боязливо озирались по сторонам, благодаря судьбу за то, что не видали оборотня; однако они не сомневались, что такой храбрец, как Балдео, разыщет оборотня скорее всякого другого. Солнце спустилось уже довольно низко, и угольщики решили идти в ту деревню, где жил Балдео, посмотреть на ведьму и колдуна. Балдео сказал, что, конечно, он обязан застрелить мальчика-оборотня, однако он и думать не хочет о том, чтобы безоружные люди шли одни через джунгли, где волк-оборотень может повстречаться им каждую минуту. Он сам их проводит, и если сын колдуньи встретится им, они увидят, как первый здешний охотник с ним расправится. Жрец дал ему такой амулет против оборотня, что бояться нечего.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит?—то и дело спрашивали волки.

А Маугли объяснял, пока дело не дошло до колдунов, что было для него не совсем понятно, и тогда он сказал, что муж-

чина и женщина, которые были так добры к нему, пойманы в ловушку.

— Разве люди ловят людей? — спросил Серый Брат.

— Так он говорит. Я что-то не понимаю. Все они, должно быть, просто взбесились. Зачем понадобилось сажать в ловушку Мессуа с мужем, и что у них общего со мной? И к чему весь этот разговор о Красном Цветке? Надо подумать. Что бы они ни собирались делать с Мессуа, они ничего не начнут, пока Балдео не вернется. Так, значит... — И Маугли глубоко задумался, постукивая пальцами по рукоятке охотничьего ножа.

А Балдео и угольщики храбро пустились в путь, прячась один за другим.

— Я сейчас же иду к человеческой стае, — сказал наконец Маугли.

— А эти? — спросил Серый Брат, жадно глядя на смуглые спины угольщиков.

— Проводите их с песней, — сказал Маугли, ухмыляясь. — Я не хочу, чтоб они были у деревенских ворот раньше темноты. Можете задержать их?

Серый Брат пренебрежительно оскалил белые зубы:

— Мы можем без конца водить их кругом, всё кругом, как коз на привязи!

— Этого мне не нужно. Спойте им немножко, чтобы они не скучали дорогой. Пускай песня будет и не очень веселая, Серый Брат. Ты тоже иди с ними, Багира, и подпевай им. А когда настанет ночь, встречайте меня у деревни — Серый Брат знает место.

— Недегкая это работа — быть загонщиком для детеныша. Когда же я выплусь? — сказала Багира, зевая, хотя по глазам было видно, как она рада такой забаве. — Я должна петь для каких-то голышей! Что ж, попробуем!

Пантера нагнула голову, чтобы ее голос разнесся по всему лесу, и раздалось протяжное-протяжное «Доброй охоты!» — полуночный зов среди белого дня, довольно страшный для начала. Маугли послушал, как этот зов прокатился по джунглям, то усиливаясь, то затихая, и замер где-то у него за спиной на самой тоскливой ноте, и улыбнулся, пробегая лесом. Он видел, как угольщики сбились в кучу, как задрожало ружье старого Балдео, словно банановый лист на ветру. Потом Серый Брат провыл: «Йа-ла-хи! Йа-ла-хи!» — охотничий клич, который раздаётся, когда Стая гонит перед собой нильгау — большую серую антилопу.

Этот клич, казалось, шел со всех концов леса разом и слы-

шался все ближе, ближе и ближе, пока наконец не оборвался рядом, совсем близко, на самой пронзительной ноте.

Остальные трое волков подхватили его, так что даже Маугли мог бы поклясться, что вся Стая гонит дичь по горячему следу. А потом все четверо запели чудесную утреннюю Песню Джунглей, со всеми трелями, переливами и переходами, какие умеет выводить мощная волчья глотка.

Никакой пересказ не может передать ни впечатление от этой песни, ни насмешку, какую вложили волки в каждую ноту, услышав, как затрещали сучья, когда угольщики от страха полезли на деревья, а Балдео начал бормотать заговоры и заклинания. Потом волки улеглись и заснули, потому что вели правильный образ жизни, как и все, кто живет собственным трудом: не выспавшись, нельзя работать как следует.

Тем временем Маугли отмахивал милю за милей, делая по девяти миль в час, и радовался, что нисколько не ослабел после стольких месяцев жизни среди людей. У него осталась одна только мысль: выручить Мессуа с мужем из западни, какова бы она ни была,—он опасался всяких ловушек. После этого, обещал себе Маугли, он расплатится и со всей остальной деревней.

Спустились уже сумерки, когда он увидел знакомое пастбище и дерево дхак, под которым ожидал его Серый Брат в то утро, когда Маугли убил Шер-Хана. Как ни был он зол на всех людей, все же при первом взгляде на деревенские кровли у него перехватило дыхание. Он заметил, что все вернулись с поля раньше времени и, вместо того чтобы взяться за вечернюю стряпню, собрались толпой под деревенской смоковницей, от куда слышались говор и крик.

— Людям непременно надо было расставлять ловушки для других людей, а без этого они всё будут недовольны,—сказал Маугли.— Две ночи назад они ловили Маугли, а сейчас мне кажется, что эта ночь была много дождей назад. Сегодня черед Мессуа с мужем. А завтра, и послезавтра, и на много ночей после того опять настанет черед Маугли.

Он прополз под оградой и, добравшись до хижины Мессуа, заглянул в окно. В комнате лежала Мессуа, связанная по рукам и ногам, и стонала, тяжело дыша; ее муж был привязан ремнями к пестро раскрашенной кровати. Дверь хижины, выходящая на улицу, была плотно приперта, и трое или четверо людей сидели, прислонившись к ней спиной.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревни. Он сообразил, что пока люди едят, курят и разговаривают, ничего другого они делать не станут; но после того как они поедят,

их нужно остерегаться. Скоро вернется и Балдео, и если его провожатые хорошо сослужили свою службу, ему будет о чем порассказать. Мальчик влез в окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, разрезал связывавшие их ремни, вынул затычки из рта и поискал, нет ли в хижине молока.

— Я знала, я знала, что он придет!—зарыдала Мессуа.— Теперь я знаю наверное, что он мой сын! — И она прижала Маугли к груди.

До этой минуты Маугли был совершенно спокоен, но тут он весь задрожал, чему и сам несказанно удивился.

— Для чего эти ремни? За что они связали тебя?—спросил он, помолчав.

— В наказание за то, что мы приняли тебя в сыновья, за что же еще? — сказал муж сердито. —Посмотри — я весь в крови.

Мессуа ничего не сказала, но Маугли взглянул на ее раны, и они услышали, как он скрипнул зубами.

— Чье это дело? — спросил он. — За это они поплатятся!

— Это дело всей деревни. Меня считали богачом. У меня было много скота. Потому мы с ней колдуны, что приютили тебя.

— Я не понимаю! Пусть расскажет Мессуа.

— Я кормила тебя молоком, Натху, ты помнишь?—робко спросила Мессуа.—Потому что ты мой сын, которого унес тигр, и потому что я крепко тебя люблю. Они говорят, что я твоя мать, мать оборотня, и за это должна умереть.

— А что такое оборотень? — спросил Маугли. — Смерть я уже видел.

Муж угрюмо взглянул на него исподлобья, но Мессуа засмеялась.

— Видишь?—сказала она мужу. — Я знала, я тебе говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

— Сын или колдун—какая нам от этого польза?—ответил муж.— Теперь мы с тобой все равно что умерли.

— Вон там идет дорога через джунгли,—показал Маугли в окно.—Руки и ноги у вас развязаны. Уходите.

— Мы не знаем джунглей, сын мой, так, как... как ты их знаешь,—начала Мессуа.—Мне не уйти далеко.

— А люди погонятся за нами и опять приведут нас сюда,—сказал ее муж.

— Гм!—сказал Маугли, водя кончиком охотничьего ножа по своей ладони.—Пока что я не хочу зла никому в этой деревне. Не думаю, однако, что тебя остановят. Еще немного времени — и у них найдется о чем подумать. Ага!—Он поднял

голову и прислушался к крикам и беготне за дверями.—Наконец-то онипустили Балдео домой!

— Его послали утром убить тебя,—сказала Мессуа.—Разве ты его не встретил?

— Да, мы... я встретил его. Ему есть о чем рассказать. А пока он разговаривает, можно сделать очень много. Но сначала надо узнать, чего они хотят. Подумайте, куда вам лучше уйти, и скажите мне, когда я вернусь.

Он прыгнул в окно и опять побежал, прячась под деревенской стеной, пока ему не стал слышен говор толпы, собравшейся под смоковницей.

Балдео кашлял и стонал, лежа на земле, а все остальные обступили его и расспрашивали. Волосы у него растрепались, руки и ноги он ободрал, влезая на дерево, и едва мог говорить, зато отлично понимал значительность своего положения. Время от времени он начинал говорить что-то о поющих чертях, оборотнях и колдовстве только для того, чтобы раздражить любопытство и намекнуть толпе, о чем он будет рассказывать. Потом он попросил воды.

— Так!—сказал Маугли.—Слова и слова! Одна болтовня! Люди—кровные братья обезьянам. Сначала он будет полоскать рот водой, потом курить, а управившись со всем этим, он начнет рассказывать. Ну и дурачье эти люди! Они не поставят никого стеречь Мессуа, пока Балдео забивает им уши своими рассказами. И я становлюсь таким же лентяем!

Он встряхнулся и проскользнул обратно к хижине. Он был уже под окном, когда почувствовал, что кто-то лизнул ему ногу.

— Мать, — сказал он, узнав Волчицу, — что здесь делаешь ты?

— Я слышала, как мои дети поют в лесу, и пошла за тем, кого люблю больше всех. Лягушонок, я хочу видеть женщину, которая кормила тебя молоком, — сказала Мать Волчица, вся мокрая от росы.

— Ее связали и хотят убить. Я разрезал ремни, и она с мужем уйдет через джунгли.

— Я тоже провожу их. Я стара, но еще не совсем беззуба.—Мать Волчица стала на задние лапы и заглянула через окна в темную хижину.

Потом она бесшумно опустилась на все четыре лапы и сказала только:

— Я первая кормила тебя молоком, но Багира говорит правду: человек в конце концов уходит к человеку.

— Может быть,—сказал Маугли очень мрачно, — только

я сейчас далек от этого пути. Подожди здесь, но не показывайся ей.

— Ты никогда меня не боялся, Лягушонок,—сказала Мать Волчица, отступая на шаг и пропадая в высокой траве, что она отлично умела делать.

— А теперь,— весело сказал Маугли, снова прыгнув в окно,— все собрались вокруг Балдео, и он рассказывает то, чего не было. А когда он кончит, они непременно придут сюда с Красным... с огнем и сожгут вас обоих. Как же быть?

— Мы поговорили с мужем,— сказала Мессуа. — Канхивара в тридцати милях отсюда. Если мы доберемся туда сегодня, мы останемся живы. Если нет — умрем.

— Вы останетесь живы. Ни один человек не выйдет сегодня из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуа, стоя на четвереньках, копал землю в углу хижины.

— Там у него деньги,— сказала Мессуа.— Больше мы ничего не можем взять с собой.

— Ах, да! Это то, что переходит из рук в руки и не становится теплей. Разве оно бывает нужно и в других местах?

Муж сердито оглянулся.

— Какой он оборотень? Он просто дурак! — проворчал он. — На эти деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что не уйдем далеко, а деревня погонится за нами.

— Говорю вам, что не погонится, я этого не позволю, но лошадь — это хорошо, потому что Мессуа устала.

Ее муж встал, завязывая в пояс последнюю рупию. Маугли помог Мессуа выбраться в окно, и прохладный ночной воздух оживил ее. Но джунгли при свете звезд показались ей очень темными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канхивару? — прошептал Маугли. Они кивнули.

— Хорошо. Помните же, что бояться нечего. И торопиться тоже не надо. Только... только в джунглях позади вас и впереди вас вы, быть может, услышите пение.

— Неужели ты думаешь, что мы посмели бы уйти ночью в джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше быть растерзанным зверями, чем убитым людьми, — сказал муж Мессуа.

Но сама Мессуа посмотрела на Маугли и улыбнулась.

— Говорю вам, — продолжал Маугли, словно он был медведь Балу и в сотый раз твердил невнимательному волчонку древний Закон Джунглей,—говорю вам, ни один зуб в джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не остановит

вас, пока вы не завидите Канхивару. Вас будут охранять. — Он быстро повернулся к Мессуа, говоря:—Муж твой не верит мне, но ты поверишь?

— Да, конечно, сын мой. Человек ли ты или волк из джунглей, но я тебе верю.

— Он испугается, когда услышит пение моего народа. А ты узнаешь и все поймешь. Ступайте же и не торопитесь, потому что спешить нет нужды: ворота закрыты.

Мессуа бросилась, рыдая, к ногам Маугли, но он быстро поднял ее, весь дрожа. Тогда она повисла у него на шее, называя его всеми ласковыми именами, какие только ей вспомнились.

Они пошли, направляясь к джунглям, и Мать Волчица выскочила из своей засады.

— Проводи их! — сказал Маугли.—И смотри, чтобы все джунгли знали, что их нельзя трогать. Подай голос, а я позову Багиру.

Глухой, протяжный вой раздался и замер, и Маугли увидел, как муж Мессуа вздрогнул и повернулся, готовый бежать обратно к хижине.

— Иди, иди!— ободряюще крикнул Маугли.— Я же сказал, что вы услышите песню. Она вас проводит до самой Канхивары. Это Милость Джунглей.

Мессуа подтолкнула своего мужа вперед, и тьма спустилась над ними и Волчицей, как вдруг Багира выскочила чуть ли не из-под ног Маугли.

— Мне стыдно за твоих братьев!—сказала она, мурлыча.

— Как? Разве они плохо пели для Балдео? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо! Слишком! Они даже меня заставили забыть всякую гордость, и клянусь сломанным замком, который освободил меня, я бегала по джунглям и пела, словно весной. Разве ты нас не слышал?

— У меня было другое дело. Спроси лучше Балдео, понравилась ли ему песня. Но где же вся четверка? Я хочу, чтобы ни один из человеческой стаи не вышел сегодня за ворота.

— Зачем же тебе четверка?— сказала Багира. Глядя на него горящими глазами, она переминалась с ноги на ногу и мурлыкала все громче. — Я могу задержать их, Маленький Брат. Это пенье и люди, которые лезли на деревья, раззадорили меня. Я гналась за ними целый день—при свете солнца, в полуденную пору. Я стерегла их, как волки стерегут оленей. Я Багира, Багира, Багира! Я плясала с ними, как пляшут со своей тенью. Смотри!

И большая пантера подпрыгнула, как котенок, и погналась за падающим листом, била по воздуху лапами то вправо, то влево, и воздух свистел под ее ударами, потом бесшумно стала на все четыре лапы, опять подпрыгнула вверх, и опять, и опять, и ее мурлыканье и ворчанье становилось все громче и громче, как пенье пара в закипающем котле.

— Я Багира—среди джунглей, среди ночи!— и моя сила вся со мной! Кто выдержит мой натиск? Детеныш, одним ударом лапы я могла бы разmozжить тебе голову; и она стала бы плоской, как дохлая лягушка летней порой!

— Что ж, удары! — сказал Маугли на языке деревни, а не на языке джунглей.

И человеческие слова разом остановили Багиру. Она отпрянула назад, и, вся дрожа, присела на задние лапы, так что ее голова очутилась на одном уровне с головой Маугли. И опять Маугли стал смотреть, как смотрел на непокорных волчат, прямо в зеленые, как изумруд, глаза, пока в глубине зеленых зрачков не погас красный огонь, как гаснет огонь на маяке, пока пантера не отвела взгляд. Ее голова опускалась все ниже и ниже, и наконец красная терка-язык царапнула ногу Маугли.

— Багира, Багира, Багира! — шептал мальчик, настойчиво и легко поглаживая шею и дрожащую спину.—Успокойся, успокойся! Это ночь виновата, а вовсе не ты!

— Это всё ночные запахи,—сказала Багира, раскаиваясь.—Воздух словно зовет меня. Но откуда ты это знаешь?

Воздух вокруг индийской деревни полон всяких запахов, а для зверя, который привык чуют и думать носом, запахи значат то же, что музыка или вино для человека.

Маугли еще несколько минут успокаивал пантеру, и наконец она улеглась, как кошка перед огнем, сложив лапы под грудью и полузакрыв глаза.

— Ты наш и не наш, из джунглей и не из джунглей,—сказала она наконец.—А я только черная пантера... Но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Они что-то долго разговаривают под деревом,—сказал Маугли, не обращая внимания на ее последние слова.—Балдео, должно быть, рассказал им не одну историю. Они скоро придут затем, чтобы вытащить эту женщину с мужем из ловушки и бросить их в Красный Цветок. И увидят, что ловушка опустела. Хо-хо!

— Нет, послушай,—сказала Багира:—пускай они найдут там меня! Немногие посмеют выйти из дому, после того как увидят меня. Не первый раз мне сидеть в клетке, и вряд ли им удастся связать меня веревками.

— Ну, так будь умницей!—сказал Маугли, смеясь.

А пантера уже прокралась в хижину.

— Брр!—принюхалась Багира.—Здесь пахнет человеком, но кровать как раз такая, на какой я лежала в княжеском зверинце в Удайпуре. А теперь я лягу!

Маугли услышал, как заскрипела веревочная сетка под тяжестью крупного зверя.

— Клянусь сломанным замком, который освободил меня, они подумают, что поймали важную птицу! Поди сядь рядом со мной, Маленький Брат, и мы вместе пожелаем им доброй охоты!

— Нет, у меня другое на уме. Человечья стая не должна знать, что я тоже участвую в этой игре. Охоться одна. Я не хочу их видеть.

— Пусть будет так,—сказала Багира.—Вот они идут!

Беседа под смоковницей на том конце деревни становилась все более шумной. В заключение поднялся крик, и толпа повалила по улице, размахивая дубинками, бамбуковыми палками, серпами и ножами. Впереди всех бежал Балдео, но и остальные не отставали от него, крича:

— Колдуна и колдунью сюда! Подожгите крышу над их головой! Мы им покажем, как нянчиться с оборотнями! Нет, сначала побьем их! Факелов! Побольше факелов!

Тут произошла небольшая заминка с дверной щеколдой. Дверь была заперта очень крепко, но толпа вырвала щеколду вон, и свет факелов залил комнату, где, растянувшись во весь рост на кровати, скрестив лапы и слегка свесив их с одного края, черная и страшная, лежала Багира. Минута прошла в молчании, полном ужаса, когда передние ряды всеми силами продирались обратно на улицу. И в эту минуту Багира зевнула, старательно и всем напоказ, как зевнула бы, желая оскорбить равного себе. Усатые губы приподнялись и раздвинулись, красный язык завернулся, нижняя челюсть обвисала все ниже и ниже, так что видно было жаркую глотку; огромные клыки выделялись в черном провале рта, пока не лязгнули, как стальные затворы. В следующую минуту улица опустела. Багира выскочила в окно и стала рядом с Маугли. А толпа, обезумев от страха, рвались в хижины, спотыкаясь и толкая друг друга.

— Они не двинутся с места до рассвета, — спокойно сказала Багира.— А теперь что?

Казалось, безмолвие полуденного сна нависло над деревней, но если прислушаться, было слышно, как двигают по земляному полу тяжелые ящики с зерном, заставляя ими

двери. Багира права: до самого утра в деревне никто не шевельнется.

Маугли сидел неподвижно и думал, и его лицо становилось все мрачнее.

— Что я такое сделала?—сказала наконец Багира, ласкаясь к нему.

— Ничего, кроме хорошего. Постереги их теперь до рассвета, а я усну.

И Маугли убежал в лес, повалился на камень и уснул — и проспал весь день и всю ночь.

Когда он проснулся, рядом с ним сидела Багира, и у его ног лежал только что убитый олень. Багира с любопытством смотрела, как Маугли работал охотничьим ножом, как он ел и пил, а потом снова улегся, опершись подбородком на руку.

— Женщина с мужчиной добрались до Канхивары целы и невредимы,—сказала Багира.—Твоя мать прислала весточку с коршуном Чилем. Они нашли лошадь еще до полуночи, в тот же вечер, и уехали очень быстро. Разве это не хорошо?

— Это хорошо,—сказал Маугли.

— А твоя человечья стая не пошевелинулась, пока солнце не поднялось высоко сегодня утром. Они приготовили себе поесть, а потом опять заперлись в своих домах.

— Они, может быть, увидели тебя?

— Может быть. На рассвете я каталась в пыли перед воротами и, кажется, даже пела. Ну, Маленький Брат, больше здесь нечего делать. Идем на охоту со мной и с Балу. Он нашел новые ульи и собирается показать их тебе, и мы все хотим, чтобы ты по-старому был с нами... Не смотри так, я боюсь тебя! Мужчину с женщиной не бросят в Красный Цветок, и все в джунглях остается по-старому. Разве это не правда? Забудем про человечью стаю!

— Про нее забудут, и очень скоро. Где кормится Хатхиниче ночью?

— Где ему вздумается. Кто может знать, где теперь Молчаливый? А зачем тебе? Что такого может сделать Хатхи, чего бы не могли сделать мы?

— Скажи, чтобы он пришел сюда ко мне вместе со своими тремя сыновьями.

— Но, право же, Маленький Брат, не годится приказывать Хатхи, чтобы он «пришел» или «ушел». Не забывай, что он Хозяин Джунглей и что он научил тебя Заветным Словам Джунглей раньше, чем человечья стая изменила твое лицо.

— Это ничего. У меня тоже есть для него Заветное Слово.

Скажи, чтобы он пришел к Лягушонку Маугли, а если не сразу расслышит, скажи ему, чтобы пришел ради вытоптанных полей Бхаратпура.

«Ради вытоптанных полей Бхаратпура»,— повторила Багира дважды или трижды, чтобы запомнить.— Иду! Хатхи только рассердится и больше ничего, а я с радостью отдала бы добычу целого месяца, лишь бы услышать, какое Заветное Слово имеет власть над Молчаливым.

Она ушла, а Маугли остался, в ярости роя землю охотничьим ножом. Маугли ни разу в жизни не видел человеческой крови и — что значило для него гораздо больше — ни разу не слышал ее запаха до тех пор, пока не почуял запах крови на связывавших Мессуа ремнях. А Мессуа была добра к нему, и он ее любил. Но как ни были ему ненавистны жестокость, трусость и болтливость людей, он бы ни за что не согласился отнять у человека жизнь и снова почуять этот страшный запах, чем бы ни наградили его за это джунгли. Его план был гораздо проще и гораздо вернее, и он засмеялся про себя, вспомнив, что его подсказал ему один из рассказов старого Балдео под смоковницей.

— Да, это было Заветное Слово,—вернувшись, шепнула Багира ему на ухо.—Они паслись у реки и послушались меня, как буйволы. Смотри, вон они идут!

Хатхи и его три сына появились, как всегда, без единого звука. Речной ил еще не высох на их боках, и Хатхи задумчиво дожевывал зеленое банановое дерево, которое вырвал бивнями. Но каждое движение его громадного тела говорило Багире, которая понимала все с первого взгляда, что не Хозяин Джунглей пришел к мальчику-волчонку, а пришел тот, кто боится, к тому, кто не боится ничего. Трое сыновей Хатхи покачивались плечо к плечу позади отца.

Маугли едва поднял голову, когда Хатхи пожелал ему доброй охоты. Прежде чем сказать хоть слово, он заставил Хатхи долго переминаться с ноги на ногу, покачиваться и встряхиваться, а когда заговорил, то с Багирой, а не со словами.

— Я хочу рассказать вам одну историю, а слышал я ее от охотника, за которым вы охотились сегодня,—начал Маугли.— Эта история о том, как старый и умный слон попал в западню и острый кол на дне ямы разорвал ему кожу от пятки до плеча, так что остался белый рубец.

Маугли протянул руку, и когда Хатхи повернулся, при свете луны стал виден длинный белый шрам на сером, как грифель, боку, словно его стегнули раскаленным бичом.

— Люди вытащили слона из ямы,—продолжал Маугли,—но он был силен и убежал, разорвав путы, и прятался, пока рана не зажила. Тогда он вернулся ночью на поля охотников. Теперь я припоминаю, что у него было три сына. Все это произошло много-много дождей тому назад и очень далеко отсюда — на полях Бхаратпура. Что случилось с этими полями в следующую жатву, Хатхи?

— Жатву собрал я с моими тремя сыновьями,—сказал Хатхи.

— А что было с посевом, который следует за жатвой?—спросил Маугли.

— Посева не было, — сказал Хатхи.

— А с людьми, которые живут на полях рядом с посевами? — спросил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых спали люди?—спросил Маугли.

— Мы разметали крыши домов, а джунгли поглотили стены.

— А что же было потом?—спросил Маугли.

— Мы напустили джунгли на пять деревень: и в этих деревнях, и на их землях, и на пастбищах, и на мягких, вспаханных полях не осталось теперь ни одного человека, который получал бы пищу от земли. Вот как были вытоптаны бхаратпурские поля, и это сделал я с моими тремя сыновьями. А теперь скажи мне, Маугли, как ты узнал про это?—спросил Хатхи.

— Мне сказал один человек, и теперь я вижу, что даже Балдео не всегда лжет. Это было хорошо сделано, Хатхи, с белым рубцом, а во второй раз выйдет еще лучше, потому что распоряжаться будет человек. Ты знаешь деревню чело-вечьей стаи, что выгнала меня? Не годится им жить там больше. Я их ненавижу!

— А убивать никого не нужно? Мои бивни покраснели от крови, когда мы топтали поля в Бхаратпуре, и мне бы не хотелось снова будить этот запах.

— Мне тоже. Я не хочу даже, чтобы их кости лежали на нашей чистой земле. Пусть ищут себе другое логово. Здесь им нельзя оставаться. Я слышал, как пахнет кровь женщины, которая меня кормила,—женщины, которую они убили бы, если бы не я. Только запах свежей травы на порогах домов может заглушить запах крови. От него у меня горит во рту. Напустим на них джунгли, Хатхи!

— А!—сказал Хатхи.—Вот так же горел и рубец на

моей коже, пока мы не увидели, как погибли деревни под весенней порослью. Теперь я понял: твоя война станет нашей войной. Мы напустим на них джунгли.

Маугли едва успел перевести дыхание—он весь дрожал от ненависти и злобы,—как то место, где стояли слоны, опустело, и только Багира смотрела на Маугли с ужасом.

А Хатхи и его трое сыновей повернули каждый в свою сторону и молча шагали по долинам. Они шли все дальше и дальше через джунгли и сделали шестьдесят миль, то есть целый двухдневный переход. И каждый их шаг и каждое покачивание хобота были замечены и истолкованы Мангом, Чилем, Обезьяньим Народом и всеми птицами. Потом слоны стали кормиться и мирно паслись не меньше недели. Хатхи и его сыновья похожи на горного удава Каа: они не станут торопиться, если в этом нет нужды.

Через неделю — и никто не знает, откуда это пошло, — по джунглям пронесся слух, что в такой-то и такой-то долине корм и вода все лучше. Свиньи, которые готовы идти на край света ради сытной кормежки, тронулись первые, отряд за отрядом, переваливаясь через камни; за ними двинулись олени, а за оленями—маленькие лисицы, которые питаются падалью. Рядом с оленями шли неповоротливые антилопы-нильгау, а за нильгау двигались дикие буйволы с болот. Вначале легко было бы повернуть обратно рассеянные и разбросанные стада, которые щипали траву, брели дальше, пили и снова щипали траву, но как только среди них поднималась тревога, кто-нибудь являлся и успокаивал их. То это был дикобраз Сахи с вестью о том, что хорошие корма начинаются чуть подалее; то нетопырь Манг с радостным писком пронесился, трепеща крыльями, по прогалине, чтобы показать, что там никого нет; то Балу с полным ртом корнейев подходил, переваливаясь к стаду и в шутку или всерьез пугал его, направляя на настоящую дорогу. Многие повернули обратно, разбежались или не захотели идти дальше, но другие остались и по-прежнему шли вперед.

Прошло дней десять, и к концу этого времени дело обстояло так: олени, свиньи и нильгау топтались, двигаясь по кругу радиусом в восемь или десять миль, а хищники нападали на них с краев. А в центре круга была деревня, а вокруг деревни созревали хлеба на полях, а в полях сидели люди на вышках, похожих на голубятни и построенных для того, чтобы пугать птиц и других воришек.

Была темная ночь, когда Хатхи и его трое сыновей без шума вышли из джунглей, сломали хоботами жерди, и выш-

ки упали, как падает сломанный стебель болиголова, а люди, свалившись с них, слышали глухое урчанье слонов. Потом авангард напуганной армии оленей примчался и вытоптал деревенское пастбище и вспаханные поля; а за ними пришли тупорылые свиньи с острыми копытами, и что осталось после оленей, то уничтожили свиньи. Время от времени волки тревожили стада, и те, обезумев, бросались из стороны в сторону, топча зеленый ячмень и ровняя с землей края оросительных каналов. Перед рассветом в одном месте на краю круга хищники отступили, оставив открытой дорогу на юг, и олени ринулись по ней, стадо за стадом. Другие, посмелей, залегли в чаще, чтобы покормиться следующей ночью.

Но дело было уже сделано. Утром крестьяне, взглянув на свои поля, увидели, что все посевы погибли. Это грозило смертью, если люди не уйдут отсюда, потому что голод был всегда так же близко от них, как и джунгли. Когда буйволов выгнали на пастбища, голодное стадо увидело, что олени дочиста съели всю траву, и разбрелось по джунглям вслед за своими дикими товарищами. А когда наступили сумерки, оказалось, что три или четыре деревенские лошади лежат в стойлах с проломленными головами. Только Багира умела наносить такие удары, и только ей могла прийти в голову дерзкая мысль вытащить последний труп на середину улицы.

В эту ночь крестьяне не посмели развести костры на полях, и Хатхи с сыновьями вышел подбирать то, что осталось; а там, где пройдет Хатхи, уже нечего больше подбирать. Люди решили питаться зерном, припасенным для посева, пока не пройдут дожди, а потом наняться в работники, чтобы наверстать потерянный год. Но пока хлеботорговец думал о своих корзинах, полных зерна, и о ценах, какие он будет брать с покупателей, острые клыки Хатхи ломали угол его глинобитного амбара и крушили большой плетеный закром, где хранилось зерно.

После того как обнаружили эту потерю, пришла очередь жреца сказать слово. Своим богам он уже молился, но безрезультатно. Возможно, говорил он, что деревня, сама того не зная, оскорбила какого-нибудь бога джунглей: по всему видно, что джунгли против них. Тогда послали за главарем соседнего племени бродячих гондов, маленьких, умных, черных, как уголь, охотников, живущих в глубине джунглей, чьи предки происходят от древнейших народностей Индии — от первоначальных владельцев земли. Гонда угостили тем, что нашлось, а он стоял на одной ноге, с луком в руках и двумя-тремя отравленными стрелами, воткнутыми в волосы, и смот-

рел не то с испугом, не то с презрением на встревоженных людей и на них опустошенные поля. Люди хотели узнать, не сердятся ли на них его боги, старые боги, и какие жертвы им нужны. Гонд ничего не ответил, но сорвал длинную плеть ползучей дикой тыквы, приносящей горькие плоды, и заплел ею двери храма на глазах у изумленного божка. Потом он несколько раз махнул рукой по воздуху в ту сторону, где была дорога в Канхивару, и ушел обратно к себе в джунгли смотреть, как стада животных проходят по ним. Он знал, что когда джунгли наступают, только белые люди могут остановить их движение.

Незачем было спрашивать, что он хотел этим сказать. Дикая тыква вырастет там, где люди молились своему богу, и чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

Но нелегко деревне сняться с насиженного места. Люди оставались до тех пор, пока у них были летние запасы. Они пробовали собирать орехи в джунглях, но тени с горящими глазами следили за ними даже среди дня, а когда люди в испуге повернули обратно, со стволов деревьев, мимо которых они проходили всего пять минут назад, оказалась содранной кора ударами чьей-то большой, когтистой лапы. Чем больше люди жались к деревне, тем смелей становились дикие звери, с ревом и топотом гулявшие по пастбищам у Вайнганги. У крестьян не хватало духа чинить и латать задние стены опустелых хлебов, выходившие в лес. Дикие свиньи топтали развалины, и узловатые корни лиан спешили захватить только что отвоеванную землю и забрасывали через стены хижины цепкие побеги, а вслед за лианами щетинилась жесткая трава. Холостяки сбежали первыми и разнесли повсюду весть, что деревня обречена на гибель. Кто мог бороться с джунглями, когда даже деревенская кобра покинула свою нору под смоковницей!

Люди все меньше и меньше общались с внешним миром, а протоптанные через равнину тропы становились все уже и уже. И трубный зов Хатхи и его троих сыновей больше не тревожил деревню по ночам: им больше незачем было приходить. Поля за околицей зарастали травой, сливаясь с джунглями, и для деревни настала пора уходить в Канхивару.

Люди откладывали уход со дня на день, пока первые дожди не захватили их врасплох. Нечиненные крыши стали протекать, выгон покрылся водой по щиколотку, и все, что было зелено, пошло сразу в рост после летней засухи. Тогда люди побрели вброд — мужчины, женщины и дети—под сле-

пашим и теплым утренним дождем и, конечно, обернулись, чтобы взглянуть в последний раз на свои дома.

И как раз, когда последняя семья, нагруженная узлами, проходила в ворота, с грохотом рухнули балки и кровли за деревенской оградой. Люди увидели, как мелькнул на мгновение блестящий, черный, как змея, хобот, разметывая мокрую солому крыши. Он исчез, и опять послышался грохот, а за грохотом — визг. Хатхи срывал кровли с домов, как мы срываем водяные лилии, и отскочившая балка ушибла его. Только этого ему и не хватало, чтобы разойтись вовсю, потому что из диких зверей, живущих в джунглях, взбесившийся дикий слон всех больше буйствует и разрушает. Он лягнул задней ногой глинобитную стену, и стена развалилась от удара, а потоки дождя превратили ее в желтую грязь. Хатхи кружился и трубил и метался по узким улицам, наваливаясь на хижины справа и слева, ломая шаткие двери, круша стропила; а три его сына бесновались позади отца, как бесновались при разгроме полей Бхаратпура.

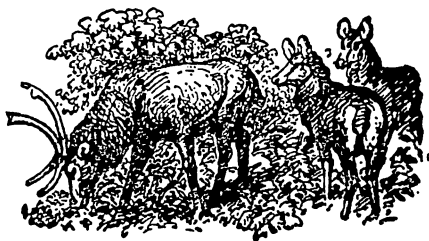
— Джунгли поглотят эти скорлупки, — сказал спокойный голос среди развалин. — Сначала нужно свалить ограду.

И Маугли, блестя мокрыми от дождя плечами, отскочил от стены, которая осела на землю, как усталый буйвол.

— Все в свое время, — прохрипел Хатхи. — О да, в Бхаратпуре мои клыки покраснели от крови! К ограде, дети мои! Головой! Все вместе! Ну!

Все четверо налегли, стоя рядом. Ограда пошатнулась, треснула и упала, и люди, онемев от ужаса, увидели в неровном проломе измазанные глиной головы разрушителей. Люди бросились бежать вниз по долине, оставшись без приюта и без пищи, а их деревня словно таяла позади, растоптанная, раздетанная и разнесенная в клочки.

Через месяц от деревни остался рыхлый холмик, поросший нежной молодой зеленью, а когда прошли дожди, джунгли буйно раскинулись на том самом месте, где всего полгода назад были вспаханные поля.

КНЯЖЕСКИЙ АНКАС

Каа, большой горный удав, переменял кожу — верно, в двухсотый раз со дня рождения, — и Маугли, который никогда не забывал, что Каа спас ему жизнь однажды ночью в Холодных Берлогах, о чем быть может, помните и вы, пришел его поздравить. Меняя кожу, змея бывает угрюма и раздражительна до тех пор, пока новая кожа не станет блестящей и красивой. Каа больше не подсмеивался над Маугли. Как и все в джунглях, он считал его Хозяином Джунглей и рассказывал ему все новости, какие, само собой, приходится слышать удаву его величины. То, чего Каа не знал о средних джунглях, как их называют, о жизни, которая идет у самой земли или под землей, о жизни около валунов, кочек и лесных пней, уместилось бы на самой маленькой из его чешуек.

В тот день Маугли сидел меж больших колец Каа, перебирая пальцами чешуйчатую старую кожу, сброшенную удавом среди камней. Каа очень любезно подставил свое тело под широкие голые плечи Маугли, и мальчик сидел словно в живом кресле.

— Она вся целая, даже и чешуйки на глазах целы, —

сказал Маугли негромко, играя сброшенной кожей. — Как странно видеть у своих ног то, что покрывало голову!

— Да, только ног у меня нет,— ответил Каа,— и я не вижу тут ничего странного, это в обычае моего народа. Разве ты никогда не чувствуешь, что кожа у тебя сухая и жесткая?

— Тогда я иду купаться, Плоскоголовый, хотя, правда, в сильную жару мне хочется сбросить кожу совсем и бегать без кожи.

— Я и купаюсь и меняю кожу. Ну, как тебе нравится моя новая одежда?

Маугли провел рукой по косым клеткам огромной спины.

— У черепахи спина тверже, но не такая пестрая,— сказал он задумчиво.— У лягушки, моей тезки, она пестрей, но не такая твердая. На вид очень красиво, точно пестрый узор в чашечке лилии.

— Новой коже нужна вода. До первого купанья цвет все еще не тот. Идем купаться!

— Я понесу тебя,— сказал Маугли и, смеясь, нагнулся, чтобы приподнять большое тело Каа там, где оно казалось всего толще.

Это было все равно, что поднять водопроводную трубу двухфутовой толщины, и Каа лежал неподвижно, тихо пыхтя от удовольствия. Потом у них началась привычная вечерняя игра — мальчик в расцвете сил и удав в великолепной новой коже стали бороться друг с другом, пробуя зоркость и силу. Разумеется, Каа мог раздавить сотню таких, как Маугли, если бы дал себе волю, но он играл осторожно, никогда не пользуясь и десятой долей своей мощи.

Как только Маугли стал достаточно крепок, чтобы с ним можно было бороться, Каа научил мальчика этой игре, и его тело сделалось от этого необыкновенно гибким. Иной раз Маугли стоял, захлестнутый почти до горла гибкими кольцами Каа, силясь высвободить одну руку и ухватить его за шею. Тогда Каа, весь обмякнув, ослаблял хватку, а Маугли своими быстрыми ногами не давал найти точку опоры огромному хвосту, который тянулся назад, нащупывая камень или пень. Они качались взад и вперед, голова к голове, каждый выжидая случая напасть, и наконец прекрасная, как изваяние, группа превращалась в вихрь черных с желтым колец и мелькающих ног и рук, чтобы снова и снова подняться.

— Ну-ну-ну! — говорил Каа, делая головой выпады, каких не могла отразить даже быстрая рука Маугли.— Смотри! Вот я дотронулся до тебя, Маленький Брат! Вот и вот! Разве руки у тебя онемели? Вот опять!

Эта игра всегда кончалась одинаково: быстрым ударом головы Каа всегда сбивал мальчика с ног. Маугли так и не выучился обороняться против этого молниеносного выпада; и, по словам Каа, на это не стоило тратить время.

— Доброй охоты! — проворчал наконец Каа.

И Маугли, как всегда, отлетел шагов на десять в сторону, задыхаясь и хохоча.

Он поднялся, набрав полные руки травы, и пошел за Каа к любимому месту купанья мудрой змеи — глубокой, черной, как смоль, заводи, окруженной скалами и особенно привлекательной из-за потонувших стволов. По обычаю джунглей, мальчик бросился в воду без звука и нырнул; потом вынырнул, тоже без звука, лег на спину, заложив руки под голову, и, глядя на луну, встающую над скалами, начал разбивать пальцами ног ее отражение в воде.

Треугольная голова Каа разрезала воду, как бритва, и, поднявшись из воды, легла на плечо Маугли. Они лежали неподвижно, наслаждаясь обволакивающей их прохладой.

— Как хорошо! — сонно сказал Маугли. — А в человечесьей стае в это время, помню, ложились на жесткое дерево внутри земляных ловушек и, закрывшись хорошенько со всех сторон от свежего ветра, укутывались с головой затхлыми тряпками и заводили носом скучные песни. В джунглях лучше!

Торопливая кобра проскользнула мимо них по скале, напилась, пожелала им доброй охоты и скрылась.

— О-о-ш! — сказал Каа, словно вспомнив о чем-то. — Так, значит, джунгли дают тебе все, чего тебе только хочется, Маленький Брат?

— Не все, — сказал Маугли, засмеявшись, — а не то можно было бы каждый месяц убивать нового Шер-Хана. Теперь я мог бы убить его собственными руками, не прося помощи у буйволов. Еще мне хочется иногда, чтобы солнце светило во время дождей или чтобы дожди закрыли солнце в разгаре лета. А когда я голоден, мне всегда хочется убить козу, а если убью козу, хочется, чтобы это был олень, а если это олень, хочется, чтобы это был нильгау. Но ведь так бывает и со всеми.

— И больше тебе ничего не хочется? — спросил Каа.

— А чего мне больше хотеть? У меня есть джунгли и Милость Джунглей! Разве есть еще что-нибудь на свете между востоком и западом?

— А кобра говорила... — начал Каа.

— Какая кобра? Та, что уползла сейчас, ничего не говорила: она охотилась.

— Не эта, а другая.

— И много у тебя дел с Ядовитым Народом? Я их не трогаю, пусть идут своей дорогой. Они носят смерть в передних зубах, и это нехорошо — они такие маленькие. Но с какой же это коброй ты разговаривал?

Каа медленно покачивался на воде, как пароход на боковой волне.

— Три или четыре месяца назад, — сказал он, — я охотился в Холодных Берлогах — ты, может быть, еще не забыл про них, — и тварь, за которой я охотился, с визгом бросилась мимо водоемов к тому дому, который я когда-то проломил ради тебя, и убежала под землю.

— Но в Холодных Берлогах никто не живет под землей. — Маугли понял, что Каа говорит про Обезьяний Народ.

— Эта тварь не жила, а спасала свою жизнь, — ответил Каа, высовывая дрожащий язык. — Она уползла в нору, которая шла очень далеко. Я пополз за ней, убил ее, а потом уснул. А когда проснулся, то пополз вперед.

— Под землей?

— Да. И наконец набрел на Белый Клубок — белую кобру, которая говорила со мной о непонятных вещах и показала мне много такого, чего я никогда еще не видел.

— Новую дичь? И хорошо ты поохотился? — Маугли быстро перевернулся на бок.

— Это была не дичь, я обломал бы об нее все зубы, но Белый Клубок сказал, что люди, — а говорил он так, будто знает эту породу, — что люди отдали бы последнее дыхание, лишь бы взглянуть на эти вещи.

— Посмотрим! — сказал Маугли. — Теперь я вспоминаю, что когда-то был человеком.

— Тихонько, тихонько! Торопливость погубила Желтую Змею, которая съела солнце. Мы говорили под землей, и я рассказал про тебя, называя тебя человеком. Белая кобра сказала (а она поистине стара, как джунгли): «Давно уже не видала я человека. Пускай придет, тогда и увидит все эти вещи. За самую малую из них многие люди не пожалели бы жизни».

— Значит, это новая дичь. А ведь Ядовитый Народ никогда не говорит нам, где есть испугнутая дичь. Они недружелюбны.

— Это не дичь. Это... это... я не могу сказать, что это такое.

— Мы пойдем туда. Я еще никогда не видел белой кобры,

да и на все остальное мне тоже хочется посмотреть. Это она их убила?

— Они все неживые. Кобра сказала, что она сторожит их.

— А! Как волк сторожит добычу, когда притащит ее в берлогу. Идем!

Маугли подплыл к берегу, покатался по траве, чтобы обсушиться, и они вдвоем отправились к Холодным Берлогам — заброшенному городу, о котором вы, быть может, читали. Маугли теперь ничуть не боялся обезьян, зато обезьяны дрожали от страха перед Маугли. Однако обезьянье племя рыскало теперь по джунглям, и Холодные Берлоги стояли в лунном свете пустые и безмолвные.

Каа подполз к развалинам княжеской беседки на середине террасы, перебрался через кучи щебня и скользнул вниз по засыпанной обломками лестнице, которая вела в подземелье. Маугли издал Змеиный Клич: «Мы с вами одной крови, вы и я!» — и пополз за ним на четвереньках. Оба они долго ползли по наклонному коридору, который несколько раз сворачивал в сторону, и наконец добрались до такого места, где корень старого дерева, поднимавшегося над землей футов на тридцать, вытеснил из стены большой камень. Они пролезли в дыру и очутились в просторном подземелье, своды которого, раздвинутые корнями деревьев, тоже были все в трещинах, так что сверху в темноту падали тонкие лучики света.

— Надежное убежище! — сказал Маугли, выпрямляясь во весь рост. — Только оно слишком далеко, чтобы каждый день в нем бывать. Ну, а что же мы тут увидим?

— Разве я ничто? — сказал чей-то голос в глубине подземелья.

Перед Маугли мелькнуло что-то белое, и мало-помалу он разглядел такую огромную кобру, каких он до сих пор не встречал, — почти в восемь футов длиной, вылинявшую от жизни в темноте до желтизны старой слоновой кости. Даже очки на раздутом клобуке стали у нее бледно-желтыми. Глаза у кобры были красные, как рубины, и вся она была такая дикий вид.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, у которого вежливые слова, как и охотничий нож, были всегда наготове.

— Что нового в городе? — спросила белая кобра, не отвечая на приветствие. — Что нового в великом, обнесенном стеною городе, в городе сотни слонов, двадцати тысяч лошадей и несметных стад, — в городе князя над двадцатью князьями? Я становлюсь туга на ухо и давно уже не слыхала боевых гонгов.

— Над нами джунгли, — сказал Маугли. — Из слонов я знаю только Хатхи и его сыновей. А что такое князь?

— Я говорил тебе, — мягко сказал Каа, — я говорил тебе четыре луны назад, что твоего города уж нет.

— Город, великий город в лесу, чьи врата охраняются княжескими башнями, не может исчезнуть. Его построили еще до того, как дед моего деда вылупился из яйца, и он будет стоять и тогда, когда сыновья моих сыновей побелеют, как я. Саладхи, сын Чандрабиджи, сына Вийеджи, сына Ягасари, построил его в давние времена. А кто ваш господин?

— След потерялся, — сказал Маугли, обращаясь к Каа. — Я не понимаю, что она говорит.

— Я тоже. Она очень стара... Прародительница Кобр, тут кругом одни только джунгли, как и было всегда, с самого начала.

— Тогда кто же он, — спросила белая кобра, — тот, что сидит передо мной и не боится? Тот, что не знает имени князя и говорит на нашем языке устами человека? Кто он, с ножом охотника и языком змей?

— Меня зовут Маугли, — был ответ. — Я из джунглей. Волки — мой народ, а это Каа, мой брат. А ты кто, Мать Кобр?

— Я страж княжеского сокровища. Каран Раджа положил надо мной камни еще тогда, когда у меня была темная кожа, чтобы я предавала смерти тех, кто придет сюда воровать. Потом сокровища опустили под камень, и я услышала пение жрецов, моих учителей.

«Гм! — сказал про себя Маугли. — С одним жрецом я уже имел дело в человечесей стае, и я знаю, что знаю. Скоро сюда придет беда».

— Пять раз поднимали камень с тех пор, как я стерегу сокровище, но всегда для того, чтобы прибавить еще, а не унести отсюда. Нигде нет таких богатств, как эти — сокровища ста князей. Но давно-давно уже не поднимали камень, и мне кажется, что про мой город забыли.

— Города нет. Посмотри вокруг — вон корни больших деревьев раздвинули камни. Деревья и люди не растут вместе, — уговаривал ее Каа.

— Дважды и трижды люди находили сюда дорогу, — злобно ответила кобра, — но они ничего не говорили, пока я не находила их ощупью в темноте, а тогда кричали, только совсем недолго. А вы оба пришли ко мне с ложью, и человек и змея, и хотите, чтобы я вам поверила, будто моего города больше нет и пришел конец моей службе. Люди мало меняют-

ся с годами. А я не меняюсь! Пока не поднимут камень и не придут жрецы с пением знакомых мне песен, и не напоят меня теплым молоком, и не вынесут отсюда на свет, я, я, я,— и никто другой!—буду Стражем Княжеского Сокровища! Город умер, говорите вы, и сюда проникли корни деревьев? Так нагнитесь же и возьмите что хотите! Нет нигде на земле таких сокровищ! Человек со змеиным языком, если ты сможешь уйти отсюда живым той дорогой, какой пришел, князья будут тебе слугами!

— След опять потерялся,—спокойно сказал Маугли.— Неужели какой-нибудь шакал прорылся так глубоко и укусил большой Белый Клубок? Она, верно, взбесилась... Мать Кобр, я не вижу, что можно отсюда унести.

— Клянусь богами Солнца и Луны, мальчик потерял разум! — прошипела кобра.— Прежде чем закроются твои глаза, я окажу тебе одну милость. Смотри — и увидишь то, чего не видел еще никто из людей!

— Худо бывает тем, кто говорит Маугли о милостях,— ответил мальчик сквозь зубы,— но в темноте все меняется, я знаю. Я посмотрю, если тебе так хочется.

Прищурив глаза, он обвел пристальным взглядом подземелье, потом поднял с полу горсть чего-то блестящего.

— Ого! — сказал он.— Это похоже на те штучки, которыми играют в человеческой стае. Только эти желтые, а те были коричневые.

Он уронил золото на пол и сделал шаг вперед. Все подземелье было устлано слоем золотых и серебряных монет толщиной в пять-шесть футов, высыпавшихся из мешков, где они прежде хранились. За долгие годы металл слежался и выровнялся, как песок во время отлива. На монетах и под ними, зарывшись в них, как обломки крушения в песке, были чеканного серебра седла для слонов с бляхами кованого золота, украшенные рубинами и бирюзой. Там были паланкины и носилки для княгинь, окованные и отделанные серебром и эмалью, с нефритовыми ручками и янтарными кольцами для занавесей; там были золотые светильники с изумрудными подвесками, колыхавшимися на них; там были пятифутовые статуи давно забытых богов, серебряные, с изумрудными глазами; были кольчуги, стальные, с золотой насечкой и с бахромой из почерневшего мелкого жемчуга; там были шлемы с гребнями, усеянными рубинами цвета голубиной крови; там были лакированные щиты из панциря черепахи и кожи носорога, окованного червонным золотом, с изумрудами по краям; охапки сабель, кинжалов и охотничьих ножей с алмазными

рукоятками; золотые чаши и ковши и переносные алтари, никогда не видевшие дневного света; нефритовые чаши и браслеты; кадиланицы, гребни, сосуды для духов, хны и сурьмы, все чеканного золота; множество колец для носа, обручей, перстней и поясов; пояса в семь пальцев шириной из граненых алмазов и рубинов и деревянные шкатулки, трижды окованные железом, дерево которых распалось в прах и остались груды опалов, кошачьего глаза, сапфиров, рубинов, брильянтов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра была права: никакими деньгами нельзя было оценить такое сокровище — плоды многих столетий войны, грабежей, торговли и поборов. Одним монетам не было цены, не говоря уже о драгоценных камнях; золота и серебра тут было не меньше двухсот или трехсот тонн чистым весом.

Но Маугли, разумеется, не понял, что значат эти вещи. Ножи заинтересовали его немножко, но они были не так удобны, как его собственный нож, и потому он их бросил. Наконец он отыскал нечто в самом деле пленительное, лежавшее перед слоновым седлом, полузарытым в монетах. Это был двухфутовый анкас, или бодило, для слонов, похожий на маленький лодочный багор. На его верхушке сидел круглый сверкающий рубин, а восьмидюймовой длины ручка была сплошь украшена нешлифованной бирюзой, так что держать ее было очень удобно. Ниже был нефритовый ободок, а кругом него шел узор из цветов, только листья были изумрудные, а цветы — рубины, вделанные в прохладный зеленый камень. Остальная часть ручки была из чистой слоновой кости, а самый конец — острое и крюк — был стальной, с золотой насечкой, изображавшей охоту из слонов. Картинки и пленили Маугли, который увидел, что они изображают его друга Хатхи.

Белая кобра следовала за ним по пятам.

— Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы это увидеть? — сказала она. — Правда, я оказала тебе великую милость?

— Я не понимаю, — ответил Маугли. — Они все твердые и холодные и совсем не годятся для еды. Но вот это, — он поднял анкас, — я хотел бы унести с собой, чтобы разглядеть при солнце. Ты говоришь, что это все твое. Так подари это мне, а я принесу тебе лягушек для еды.

Белая кобра вся затряслась от злобной радости.

— Конечно, я подарю это тебе, — сказала она. — Все, что здесь есть, я дарю тебе — до тех пор, пока ты не уйдешь.

— Но я уйду сейчас. Здесь темно и холодно, а я хочу унести эту колючую штуку с собой в джунгли.

— Взгляни себе под ноги! Что там лежит?

Маугли подобрал что-то белое и гладкое.

— Это человеческий череп,— сказал он равнодушно.— А вот и еще два.

— Много лет назад эти люди пришли, чтобы унести сокровище. Я поговорила с ними в темноте, и они успокоились.

— Но разве мне нужно что-нибудь из того, что ты называешь сокровищем? Если ты позволишь мне унести анкас, это будет добрая охота. Если нет, все равно это будет добрая охота. Я не вражду с Ядовитым Народом, а кроме того, я знаю Заветное Слово твоего племени.

— Здесь только одно Заветное Слово, а это Слово—мое! Каа метнулся вперед, сверкнув глазами:

— Кто просил меня привести человека?

— Я, конечно,— прошелестела старая кобра.— Давно уже не видала я человека, а этот человек говорит по-нашему.

— Но о том, чтобы убивать, не было уговора. Как же я вернуться в джунгли и расскажу, что отвел его на смерть?

— Я и не убью его раньше времени. А если тебе надо уйти, вон дыра в стене. Помолчи-ка теперь, жирный убийца обезьян! Стоит мне коснуться твоей шеи, и джунгли тебя больше не увидят. Никогда еще человек не уходил отсюда живым. Я Страж Сокровищ в Княжеском городе!

— Но говорят тебе, ты, белый ночной червяк, что нет больше ни князя, ни города! Вокруг нас одни только джунгли! — воскликнул Каа.

— А сокровище есть. Но вот что можно сделать. Не уходи еще, Каа,— посмотришь, как будет бегать мальчик. Здесь есть где поохотиться. Жизнь хороша, мальчик! Побегай взад и вперед, порезвись!

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— Эта белая тварь до сих пор видала только людей из человечесьей стаи. Меня она не знает,— прошептал он.— Она сама напросилась на охоту. Пусть получает!

Маугли стоял, держа в руках анкас острием вниз. Он быстро метнул анкас, и тот упал наискось, как раз за клобуком большой змеи, пригвоздив ее к земле. В мгновение ока удав налег всей своей тяжестью на извивающееся тело кобры, прижав его от клобука до хвоста. Красные глаза кобры горели, и голова на свободной шее бешено моталась вправо и влево.

— Убей ее! — сказал Каа, видя, что Маугли берется за нож.

— Нет, — сказал Маугли, доставая нож,— больше я не хочу убивать, разве только для пищи. Посмотри сам, Каа!

Он схватил кобру пониже клобука, раскрыл ей рот лезви-

ем ножа и показал, что страшные ядовитые зубы в верхней челюсти почернели и выкрошились. Белая кобра пережила свой яд, как это бывает со змеями.

— Тхунтх (гнилая колода), — сказал Маугли и, сделав Каа знак отстраниться, выдернул анкас из земли и освободил белую кобру.

— Княжескому сокровищу нужен новый страж, — сказал он сурово, — Тхунтх, ты оплошала. Побегай взад и вперед, порезвись. Гнилая колода!

— Мне стыдно! Убей меня! — прошипела белая кобра.

— Слишком много было разговоров про убийство. Теперь мы уйдем. Я возьму эту колючую штуку, Тхунтх, потому что я дрался и одолел тебя.

— Смотри, чтоб она не убила тебя в конце концов. Это смерть! Помни, это смерть! В ней довольно силы, чтобы убить всех людей в моем городе. Недолго ты удержишь ее, Человек из Джунглей, или тот, что отнимет ее у тебя. Ради нее будут убивать, убивать и убивать! Моя сила иссякла, зато колючка делает мое дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли выбрался через дыру в подземный коридор и, обернувшись, увидел, как белая кобра яростно кусает потерявшими силу зубами неподвижные лица золотых идолов, лежащих на полу, и шипит:

— Это смерть!

Маугли и Каа были рады, что снова выбрались на дневной свет. Как только они очутились в родных джунглях и анкас в руках мальчика засверкал на утреннем солнце, он почувствовал почти такую же радость, как если б нашел пучок новых цветов, для того чтобы воткнуть себе в волосы.

— Это ярче глаз Багиры, — сказал он с восхищением, поворачивая рубин. — Я покажу ей эту штуку. Но что хотела сказать Гнилая Колода своими словами о смерти?

— Не знаю. Мне до кончика хвоста обидно, что она не попробовала твоего ножа. Всегда в Холодных Берлогах таится какая-нибудь беда — и на земле и под землей... А теперь я хочу есть. Ты поохотишься вместе со мною нынче на заре? — сказал Каа.

— Нет, надо показать эту штуку Багире. Доброй охоты!

Маугли приплясывал на бегу, размахивая большим анкасом, и останавливался время от времени, чтобы полюбоваться на него. Добравшись наконец до тех мест в джунглях, где отдыхала обычно Багира, он нашел ее у водопоя, после охоты на крупного зверя. Маугли стал рассказывать ей обо всех своих приключениях, а Багира слушала и время от времени об-

нюхивала анкас. Когда Маугли дошел до последних слов белой кобры, Багира одобрительно замурлыкала.

— Значит, Белый Клубук говорил правду? — живо спросил Маугли.

— Я родилась в княжеском зверинце в Удайпуре и, кажется, знаю кое-что о человеке. Многие люди убили бы трижды в ночь ради одного этого красного камня.

— Но от камня ручку только тяжелее держать. Мой блестящий ножик гораздо лучше, и — слушай! — красный камень не годится для еды. Так для чего же убивать?

— Маугли, ступай спать. Ты жил среди людей, и...

— Я помню. Люди убивают, потому что не охотятся, — от безделья и ради забавы. Проснись же, Багира! Для чего сделана эта колючая штука?

Багира приоткрыла сонные глаза, и в них сверкнула лукавая искорка.

— Ее сделали люди для того, чтобы колоть голову сыновьям Хатхи. Я видела такие на улицах Удайпура перед зверинцем. Эта вещь отведала крови многих таких, как Хатхи.

— Но зачем же колоть ею головы слонов?

— Затем, чтобы научить их Закону Человека. У людей нет ни когтей, ни зубов, оттого они и делают вот такие штуки и даже хуже.

— Если бы я это знал, то не взял бы его. Я не хочу его больше. Смотри!

Анкас полетел, сверкая, и зарылся в землю в пятидесяти шагах от них, среди деревьев.

— Теперь я очистил мои руки от смерти, — сказал Маугли, вытирая руки о свежую, влажную землю. — Белая кобра говорила, что смерть будет ходить за мной по пятам... Она состарилась, побелела и выжила из ума.

— Смерть или жизнь почернела или побелела, а я пойду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться всю ночь и выть весь день, как другие.

Багира знала удобное логово в двух милях от водопоя и отправилась туда отдыхать. Маугли, недолго думая, забрался на дерево, связав вместе две-три лианы, и гораздо скорее, чем можно об этом рассказать, качался в гамаке в пятидесяти футах над землею. Хотя Маугли не боялся яркого дневного света, он все же следовал обычаю своих друзей и старался как можно меньше бывать на солнце. Когда его разбудили громкие голоса обитателей деревьев, были опять сумерки, и во сне ему снились те красивые камешки, что он выбросил.

— Хоть погляжу на них еще раз,— сказал он и спустился по лиане на землю.

Но Багира опередила его: Маугли было слышно, как она обнюхивает землю в полумраке.

— А где же колючая штука? — воскликнул Маугли.

— Ее взял человек. Вот и след.

— Теперь мы увидим, правду ли говорила белая кобра. Если колючая тварь и вправду смерть, этот человек умрет. Пойдем по следу.

— Сначала поохотимся,— сказала Багира: — на пустой желудок глаза плохо видят. Люди двигаются очень медленно, а в джунглях так сыро, что самый легкий след продержится долго.

Они постарались покончить с охотой как можно скорее, и все же прошло почти три часа, прежде чем они наелись, напились и пошли по следу. Народ джунглей знает, что торопиться во время еды не следует, потому что упущенного не нагонишь.

— Как ты думаешь, колючая тварь обернется в руках человека и убьет его? — спросил Маугли.— Белая кобра говорила, что это смерть.

— Увидим, когда догоним,— сказала Багира. Она бежала рысью, нагнув голову.— След одиночный (она хотела сказать, что человек был один), и от тяжелой ноши пятка ушла влево в землю.

— Гм! Это ясно, как летняя молния,— ответил Маугли.

И они помчались по следам двух босых ног быстрой рысью, попадая то во тьму, то в полосы лунного света.

— Теперь он бежит быстро,— сказал Маугли: — пальцы растопырены.— Они бежали дальше по сырой низине.— А почему здесь он свернул в сторону?

— погоди! — сказала Багира и одним великолепным прыжком перемахнула через лужайку.

Первое, что нужно сделать, когда след становится непонятным, это прыгнуть вперед, чтобы не оставлять путаных следов на земле. После прыжка Багира повернулась к Маугли и крикнула:

— Здесь второй след идет ему навстречу. На этом втором следу нога меньше и пальцы поджаты.

Маугли подбежал и посмотрел.

— Это нога охотника-гонда,— сказал он.— Гляди! Здесь он протоптал свой лук по траве. Вот почему первый след свернул в сторону. Большая Нога пряталась от Маленькой Ноги.

— Это верно,— сказала Багира.— Теперь, чтобы не наступать друг другу на следы и не путаться, возьмем каждый

по одному следу. Я буду Большая Нога, Маленький Брат, а ты — Маленькая Нога.

Багира перепрыгнула на первый след, а Маугли нагнулся, разглядывая странные следы ног с поджатыми пальцами.

— Вот,— сказала Багира, шаг за шагом продвигаясь вперед по цепочке следов, — я, Большая Нога, сворачиваю здесь в сторону. Вот я прячусь за скалу и стою тихо, не смея переступить с ноги на ногу. Говори, что у тебя, Маленький Брат.

— Вот я, Маленькая Нога, подхожу к скале,— говорил Маугли, идя по следу.— Вот я сажусь под скалой, опираясь на правую руку, и ставлю свой лук между большими пальцами ног. Я жду долго, и потому мои ноги оставляют здесь глубокий отпечаток.

— Я тоже,— сказала Багира, спрятавшись за скалой. — Я жду, поставив колючку острым концом на камень. Она скользит: на камне осталась царапина. Скажи, что у тебя, Маленький Брат.

— Одна-две ветки и большой сучок сломаны здесь,— сказал Маугли шепотом.— А как рассказать вот это? А! Теперь понял. Я, Маленькая Нога, ухожу с шумом и топотом, чтобы Большая Нога слышала меня.

Маугли шаг за шагом отходил от скалы, прячась между деревьями и повышая голос, по мере того как приближался к маленькому водопаду.

— Я — отхожу — далеко — туда, — где — шум — водопада — заглушает — мои — шаги, — и здесь — я — жду. Говори, что у тебя, Багира, Большая Нога!

Пантера металась во все стороны, разглядывая, куда ведет отпечаток большой ноги из-за скалы. Потом подала голос:

— Я ползу из-за скалы на четвереньках и тащу за собой колючую тварь. Не видя никого, я бросаюсь бежать. Я, Большая Нога, бегу быстро. Путь ясно виден. Идем каждый по своему следу. Я бегу!

Багира помчалась по ясно видимому следу, а Маугли побежал по следу охотника. На время в джунглях наступило молчание.

— Где ты, Маленькая Нога? — окликнула Багира.

Голос Маугли отозвался в пятидесяти шагах справа.

— Гм! — произнесла Багира, глухо кашляя.— Оба они бегут бок о бок и сходятся все ближе!

Они пробежали еще с полмили, оставаясь на том же расстоянии, пока Маугли, который не пригибался так низко к земле, не крикнул:

— Они сошлись! Доброй охоты! Смотри-ка! Тут стояла Маленькая Нога, опираясь коленом на камень, а там — Большая Нога.

Меньше чем в десяти шагах от них, растянувшись на гряде камней, лежало тело крестьянина здешних мест. Тонкая, оперенная стрела охотника-гонда пронзила ему насквозь спину и грудь.

— Так ли уж одряхлела и выжила из ума белая кобра? — мягко спросила Багира. — Вот, по крайней мере, одна смерть.

— Идем дальше. А где же та, что пьет слоновью кровь, — где красноглазая колючка?

— Может быть, у Маленькой Ноги. Теперь след опять одиночный.

Одинокий след легконогого человека, быстро бежавшего с ношей на левом плече, шел по длинному пологому откосу, поросшему сухой травой, где каждый шаг был словно выжжен каленым железом.

Оба молчали, пока след не привел их к золе костра, укрытого в овраге.

— Опять! — сказала Багира и остановилась, словно окаменев.

Тело маленького сморщенного охотника лежало пятками в золе, и Багира вопросительно посмотрела на Маугли.

— Это сделано бамбуковой палкой, — сказал Маугли, взглянув на тело. — У меня тоже была такая, когда я служил человечьей стае и пас буйволов. Мать Кобр — мне жаль, что я посмеялся над нею, — знает эту породу, и я мог бы об этом догадаться. Разве я не говорил, что люди убивают от безделья?

— Право же, его убили ради красных и голубых камней, — ответила Багира. — Не забудь, что я была в княжеском зверинце в Удайпуре.

— Один, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, нагибаясь над пеплом костра. — Четыре следа обутых людей. Они ходят не так быстро, как охотники-гонды. Ну что худого сделал им маленький лесной человек? Смотри, они разговаривали все впятером, стоя вокруг костра, прежде чем убили его. Багира, идем обратно. На желудке у меня тяжело, и, однако, он скачет то вверх, то вниз, как гнездо иволги на конце ветки.

— Плохая охота — упускать добычу. Идем за ними! — сказала пантера. — Эти восемь обутых ног недалеко ушли.

Они бежали целый час молча по широкой тропе, протоптанной четырьмя обутыми людьми.

Уже настал ясный, жаркий день, и Багира сказала:

— Я чую дым.

— Люди всегда охотнее едят, чем бегают,—ответил Маугли, то скрываясь, то показываясь среди невысоких кустарников, где они теперь рыскали, обходя незнакомые джунгли. Багира, слева от Маугли, издала какой-то странный звук горлом.

— Вот этот покончил с едой! — сказала она.

Смятый ворох пестрой одежды лежал под кустом, а вокруг него была рассыпана мука.

— Тоже сделано бамбуковой палкой. Гляди! Белый порошок — это то, что едят люди. Они отняли добычу у этого — он нес их пищу — и отдали его в добычу коршуну Чилю.

— Это уже третий, — сказала Багира.

«Я отнесу свежих, крупных лягушек Матери Кобр и накормлю ее до отвала, — сказал себе Маугли. — Этот кровопийца — сама Смерть, и все же я ничего не понимаю!»

— Идем по следу! — сказала Багира.

Они не прошли и полумили, как услышали ворона Кауа, распевавшего Песню Смерти на вершине тамариска, в тени которого лежало трое людей. Полупотухший костер дымился в середине круга, под чугунной сковородой с почерневшей и обгорелой пресной лепешкой. Возле костра, сверкая на солнце, лежал бирюзово-рубиновый анкас.

— Эта тварь работает быстро: все кончается здесь, — сказала Багира. — Отчего они умерли, Маугли? Ни на ком из них нет ни знака, ни ссадины.

Житель джунглей по опыту знает о ядовитых растениях и ягодах не меньше, чем многие врачи. Маугли понюхал дым над костром, отложил кусочек почерневшей лепешки, попробовал ее и сплюнул.

— Яблоко Смерти, — закашлялся он. — Первый из них, должно быть, положил его в пищу для тех, которые убили его, убив сначала охотника.

— Добрая охота, право! Одна добыча следует за другой! — сказала Багира.

«Яблоко Смерти» — так называется в джунглях дурман, самый сильный яд во всей Индии.

— Что же будет дальше? — сказала пантера. — Неужели и мы с тобой умертвим друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— Разве эта тварь умеет говорить? — спросил Маугли шепотом. — Что плохого я ей сделал, когда выбросил? Нам двоим она не повредит, потому что мы не гонимся за ней. Если ее оставить здесь, она, конечно, станет убивать людей, одного

за другим так же быстро, как падают орехи в бурю. Я не хочу, чтобы люди умирали по шестеро в ночь.

— Что за беда? Это же только люди. Они сами убивали друг друга — и были очень довольны, — сказала Багира.

— Но все-таки они еще щенки, а щенок готов утопиться, лишь бы укусить луну в воде. Я виноват, — сказал Маугли, — говоря так, как будто знаю все на свете. Никогда больше не принесу в джунгли то, чего не знаю, хотя бы оно было красиво, как цветок. Это, — он быстрым движением схватил анкас, — отправится обратно к Прародительнице Кобр. Но сначала нам надо выспаться, а мы не можем лечь рядом с этими спящими. Кроме того, нам нужно зарыть эту тварь, чтобы она не убежала и не убила еще шестерых. Вырой яму вон под тем деревом.

— Но, Маленький Брат, — сказала Багира, подходя к дереву, — говорю тебе, что кровопийца не виноват. Все дело в людях.

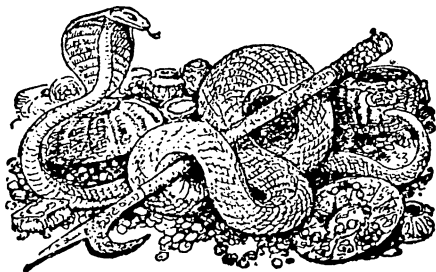
— Это все равно, — сказал Маугли. — Вырой яму поглубже. Когда мы выспимся, я возьму его и отнесу обратно.

На третью ночь, когда белая кобра сидела, горюя, во мраке подземелья, пристыженная, обобранная и одинокая, бирюзовый анказ влетел в пролом стены и зазвенел, ударившись о золотые монеты, устилавшие пол.

— Мать Кобр, — сказал Маугли (из осторожности он оставался по ту сторону стены), — добудь себе молодую, полную яда змею твоего племени, чтобы она помогла тебе стеречь княжеские сокровища и чтобы ни один человек больше не вышел отсюда живым.

— Ах-ха! Значит, он вернулся. Я говорила, что это смерть! Как же вышло, что ты еще жив? — прошелестела старая кобра, любовно обвиваясь вокруг ручки анкаса.

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, я и сам не знаю! Эта тварь убила шестерых за одну ночь. Не выпускай ее больше!

ДИКИЕ СОБАКИ

Приятное время жизни началось для Маугли после того, как он напустил на деревню джунгли. Совесть у него была спокойна, как и следует после уплаты справедливого долга, и все джунгли были с ним в дружбе, потому что все джунгли его боялись. Из того, что он видел, слышал и делал, странствуя от одного народа к другому со своими четырьмя спутниками или без них, вышло бы многое множество рассказов, и каждый рассказ был бы не короче этого. Так что вам не придется услышать о том, как он спасся от бешеного слона из Мандлы, который убил двадцать два буйвола, тащивших в казначейство одиннадцать возов серебра, и расшвырял по пыльной дороге блестящие рупии; как он бился долгой ночью с крокодилом Джакалой в болотах на севере и сломал охотничий нож о его спинные щитки; как он нашел себе новый нож, еще длиннее старого, на шее у человека, убитого диким кабаном; как он погнался за этим кабаном и убил его, потому что нож этого стоил; как во время Великого Голода он попал в бегущее оленьё стадо и едва не был задавлен насмерть

разгоряченными оленями; как он спас Молчальника Хатхи из ловчей ямы с колом на дне; как на другой день он сам попался в хитрую ловушку для леопардов и как Хатхи освободил его, разломав толстые деревянные брусья; как он доил диких буйволиц на болоте, как...

Однако полагается рассказывать о чем-нибудь одном.

Отец и Мать Волки умерли, и Маугли, завалив устье пещеры большим камнем, пропел над ними Песню Смерти. Балу совсем одряхлел и едва двигался, и даже Багира, у которой нервы были стальные, а мускулы железные, уже не так быстро убивала добычу.

Акела из седого стал молочно-белым, похудел от старости так, что видны были ребра, и едва ходил, словно деревянный; для него охотился Маугли. Зато молодые волки, дети рассеянной Сионийской Стаи, преуспевали и множились. Когда их набралось голов сорок, своевольных, гладконогих волков-пятiletок, не знавших вожака, Акела посоветовал им держаться вместе, соблюдать Закон и слушаться одного предводителя, как и подобает Свободному Народу.

В этом деле Маугли не пожелал быть советчиком: он уже набил себе оскомину и знал, на каком дереве растут кислые плоды. Но когда Пхао, сын Пхаоны (его отцом был Серый Следопыт, когда Акела водил Стаю) завоевал место Вожака Стаи, как того требует Закон Джунглей, и снова зазвучали под звездами старые песни и старые зовы. Маугли стал ходить на Скалу Совета в память о прошлом. То было время удачной охоты и крепкого сна. Ни один чужак не смел вторгаться во владения Народа Маугли, как называлась теперь Стая; молодые волки жирели и набирались сил, и на каждый смотр волчицы приводили много волчат. Маугли всегда приходил на смотр: он не забыл еще ту ночь, когда черная пантера ввела в Стаю голого смуглого ребенка и от протяжного клича: «Смотрите, смотрите, о волки!», его сердце билось странно и тревожно. Если б не это, он ушел бы в глубину джунглей, чтобы трогать и пробовать, видеть и слышать новое.

Однажды в сумерки, когда он бежал не спеша через горы и нес Акеле половину убитого им оленя, а четверо волков трусили за ним рысцой и в шутку дрались и кувыркались друг через друга, радуясь жизни, он услышал вой, какого ему не приходилось слышать со времен Шер-Хана. Это было то, что в джунглях зовется «пхиал»,—вой, который издает шакал, когда охотится вместе с тигром или когда начинается большая охота. Представьте себе ненависть, смешанную с торжеством, страхом и отчаянием и пронизанную чем-то вроде на-

смешки, и вы получите понятие о пхиае, который разносился над Вайнгангой, поднимаясь и падая, дрожа и замирая. Четверка волков оцетинилась и заворчала. Маугли схватился за нож и замер на месте, словно окаменев.

— Ни один Полосатый не смеет охотиться здесь, — сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника, — сказал Серый Брат. — Это какая-то большая охота. Слушай!

Снова раздался вой, наполовину рыдание, наполовину смех, как будто у шакала были мягкие человеческие губы. Тут Маугли перевел дыхание и бросился к Скале Совета, обгоняя по дороге спешивших туда волков.

Пхао и Акела лежали вместе на скале, а ниже, напрягшись каждым нервом, сидели остальные волки. Матери с волчатами пустились бегом к пещерам: когда раздается пхиа, слабым не место вне дома.

Сначала не слышно было ничего, кроме журчанья Вайнганги во тьме и ночного ветра в вершинах деревьев, как вдруг за рекой провыл волк. Это был волк не из Стаи, потому что вся Стая собралась на Скале Совета. Вой перешел в протяжный, полный отчаяния лай.

— Собаки! — лаял вожак. — Дикие собаки! Дикие собаки!

Через несколько минут слышались усталые шаги по камням, и поджарый волк, весь в поту, с пятнами крови на боках и белой пеной у рта, ворвался в круг и, поджимая переднюю лапу и тяжело дыша, бросился к ногам Маугли.

— Доброй охоты! Из чьей ты стаи? — степенно спросил Пхао.

— Доброй охоты! Я Вантала, — был ответ.

Это значило, что он волк-одиночка, который сам промышляет для себя, своей подруги и волчат, живя где-нибудь в уединенной пещере. «Вантала» и значит «одиночка» — тот, кто живет вне стаи. При каждом вздохе видно было, как от толчков сердце его бросает то вперед, то назад.

— Кто идет? — спросил Пхао (об этом всегда спрашивают в джунглях после пхиа).

— Дикие собаки из Декана — рыжие собаки, убийцы! Они пришли на север с юга, говорят, что в Декане голод, и убивают всех по пути. Когда народилась луна, у меня было четверо — моя подруга и трое волчат. Мать учила детей охотиться в открытом поле, учила прятаться, загоняя оленя, как делаем мы, волки равнин. В полночь я еще слышал, как мои волчата были полным голосом, идя по следу. А когда поднялся пред-рассветный ветер, я нашел всех четверых в траве, и они уже

окоченели. А все четверо были живы, когда народилась луна, о Свободный Народ! Тогда я стал искать, кому отомстить, и нашел рыжих собак.

— Сколько их? — спросил Маугли, а вся Стая глухо заворчала.

— Не знаю. Трое из них уже не убьют больше никого, но под конец они гнали меня, как оленя, гнали, и я бежал на трех ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул вперед искалеченную лапу, темную от засохшей крови. Весь бок снизу был у него жестоко искусан, а горло разодрано и истерзано.

— Ешь! — сказал Акела, отходя от мяса, которое принес ему Маугли.

Волк-одиночка набросился на еду с жадностью.

— Это не пропадет, — сказал он смиренно, утолив первый голод. — Дайте мне набраться сил, и я тоже смогу убивать. Опустела моя берлога, которая была полна, когда родился месяц, и Долг Крови еще не весь уплачен.

Пхао, услышав, как захрустела бедренная кость оленя на зубах Вантала, одобрительно заворчал.

— Нам понадобятся эти челюсти, — сказал он. — С собаками были их щенята?

— Нет, нет, одни рыжие охотники: только взрослые псы из их стаи, крепкие и сильные.

Это значило, что рыжие собаки из Декана идут войной, а волки знают очень хорошо, что даже тигр уступает этим собакам свою добычу. Они бегут напрямик через джунгли и все, что попадается им навстречу, сбивают с ног и разрывают в клочья. Хотя дикие собаки не так крупны и не так ловки, как волки, они очень сильны, и их бывает очень много. Дикие собаки только тогда называют себя Стаей, когда их набирается до сотни, а между тем сорок волков — это уже настоящая Стая.

В своих странствиях Маугли побывал на границе травянистых нагорий Декана и видел, как эти свирепые псы спали, играли и рылись среди кочек и ям, служивших им вместо логова. Он презирал и ненавидел диких собак за то, что от них пахло не так, как от волков, и за то, что они жили в пещерах, а главное, за то, что у них между пальцами растет шерсть, тогда как у Маугли и у его друзей ноги гладкие. Однако он знал, потому что Хатхи рассказал ему об этом, какая страшная сила охотничья стая диких псов. Хатхи и сам сторонится с их дороги, и пока всех собак не перебьют или дичи не станет мало, они бегут вперед, а по пути убивают.

Акела тоже знал кое-что о диких собаках. Он спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть в Стае, чем без вожака и одному. Это будет славная охота, а для меня—последняя. Но ты—человек, и у тебя еще много ночей и дней впереди, Маленький Брат. Ступай на север, заляг там, и если кто-нибудь из волков останется жив после того, как уйдут собаки, он принесет тебе весть о битве.

— Да, не знаю только, — сказал Маугли без улыбки, — уйти ли мне в болота ловить там мелкую рыбу и спать на дереве, или просить помощи у обезьян и грызть орехи, пока Стая будет биться вниз.

— Это не на жизнь, а на смерть, — сказал Акела. — Ты еще не знаешь этих рыжих убийц. Даже Полосатый...

— Аова! Аова! — крикнул Маугли обиженно.—Одну полосатую обезьяну я убил. Теперь слушай: жили-были Волк, мой отец и Волчица, моя мать, а еще жил-был старый серый волк (не слишком мудрый: он теперь поседел), который был для меня и отцом и матерью. И потому, — он повысил голос, — я говорю: когда собаки придут, если только они придут, Маугли и Свободный Народ будут заодно в этой охоте. Я говорю — клянусь буйволом, выкупившим меня, буйволом, отданным за меня Багирой в те дни, о которых вы в Стае забыли, — я говорю, и пусть слышат мои слова река и деревья и запомнят их, если я позабуду, — я говорю, что вот этот мой нож будет зубом Стаи. По-моему, он еще не притупился. Вот мое Слово, и я его сказал!

— Ты не знаешь собак, человек с волчьим языком! — крикнул Вантала.—Я хочу только заплатить им Долг Крови, прежде чем они растерзают меня. Они движутся медленно, уничтожая все на своем пути, но через два дня у меня прибавится силы, и я начну платить им Долг Крови. А вам, Свободный Народ, советую бежать на север и жить впроголодь до тех пор, пока не уйдут рыжие собаки.

— Слушайте Одиночку! — воскликнул Маугли со смехом. — Свободный Народ, мы должны бежать на север, питаться ящерицами и крысами с отмелей, чтобы как-нибудь не повстречаться с собаками. Они опустошат все наши леса, а мы будем прятаться на севере до тех пор, пока им вздумается отдать нам наше добро! Они собаки, и собачьи дети — рыжие, желтобрюхие, бездомные, у них шерсть растет между пальцев. Да, конечно, мы, Свободный Народ, должны бежать отсюда и выпрашивать у народов севера объедки и всякую падаль! Выбирайте же, выбирайте. Славная будет охота! За

Стаю, за всю Стаю, за волчиц и волчат в логове и на воле, за подругу, которая гонит лань, и за самого волчонка в пещере мы принимаем бой!

Стая ответила коротким, оглушительным лаем, прогремевшим во тьме, словно треск падающего дерева.

— Мы принимаем бой!— пролаяли волки.

— Оставляйтесь тут,— сказал Маугли своей четверке.— Нам понадобится каждый зуб. А Пхао с Акелой пусть готовятся к бою. Я иду считать собак.

— Это смерть!— крикнул Вантала привстав.— Что может сделать такой голыш против рыжих собак? Даже Полосатый, и тот...

— Ты и вправду чужак,— отозвался Маугли.— Но мы еще поговорим, когда псы будут перебиты. Доброй охоты всем вам!

Он умчался во тьму, весь охваченный буйным весельем, почти не глядя, куда ступает, и, как и следовало ожидать, растянулся во весь рост, споткнувшись о Каа, сторожившего оленью тропу близ реки.

— Кш-ша! — сердито сказал Каа. — Разве так водится в джунглях— топать и хлопать, губя охоту всей ночи, да еще когда дичь так быстро бежит?

— Вина моя,— сказал Маугли, поднимаясь на ноги.— Правда, я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз, как я тебя вижу, ты становишься длиннее и толще на длину моей руки. Нет другого такого, как ты, во всех джунглях, о мудрый, сильный и красивый Каа!

— А куда же ведет этот след?— голос Каа смягчился.— Не прошло и месяца с тех пор, как один человек с ножом бросал в меня камнями и шипел на меня, как злющий лесной кот, за то, что я уснул на открытом месте.

— Да, и разогнал оленей на все четыре стороны, а Маугли охотился, а Плоскоголовый совсем оглох и не слышал, как ему свистели, чтоб он освободил оленью тропу,—спокойно ответил Маугли, усаживаясь среди пестрых колец.

— А теперь этот человечек приходит с ласковыми, льстивыми словами к этому же Плоскоголовому и говорит ему, что он и мудрый, и сильный, и красивый, и Плоскоголовый верит ему и свертывается кольцом, чтобы устроить удобное сиденье для того, кто бросал в него камнями... Теперь тебе хорошо? Разве Багира может так удобно свернуться?

Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлек его голову к себе

на плечо, а потом рассказал ему все, что произошло в джунглях этой ночью.

— Я, может быть, и мудр, — сказал Каа, выслушав рассказ, — а что глух, так это верно. Не то я услышал бы пхиял. Не удивительно, что травоеды так встревожились. Сколько же всего собак?

— Я еще не видел. Я пришел прямо к тебе. Ты старше Хатхи. Зато, о Каа, — тут Маугли завертелся от радости, — это будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну.

— И ты тоже сюда вмешался? Не забывай, что ты человек. Не забывай также, какая стая тебя выгнала. Пускай волки гоняют собак. Ты человек.

— Прошлогодние орехи стали в этом году черной землей, — ответил Маугли. — Это правда, что я человек, но нынче ночью я сказал, что я волк. Это у меня в крови. Я призвал реку и деревья, чтобы они запомнили мои слова. Я охотник Свободного Народа, Каа, и останусь им, пока не уйдут собаки...

— Свободный Народ! — проворчал Каа. — Свободные во-ры! А ты связал себя смертным узлом в память о волках, которые умерли! Плохая это охота.

— Это мое Слово, и я уже сказал его. Деревья знают, и знает река. Пока не уйдут собаки, мое Слово не вернется ко мне.

— Сssh! От этого меняются все следы. Я думал взять тебя с собой на северные болота, но Слово — хотя бы даже Слово маленького, голого, безволосого человечка — есть Слово. Теперь и я, Каа, говорю...

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтоб и тебе не связать себя смертным узлом. Мне не нужно от тебя Слова, я и без того знаю...

— Пусть будет так, — сказал Каа. — Я не стану давать Слово. Но что ты думаешь делать, когда придут рыжие собаки?

— Они должны переплыть Вайнгангу. Я хотел встретить их на отмелях, а за мной была бы Стая. Ножом и зубами мы заставили бы их отступить вниз по течению реки и немножко охладили бы им глотки.

— Эти собаки не отступают, и глотки им не остудишь, — сказал Каа. — После этой охоты не будет больше ни человечка, ни волчонка, останутся одни голые кости.

— Алла! Умирать так умирать! Охота будет самая славная! Но я еще молод и видел мало дождей. У меня нет ни мудрости, ни силы. Ты придумал, что-нибудь получше, Каа?

— Я видел сотни и сотни дождей. Прежде чем у Хатхи выпали молочные бивни, я уже оставлял в пыли длинный след.

Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев и видел все, что делалось в джунглях.

— Но такой охоты еще никогда не бывало,—сказал Маугли.— Никогда еще рыжие собаки не становились нам поперек дороги.

— Что есть, то уже было. То, что будет,—это только забытый год, вернувшийся назад. Посиди смирно, пока я пересчитаю мои года.

Целый долгий час Маугли отдыхал среди колец Каа, играя ножом, а Каа, уткнувшись неподвижной головой в землю, вспоминал обо всем, что видел и узнал с того дня, как вылупился из яйца. Глаза его, казалось, угасали и стали похожи на тусклые опалы, и время от времени он резко дергал головой то вправо, то влево, словно ему снилась охота. Маугли спокойно дремал; он знал, что нет ничего лучше, чем выспаться перед охотой, и привык засыпать в любое время дня и ночи.

Вдруг он почувствовал, что тело Каа становится толще и шире под ним, оттого что огромный удав надулся, шипя, словно меч, выходящий из стальных ножен.

— Я видел все мертвые времена,—сказал наконец Каа, — и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были голыми и островерхими, прежде чем поросли мхом. Ты еще жив, человечек?

— Луна только что взошла,—сказал Маугли. — Я не понимаю...

— Кшш! Я снова Каа. Я знаю, что времени прошло немного. Сейчас мы пойдем к реке, и я покажу тебе, что надо делать с собаками.

Прямой, как стрела, он повернул к главному руслу Вайнганги и бросился в воду немного выше плеса, открывавшего Скалу Мира, а вместе с ним бросился в воду и Маугли.

— Нет, не плыви сам — я двигаюсь быстрее. На спину ко мне, Маленький Брат!

Левой рукой Маугли обнял Каа за шею, правую руку прижал плотно к телу и вытянул ноги в длину. И Каа поплыл против течения, как умел плавать только он один, и струи бурлящей воды запенились вокруг шеи Маугли, а его ноги закачались на волне, разведенной скользящими боками удава. Немного выше Скалы Мира Вайнганга сужается в теснине меж мраморных утесов от восьмидесяти до ста футов высотой, и вода там бешено мчится между скалами по большим и малым камням. Но Маугли не думал об этом; не было такой воды на свете, которой он испугался бы хоть на минуту. Он смотрел на утесы по берегам реки и тревожно нюхал воздух, в котором

стоял сладковато-кислый запах, очень похожий на запах мурaveйника в жаркий день. Он невольно спустился пониже в воду, высовывая голову только для того, чтобы вздохнуть. Каа стал на якорь, дважды обернувшись хвостом вокруг подводной скалы и поддерживая Маугли, а вода неслась мимо них.

— Это Место Смерти, — сказал мальчик. — Зачем мы здесь?

— Они спят, — сказал Каа. — Хатхи не уступает дороги Полосатому, однако и Хатхи и Полосатый уступают дорогу рыжим собакам. Собаки же говорят, что никому не уступят дороги. А кому уступает дорогу Маленький Народ Скал? Скажи мне, Хозяин Джунглей, кто же у нас самый главный?

— Вот эти, — прошептал Маугли. — Здесь Место Смерти. Уйдем отсюда.

— Нет, смотри хорошенько, потому что они спят. Тут все так же, как было, когда я был не длиннее твоей руки.

Потрескавшиеся от времени и непогоды утесы в ущелье Вайнганги с самого начала джунглей были жилищем Маленького Народа Скал — хлопотливых, злых черных диких пчел Индии, и, как хорошо знал Маугли, все тропинки сворачивали в сторону за полмили от их владений. Много веков Маленький Народ ютился и роился тут, переселялся из расщелины в расщелину и снова роился, пятная белый мрамор старым медом и лепя свои черные соты все выше и глубже во тьме пещер. Ни человек, ни зверь, ни вода, ни огонь ни разу не посмели их тронуть. По обоим берегам реки ущелье во всю свою длину было словно занавешено мерцающим черным бархатом, и Маугли дрогнул, подняв глаза, потому что над ним висели сцепившиеся миллионы спящих пчел. Там были еще глыбы и гирлянды и что-то похожее на гнилые пни, лепившиеся к утесам. Это были старые соты прежних лет, или новые города, построенные в тени укрытого от ветра ущелья. Целые горы губчатых гнилых отбросов скатились вниз и застряли между деревьями и лианами, которыми поросли утесы. Прислушавшись, Маугли не раз ловил ухом шорох и звук падения полных медом сот, срывавшихся вниз где-нибудь в темной галерее, потом — сердитое гуденье крыльев и мрачное «кап-кап-кап» вытекающего меда, который переливался через край и густыми каплями медленно падал на ветви.

На одном берегу реки была маленькая песчаная отмель, не шире пяти футов, и на ней громоздились горы мусора, накопившиеся за сотни лет. Там лежали мертвые пчелы, трутни, отбросы, старые соты, крылья бабочек и жуков, забравшихся воровать мед. Все это слежалось в ровные груды тончайшей чер-

ной пыли. Одного острого запаха было довольно, чтобы отпугнуть всякого, кто не мог летать и знал, что такое Маленький Народ.

Каа плыл вверх по реке, пока не добрался до песчаной отмели у входа в ущелье.

— Вот добыча этого года, — сказал он.—Смотри!

На песке лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не тронули костей, которые обнажились сами собой, от времени.

— Они перешли границу, они не знали,—прошептал Маугли,—и Маленький Народ убил их. Уйдем отсюда, пока пчелы не проснулись!

— Они не проснутся до рассвета,—сказал Каа. — Теперь я тебе расскажу. Много-много дождей назад загнанный олень убежал сюда с юга, не зная джунглей, а за ним по пятам гналась Стая. Ничего не видя от страха, он прыгнул с высоты. Солнце стояло высоко, и пчел было очень много и очень злых. И в Стае тоже много было таких, которые прыгнули в Вайнгангу, но все они умерли, еще не долетев до воды. Те, которые не прыгнули, тоже умерли в скалах наверху. Но олень остался жив.

— Почему?

— Потому, что он бежал впереди, прыгнул прежде, чем Маленький Народ почуял его, и был уже в реке, когда они собрались жалить. А стаю, гнавшуюся за ним, сплошь облепили пчелы, которых вспугнул топот оленя.

— Этот олень остался жив?—в раздумье повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер тогда, хотя никто не ждал его внизу, готовясь поддержать на воде, как будет ждать человечка один старый, толстый, глухой, желтый, плоскоголовый удав — да-да, хотя бы за ним гнались собаки всего Декана! Что ты на это скажешь?

Голова Каа лежала на мокром плече мальчика, а его язык дрожал возле уха Маугли. Молчание длилось долго, потом Маугли прошептал:

— Это значит дергать Смерть за усы, но... Каа, ты и вправду самый мудрый во всех джунглях.

— Так говорили многие. Смотри же, если собаки погонятся за тобой...

— А они, конечно, погонятся. Хо-хо! У меня под языком набралось много колючек, найдется что воткнуть им в шкуру!

— Если собаки погонятся за тобой, ничего не разбирая, глядя только на твои плечи, они бросятся в воду либо здесь, либо ниже, потому что Маленький Народ проснется и погонится за ними. А Вайнганга жадная река, и у них не будет Каа, чтобы

удержать их на воде, поэтому тех, кто останется жив, понесет вниз, к отмелям у Сионийских Пещер, и там твоя Стая может схватить их за горло.

— О-о! Лучше и быть не может, разве если только дожди выпадут в сухое время. Теперь остаются только сущие пустяки: пробег и прыжок. Я сделаю так, что собаки меня узнают и побегут за мной по пятам.

— А ты осматрел утесы наверху, со стороны берега?

— Верно, не осматрел. Про это я забыл

— Ступай посмотри. Там плохая земля, вся неровная, в ямах. Ступишь хоть раз своей неуклюжей ногой не глядя — и конец охоте. Видишь, я оставлю тебя здесь и только ради тебя передам весточку твоей Стае, чтобы знали, где искать собак. Мне твои волки не родня.

Если Каа не нравился кто-нибудь, он бывал неприветлив, как никто в джунглях, исключая, быть может, Багиры. Он поплыл вниз по реке и против Скалы Совета увидел Пхао и Акелу, слушавших ночные звуки.

— Кшш, волки! — весело окликнул он их. — Рыжие собаки поплывут вниз по реке. Если не боитесь, можете убивать их на отмелях.

— Когда они поплывут? — спросил Пхао.

— А где мой детеныш? — спросил Акела.

— Приплывут, когда вздумают, — сказал Каа. — Подождите и увидите. А твой детеныш, с которого ты взял Слово и тем обрек его на Смерть, твой детеныш со мной, и если он еще жив, так ты в этом не виноват, седая собака! Дожидайся своих врагов здесь и радуйся, что мы с детенышем на твоей стороне!

Каа снова понесся стрелой по реке и остановился на середине ущелья, глядя вверх на линию утесов. Скоро он увидел, как на звездном небе показалась голова Маугли; потом в воздухе что-то прошумело, и с резким звуком ударило по воде тело, падая ногами вперед. Мгновением позже Маугли уже отдыхал в петле, подставленной Каа.

— Какой это прыжок ночью! — невозмутимо сказал Маугли. — Я прыгал вдвое дальше ради забавы. Только наверху плохое место: низкие кусты и овраги, уходящие глубоко вниз, и все это битком набито Маленьким Народом. Я нагромоздил большие камни один на другой по краям трех оврагов. Я столкну ногой вниз, когда побегу, и Маленький Народ, осердясь, поднимется позади меня.

— Это человеческая хитрость, — сказал Каа. — Ты мудр, но Маленький Народ всегда сердится.

— Нет, в сумерки все крылатое засыпает ненадолго и здесь

и повсюду. Я начну игру с собаками в сумерки, потому что днем они лучше бегают. Сейчас они гонятся по кровавому следу за Ванталой.

— Коршун Чиль не оставит издохшего буйвола, а дикая собака — кровавого следа,—сказал Каа.

— Так я поведу их по новому следу—по их же крови, если удастся, и заставлю их наестся грязи. Ты останешься здесь, Каа, пока я не вернусь с моими псами.

— Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или Маленький Народ убьет тебя прежде, чем ты спрыгнешь в реку?

— Когда я умру,—ответил Маугли,—тогда и настанет пора петь Песню Смерти. Доброй охоты, Каа!

Он отпустил шею удава и поплыл вниз по ущелью, как плывет бревно в половодье, гребя к дальней отмели и хохоча от радости. Больше всего на свете Маугли любил «дергать Смерть за усы», как говорил он сам, и давать джунглям почувствовать, что он здесь хозяин. С помощью Балу он часто обирал пчелиные дупла и знал, что Маленький Народ не любит запаха дикого чеснока. И потому он нарвал небольшой пучок чеснока, связал его ленточкой коры и побежал по кровавому следу Ванталы, идущему к югу от берлог. Время от времени он поглядывал на деревья, склонив голову набок, и посмеивался при этом.

«Лягушонком Маугли я был,—сказал он про себя.—Волчонком Маугли я назвал себя сам. Теперь я должен стать Обезьяной Маугли, прежде чем стану Маугли Оленем. А в конце концов я стану Человеком Маугли. Хо!» И он провел большим пальцем по длинному лезвию своего ножа.

След Ванталы, очень заметный по темным пятнам крови, шел по лесу среди толстых деревьев, которые росли здесь близко одно от другого, но к северо-востоку редели все больше и больше. За две мили от Пчелиных Утесов лес кончался. От последнего дерева до низких кустов у Пчелиного Ущелья шло открытое место, где трудно было бы укрыться даже волку. Маугли бежал под деревьями, меряя глазом расстояние от ветки до ветки, иногда забираясь вверх по стволу и для пробы перепрыгивая с одного дерева на другое, пока не добежал до открытого места, на осмотр которого у него ушел целый час. Потом он вернулся на след Ванталы, в том же месте, где бросил его, залез на дерево с выступающей далеко вперед веткой фу-тах в восьми над землей, повесил пучок чеснока на развилину и уселся смиренно, точа нож о босую подошву.

Незадолго до полудня, когда солнце стало сильно припекать, Маугли услышал топот ног и почуял противный запах собачьей стаи, упорно и безжалостно преследовавшей Ванталу. Если

смотреть сверху, дикая собака из Декана кажется вдвое меньше волка, но Маугли знал, какие сильные у нее лапы и челюсти. Разглядывая острую рыжую морду вожака, обнюхивавшего след, он крикнул ему:

— Доброй охоты!

Вожак поднял голову, а его спутники столпились позади, десятки и сотни рыжих тварей с поджатыми хвостами, широкой грудью и тощим задом. Дикие псы обыкновенно очень молчаливы и неприветливы даже в своем родном Декане.

Под деревом собралось не меньше двух сотен собак, но Маугли видел, что вожаки жадно обнюхивают след и стараются увлечь всю стаю вперед. Это не годилось, потому что они прибежали бы к берлогам среди дня, а Маугли был намерен продержат их под своим деревом до сумерек.

— С чьего позволения вы явились сюда? — спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли, — был ответ, и тот, кто это сказал, оскалил белые зубы.

Маугли с улыбкой посмотрел вниз, в совершенстве подражая резкой трескотне Чикаи, крысы-прыгуна из степей Декана, давая собакам понять, что считает их не лучше крыс. Стая сгрудилась вокруг дерева, и вожак свирепо залаял, обозвав Маугли обезьяной. Вместо ответа Маугли вытянул вниз голую ногу и пошевелил гладкими пальцами как раз над головой вожака. Этого было довольно, и даже больше чем довольно, чтобы разбудить тупую ярость собак. Те, у кого растут волосы между пальцами, не любят, чтобы им об этом напоминали. Маугли отдернул ногу, когда вожак подпрыгнул кверху, и сказал ласково:

— Пес, рыжий пес! Убирайся обратно к себе в Декан есть ящериц. Ступай к своему брату Чикаи, пес, пес, рыжий пес! У тебя шерсть между пальцами! — И он еще раз пошевелил ногой.

— Сойди вниз, пока мы не заморили тебя голодом, безволая обезьяна! — завывала стая, а этого как раз и добивался Маугли.

Он лег, вытянувшись вдоль сука и прижавшись щекой к коре, высвободил правую руку и минут пять выкладывал собакам все, что он про них знает и думает: про них самих, про их нравы и обычаи, про их подруг и щенят.

Нет на свете языка более ядовитого и колкого, чем тот, каким говорит Народ Джунглей, желая оскорбить и выказать презрение. Подумав немного, вы и сами поймете, отчего это так. Маугли и сам говорил Каа, что у него набралось много ко-

лючек под языком, и мало-помалу медленно, но верно он довел молчаливых псов до того, что они заворчали, потом залаяли, потом завyli хриплым, захлебывающимся воем. Они пробовали отвечать на его насмешки, но это было все равно, как если бы волчонок отвечал разъяренному Каа. Все это время Маугли держал правую руку согнутой в локте, готовясь к действию, а его ноги крепко сжимали сук. Крупный темно-рыжий вожак много раз подскакивал в воздух, но Маугли медлил, боясь промахнуться. Наконец, от ярости превзойдя самого себя, вожак подскочил футов на семь, на восемь вверх от земли. Тогда рука Маугли взметнулась, как голова древесной змеи, схватила рыжего пса за шиворот, и сук затрясся и погнулся под его тяжестью так, что Маугли чуть не свалился на землю. Но он не разжал руки и мало-помалу втащил рыжего пса, повисшего, как дохлый шакал, к себе на сук. Левой рукой Маугли достал нож и, отрубив рыжий косматый хвост, швырнул вожака обратно на землю.

Только этого и хотел Маугли. Теперь собаки не побегут по следу Ванталы, пока не прикончат Маугли или пока Маугли не прикончит их. Он видел, как собаки уселись в кружок, подрагивая ляжками, что означало намерение мстить до смерти, и поэтому забрался на развилину повыше, прислонился поудобнее спиной к дереву и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал собак. Все они были тут, молчаливые, свирепые, беспощадные, с лютыми глазами. Солнце уже садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был покончить с дневными трудами, а, как вам известно, дикие собаки плохо дерутся в сумерках.

— Мне не нужны такие верные сторожа, — сказал Маугли, становясь на суку, — но я этого не забуду. Вы настоящие псы, только, на мой взгляд, слишком уж похожи друг на друга. Вот потому я и не отдам пожирателю ящериц его хвоста. Разве ты не доволен, рыжий пес?

— Я сам вырву тебе кишки! — прохрипел вожак, кусая дерево у корней.

— Нет, ты подумай, мудрая крыса Декана: теперь народится много куцых рыжих щенят с красным обрубок вместо хвоста. Ступай домой, рыжий пес, и кричи везде, что это сделала обезьяна. Не хочешь? Тогда пойдем со мной, и я научу тебя уму-разуму!

Он перепрыгнул по-обезьяньи на соседнее дерево, и потом опять на соседнее, и опять, и опять, а стая следовала за ним, подняв алчные морды. Время от времени он притворялся, будто падает, и псы натыкались один на другого, спеша прикон-

чить его. Это было страшное зрелище — мальчик с ножом, сверкающим в лучах заката, которые проникали сквозь верхние ветви, а внизу — молчаливая стая рыжих псов, словно охваченная огнем. Перебравшись на последнее дерево, Маугли взял чеснок и хорошенько натерся им с головы до пят, а собаки презрительно завопили:

— Обезьяна с волчьим языком, уж не думаешь ли ты замести свой след? Все равно мы будем гнать тебя до смерти!

— Возьми свой хвост,— сказал Маугли, бросая обрубок в направлении, обратном тому, по которому собирался бежать. Стая отшатнулась, почуввав запах крови.

— А теперь следуйте за мной — до смерти!

Он соскользнул с дерева и вихрем помчался к Пчелиным Утесам, прежде чем Собаки поняли, что он собирается делать.

Они глухо завyli и пустились бежать неуклюжей, размашистой рысью, которая может в конце концов dokonать кого угодно. Маугли знал, что стая псов бежит гораздо медленнее волчьей стаи, иначе он никогда не отважился бы на двухмильный пробег на глазах у собак. Они были уверены, что мальчик наконец достанется им, а он был уверен, что может играть ими, как хочет. Вся задача состояла в том, чтобы держать стаю достаточно близко позади себя и не дать ей свернуть в сторону раньше времени. Он бежал ловко, ровно и упруго, а за ним, меньше чем в пяти шагах, — куций вожак. Вся же стая растянулась больше чем на четверть мили, потеряв рассудок и ослепнув от жажды крови. Маугли проверял расстояние на слух, сберегая силы напоследок, чтобы промчаться по Пчелиным Утесам.

Маленький Народ уснул с началом сумерек, потому что ночные цветы уже не цвели, но как только первые шаги Маугли раздались по гулкому грунту, он услышал такой шум, словно под ним загудела вся земля. Тогда он побежал, как никогда в жизни не бегал, по дороге, столкнул ногой одну, две, три кучки камней в темные, сладко пахнущие ущелья, услышал гул, похожий на гул моря под сводом пещеры, увидел уголком глаза, что воздух позади него почернел, увидел течение Вайнганги далеко внизу и плоскую треугольную голову в воде, прыгнул вперед изо всех сил, вместе с куцим вожаком, на лету вцепившимся ему в плечо, и упал ногами вперед в спасительную воду, задыхаясь и торжествуя. Ни одного пчелиного укуса не было на его теле, потому что чеснок отпугнул Маленький Народ на те несколько секунд, когда Маугли проносился по утёсам.

Когда Маугли вынырнул, его поддерживал Каа, а с уступа скалы падали в реку, как гири, большие глыбы сцепившихся

пчел; и лишь только глыба касалась воды, пчелы взлетали вверх, а труп собаки, кружась, уплывал вниз по течению. Над утесами то и дело слышался короткий яростный лай, тонувший в гуле, подобном грому, в гуденье крыльев Маленького Народа Скал. Другие собаки свалились в овраги, сообщавшиеся с подземными пещерами, и там задохались, бились, щелкали зубами среди рухнувших сот, и наконец, полумертвые, облепленные роями поднявшихся пчел, выбегали из какого-нибудь хода к реке, чтобы скатиться вниз, на черные груды мусора. Некоторые упали на деревья, растущие на утесах, и пчелы облепили их сплошь; но большинство, обезумев от пчелиных укусов, бросались в воду. А Вайнганга, как сказал Каа, была жадная река.

Каа крепко держал Маугли, пока мальчик не отдышался. — Нам нельзя оставаться здесь, — сказал Каа. — Маленький Народ развоевался не на шутку. Поплывем!

Держась глубоко в воде и ныряя как можно чаще, Маугли поплыл вниз по течению с ножом в руке.

Почти половина стаи увидела западню, в которую попали их собратья, и, круто свернув в сторону, бросилась в воду там, где теснина, становясь шире, переходила в крутые берега. Их яростный лай и угрозы «лесной обезьяне», которая довела их до такого позора, смешивались с воём и рычаньем собак, казнимых Маленьким Народом. Остаться на берегу грозило смертью, и все собаки понимали это. Стаю уносило по течению все дальше и дальше, к Заводи Мира, но даже и туда сердитый Маленький Народ летел за собаками и загонял их в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим не отступать и уничтожить всех сионийских волков.

— Кто-то убивает в темноте позади нас! — пролаял один из псов. — Вода здесь помутнела!

Маугли нырнул, бросившись вперед, как выдра, утянул барахтавшегося пса под воду прежде, чем тот успел разинуть пасть, и темные, маслянистые пятна поплыли по Заводи Мира, когда тело собаки выплыло из воды, перевернувшись набок. Псы хотели было повернуть назад, но течение сносило их вниз, Маленький Народ жалил в головы и уши, а клич Сионийской Стаи звучал все громче и громче в надвигающейся тьме. Маугли снова нырнул, и снова один из псов ушел под воду и выплыл мертвым, и снова шум поднялся в тылу стаи — одни вопили, что лучше выйти на берег, другие требовали, чтобы вождь вел их обратно в Декан, остальные кричали, чтобы Маугли показался им и дал себя убить.

— Когда они выходят драться, то становятся вдвое злее и голосистее, — сказал Каа. — Остальное сделают твои братья

там, внизу. Маленький Народ полетел на ночлег, и я тоже ухажу. Я не помогаю волкам.

По берегу пробежал волк на трех ногах, то приплясывая, то припадая боком к земле, то выгибая спину и подпрыгивая фута на два вверх, словно играл со своими волчатами. Это был чужак Вантала. Он ни разу не промолвил ни слова, но продолжал свою страшную пляску на глазах у псов.

Собаки долго пробыли в воде и плыли с трудом: их шкуры намокли и отяжелели, косматые хвосты разбухли, как губки, а сами они так устали и ослабели, что молча смотрели на два горящих глаза, которые провожали их, не отставая ни на шаг.

— Плохая это охота, — сказал наконец один из псов.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, смело выскакивая из воды и всаживая длинный нож ему под лопатку, но так, чтобы издающийся пес не огрызнулся.

— Это ты, человек-волк? — спросил Вантала.

— Спроси у мертвых, Чужак, — отвечал Маугли. — Разве они не плывут вниз по реке? Я досыта накормил этих псов грязью, я обманул их среди бела дня, а их вожак остался без хвоста, но все же и на твою долю еще хватит. Куда их гнать?

— Я подожду, — сказал Вантала. — Вся долгая ночь передо мной, там посмотрим.

Все ближе раздавался лай сионийских волков:

— За Стаю, за всю Стаю мы принимаем бой!

И наконец излучина Вайнганги вынесла рыжих собак на пески и отмели против Сионийских Пешер.

Тут они поняли свою ошибку. Им надо было выбраться из воды раньше и напасть на волков на берегу. Теперь было слишком поздно. По всей отмели светились горящие глаза и, кроме страшного пхяала, не утихавшего с самого заката, в джунглях не слышно было ни звука. Со стороны казалось, будто Вантала упрашивает собак выйти на берег. И вожак псов крикнул им:

— Повернитесь и нападайте!

Вся стая бросилась к берегу, расплескивая и разбрызгивая мелкую воду, так что поверхность Вайнганги вскипела пеной и крупные волны пошли по реке, словно разведенные пароходом. Маугли врезался в свалку, колот и кромсал собак, которые, сбившись в кучу, волной хлынули на прибрежный песок. И началась долгая битва.

Волки бились на мокром красном песке, между спутанными корнями деревьев, в кустах, в гуще травы, ибо даже и теперь псов было двое на одного волка. Но противники-волки бились не на живот, а на смерть, и бились не одни только широкогрудые, клыкастые, охотники, но и волчицы с дикими глазами би-

лись за своих волчат, а кое-где рядом с ними и годовалый волчонок еще не перелинявший и весь лохматый, тоже хватал зубами и теребил врага. Надо вам сказать, что волк обычно хватает за горло или вцепляется в бок, а псы больше кусают за ноги, поэтому, пока собаки барахтались в воде и должны были высоко держать голову, перевес был на стороне волков, на суше волкам приходилось туго, но и в воде и на суше нож Маугли разил одинаково.

Четверка пробилась к Маугли на помощь. Серый Брат, припав к коленям мальчика, защищал его живот, остальные трое охраняли его спину и бока или стояли над ним, когда обоглаженный, воющий пес, бросаясь прямо на нож, скачком сбивал Маугли с ног. А дальше все смешалось, сбилось в кучу, метавшуюся справа налево и слева направо по берегу. Один раз Маугли видел Акелу: на него с двух сторон напали псы, а сам он вцепился беззубыми челюстями в ляжку третьего.

Ночь проходила, и быстрый, головокружительный бег на месте все ускорялся. Собаки притомились и уже боялись нападать на волков посильнее, хотя еще не смели спастись бегством; но Маугли чувствовал, что близится конец, и довольствовался тем, что выводил собак из строя. Годовалые волки теперь нападали смелей, можно было вздохнуть свободнее, и уже один блеск ножа иногда обращал собаку в бегство.

— Мясо обглодано почти до кости! — прохрипел Серый Брат.

— Но кость еще надо разгрызть, — отвечал ему Маугли. — Вот как делается у нас в джунглях! — Красное лезвие ножа скользнуло, как пламя, по боку пса, задние ляжки которого исчезли под навалившимся на него волком.

— Моя добыча! — огрызнулся волк. — Оставь ее мне!

— Неужели тебе все еще мало, Чужак? — сказал Маугли.

Вантала был страшно истерзан, но держал собаку словно в тисках, и она не могла пошевеливаться.

— Клянусь буйволом, выкупившим меня, — злорадно смеясь, крикнул Маугли, — это Куцый!

И в самом деле, это был большой темно-рыжий вожак.

Один из псов подскочил на помощь вожаку, но, прежде чем его зубы вонзились в бок Ванталы, нож Маугли уже торчал в его груди, а Серый Брат закончил остальное.

— Вот как делается в джунглях! — сказал Маугли.

Вантала не ответил ни слова, только его челюсти сжимались все крепче и крепче, по мере того как жизнь уходила от него. Собака вздрогнула, уронила голову и замерла, и Вантала замер над ней.

— Тише! Долг Крови уплачен! — сказал Маугли. — Спой свою песню, Вантала!

— Он больше не будет охотиться, — сказал Серый Брат. — И Акела тоже молчит, уже давно.

— Мы разгрызли кость! — прогремел Пхао, сын Пхаоны. — Они бегут! Убивайте, убивайте их, Охотники Свободного Народа!

Псы один за другим разбегались, крадучись, с потемневших от крови отмелей к реке, в густые джунгли, вверх по течению или вниз по течению — туда, где дорога была свободна.

— Долг! Долг! — крикнул Маугли. — Платите Долг! Они убили Акелу! Пусть ни один из них не уйдет живым!

Он помчался к берегу с ножом в руке, чтобы не дать уйти ни одному псу, который отважился бы броситься в реку. Но тут из-под горы мертвых тел показались голова и передние лапы Акелы, и Маугли опустил перед ним на колени.

— Разве я не говорил, что это будет моя последняя битва? — прошептал Акела. — Славная была охота! А как ты, Маленький Брат?

— Я жив, Акела...

— Да будет так. Я умираю, и я хотел бы... хотел бы умереть ближе к тебе, Маленький Брат.

Маугли положил страшную, всю в ранах голову Акелы на колени и обхватил руками его истерзанную шею.

— Давно прошли времена, когда жив был Шер-Хан, а человеческий детеныш катался голый в пыли, — кашляя, сказал Акела.

— Нет, нет, я волк! Я одной крови со Свободным Народом! Не по своей воле я стал человеком!

— Ты человек, Маленький Брат, волчонок, возвращенный мною. Ты человек, иначе Стая бежала бы от диких собак. Тебе я обязан жизнью, а сегодня ты спас всю Стаю, как я когда-то спас тебя. Разве ты не помнишь? Теперь уплачены все долги. Уходи к твоему народу. Говорю тебе еще раз, зеница моего ока, охота кончена.

— Я не уйду. Я стану охотиться один в джунглях.

— За летом приходят дожди, а за дождями — весна. Уходи, пока тебя не заставят уйти. Уходи к твоему народу. Уходи к человеку. Больше мне нечего тебе сказать. Теперь я буду говорить со своими. Маленький Брат, можешь ты поднять меня на ноги? Ведь я тоже Вожак Свободного Народа.

Очень осторожно и ласково Маугли поднял Акелу на ноги, обхватив его обеими руками, но волк-одиночка испустил глубокий вздох и начал Песню Смерти, которую надлежит петь

каждому вожаку, умирая. Песня становилась все громче и громче, звучала все сильнее и сильнее, прогремела далеко за рекой, а когда умолкло последнее «Доброй охоты!», Акела высвободился на мгновение из рук Маугли, подпрыгнул в воздух и упал мертвым на свою последнюю, страшную добычу.

Маугли сидел, опустив голову на колени, забыв обо всем, а тем временем последнего из раненых псов настигли и прикончили беспощадные волчицы. Мало-помалу крики затихли, и волки, хромя, вернулись считать мертвых. Пятнадцать волков из Стаи, а с ними шесть волчиц лежали мертвыми у реки, и из всех остальных ни один не остался невредимым. Маугли просидел всю ночь, до холодного рассвета. Влажная от крови морда Пхао легла ему на руку, и Маугли отодвинулся, чтобы тот мог видеть распростертое тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Пхао, словно Акела был еще жив, а потом, обернувшись, кинул через искусанное плечо остальным: — Войте, собаки! Сегодня умер Волк!

Зато из всей стаи рыжих собак, из двухсот охотников Декана, которые хвастались тем, что ничто живое в джунглях не смеет их противиться, ни один не вернулся в Декан с этой вестью.

ВЕСЕННИЙ БЕГ

Через год после большой битвы с дикими собаками и смерти Акелы Маугли было лет семнадцать. На вид он казался старше, потому что от усиленного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку. Он мог остановить на бегу молодого оленя и повалить его набок, ухватив за рога. Мог даже сбить с ног большого дикого кабана из тех, что живут в болотах на севере. Народ Джунглей, раньше боявшийся Маугли из-за его ума, теперь стал бояться его силы, и когда Маугли спокойно шел по своим делам, шепот о его приходе расчищал перед ним лесные тропинки. И все же его взгляд оставался всегда мягким. Даже когда он дрался, его глаза не вспыхивали огнем, как у черной пантеры Багиры. Его взгляд становился только более сосредоточенным и оживленным, и это было непонятно даже самой Багире.

Однажды она спросила об этом Маугли, и тот ответил ей, засмеявшись:

— Когда я промахнусь на охоте, то бываю зол. Когда поголодаю дня два, то бываю очень зол. Разве по моим глазам этого не видно?

— Рот у тебя голодный, — сказала ему Багира, — а по глазам этого не видно. Охотишься ты, ешь или плаваешь — они всегда одни и те же, как камень в дождь и в ясную погоду.

Маугли лениво взглянул на пантеру из-под длинных ресниц, и она, как всегда, опустила голову. Багира знала, кто ее хозяин.

Они лежали на склоне горы высоко над рекой Вайнгангой, и утренние туманы расстилались под ними зелеными и белыми полосами. Когда взошло солнце, эти полосы тумана превратились в волнующееся красно-золотое море, потом поднялись кверху, и низкие косые лучи легли на сухую траву, где отдыхали Маугли с Багирой. Холодное время подходило к концу, листва на деревьях завяла и потускнела, и от ветра в ней поднимался сухой, однообразный шорох. Один маленький листок бешено бился о ветку, захваченный ветром. Это разбудило Багиру. Она вдохнула утренний воздух с протяжным, глухим кашлем, опрокинулась на спину и передними лапами ударила бьющийся листок.

— Год пришел к повороту, — сказала она. — Джунгли двинулись вперед. Близится Время Новых Речей. И листок это знает. Это очень хорошо!

— Трава еще суха, — отвечал Маугли, выдергивая с корнем пучок травы. — Даже Весенний Глазок (маленький красный цветок, похожий на восковой колокольчик), — даже Весенний Глазок еще не раскрылся... Багира, пристало ли черной пантере валяться на спине и бить лапами по воздуху, словно лесной кошке?

— Аоу! — сказала Багира.

— Послушай, ну пристало ли черной пантере так кривляться, кашлять, выть и кататься по траве? Не забывай, что мы с тобой хозяева джунглей.

— Да, это правда, я слышу, детеныш. — Багира торопливо перевернулась и стряхнула пыль со своих взъерошенных черных боков (она как раз линяла после зимы). — Разумеется, мы с тобой хозяева джунглей! Кто так силен, как Маугли? Кто так мудр?

Ее голос был странно протяжен, и Маугли обернулся посмотреть, не смеется ли над ним черная пантера, ибо в джунглях много слов, звук которых расходуется со смыслом.

— Я сказала, что мы с тобой, конечно, хозяева джунглей, — повторила Багира. — Разве я ошиблась? Я не знала, что детеныш больше не ходит по земле. Значит, он летает?

Маугли сидел, опершись локтями на колени, и смотрел на долину, освещенную солнцем. Где-то в лесу под горой птица пробовала хриплым, неверным голосом первые ноты своей весенней песни. Это была только тень полнозвучной, переливчатой песни, которая разольется по джунглям после. Но Багира слышала ее.

— Это Ферао, красный дятел, — сказала Багира. — Мне тоже надо припомнить мою песню. — И она начала мурлыкать и напевать про себя, время от времени умолкая и прислушиваясь.

В джунглях Индии времена года переходят одно в другое почти незаметно. Их как будто всего два: сухое и дождливое, но если приглядеться к потокам дождя и облакам сора и пыли, то окажется, что все четыре времени года сменяют друг друга в установленном порядке. Всего удивительнее в джунглях весна, потому что ей не приходится покрывать голое, чистое поле новой травой и цветами. Она пробивается сквозь перезимовавшую, еще зеленую листву, которую пощадил мягкая зима, и, утомленная, полуодетая, земля снова чувствует себя юной и свежей. И весна это делает так хорошо, что нет на свете другой такой весны, как в джунглях.

Наступает день, когда всё в джунглях блекнет и самые запахи, которыми налитан тяжелый воздух, словно стареют и выдыхаются. Этого не объяснишь, но это чувствуется. Потом наступает другой день, когда все запахи новы и пленительны и зимняя шерсть сходит у зверей длинными свалывшимися клоچьями. После этого выпадает иной раз небольшой дождик, и все деревья, кусты, бамбук, мох и сочные листья растений, проснувшись, пускаются в рост с шумом, который можно слышать. А за этим шумом и ночью и днем струится негромкий гул. Это шум весны, трепетное гуденье — не жужжанье пчел, и не журчанье воды, и не ветер в вершинах деревьев, но голос пригретого солнцем, счастливого мира.

Прежде Маугли всегда радовался смене времен года. Это он всегда замечал первый Весенний Глазок глубоко в гуще травы и первую грядку весенних облаков, которую в джунглях ни с чем не спутаешь. Его голос можно было слышать по ночам, при свете звезд, в сырых низинах, густо усеянных цветами; там он подпевал хору больших лягушек или передразнивал маленьких сов-перевертней, что ухают всю весеннюю ночь напролет. Как и весь его народ, из четырех времен года он вы-

бирал весну для своих скитаний — просто ради удовольствия бегать, рассекая теплый воздух, от сумерек до утренней звезды и возвращаться, хохоча и задыхаясь, в венке из свежих цветов. Четверка волчат не кружила вместе с ним по джунглям — она уходила петь песни с другими волками.

У обитателей джунглей бывает много хлопот весной, и Маугли слышал, как они мычат, вопят или свищут, смотря по тому, что полагается их породе. Их голоса звучат тогда не так, как в другие времена года, и это одна из причин, почему весна зовется Временем Новых Речей.

Наступило первое утро весны, и павлин Мор, сверкая бронзой, синевой и золотом, возвестил новые запахи. Другие птицы подхватили его клич, и с утесов над Вайнгангой Маугли слышал хриплый визг Багиры, похожий и на клекот орла и на конское ржанье. Вверху, среди налитых соком ветвей, кричали и возились обезьяны. Маугли озирался вокруг, но видел только, как насмешливые обезьяны дразнятся и прыгают среди деревьев и как павлин Мор пляшет внизу, на склоне горы, раскинув свой радужный хвост.

— В джунглях пахнет по-новому! — крикнул павлин Мор. — Доброй охоты, Маленький Брат! Что же ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, доброй охоты! — просвистел коршун Чиль, слетая вниз вместе со своей подругой.

Оба они проскользнули под самым носом у Маугли, так что пучок белых пушистых перьев слегка задел его.

Легкий весенний дождик—его называют Слоновым Дождиком—прошел по джунглям полосой в полмили, оставив позади себя намокшие и качающиеся молодые листья, и закончился двойной радугой и легким раскатом грома. Весенний шум прервался на минуту и примолк, зато весь Народ Джунглей, казалось, гомонил разом.

Маугли крикнул клич Стаи, но ни один из четырех волков не отозвался. Они были далеко и не слышали его, распевая весенние песни вместе с другими волками.

«Да,—сказал Маугли сам себе, хотя в душе и сознавал, что неправ, — вот если дикие собаки придут из Декана или Красный Цветок запляшет в бамбуках, тогда все джунгли, хныча, бегут к Маугли и называют его большими, как слон, именами. А теперь, оттого что покраснел Весенний Глазок, все джунгли взбесились, как шакал Табаки...»

Маугли поохотился рано в этот вечер и ел немного, чтобы не отяжелеть перед весенним бегом. Это была настоящая белая ночь, как ее называют. Все растения с утра, казалось, ус-

пели вырасти больше, чем за месяц. Из ветки, которая еще накануне была вся в желтых листьях, закапал сок, когда Маугли сломал ее. Мох густо и тепло курчавился под его ногами, острые края молодой травы не резали рук.

Маугли громко запел от восторга, начиная свой бег. Это было больше всего похоже на полет, потому что Маугли выбрал длинный склон, спускавшийся к северным болотам через густую чащу джунглей, где упругая почва заглушала звук его шагов. Человек, воспитанный человеком, не раз споткнулся бы, выбирая дорогу при обманчивом лунном свете, а ноги Маугли, приученные долгими годами жизни в лесу, несли его легко, как перышко. Когда гнилой ствол или скрытый камень подвергались ему под ноги, он не замедлял шага и перескакивал через них без напряжения, без усилия. Если ему надоело бежать по земле, он по-обезьяньи хватался руками за прочную лиану и скорее взлетал, чем взбирался, на верхние тонкие ветви и путешествовал по древесным дорогам, пока у него не менялось настроение. Тогда он снова спускался вниз, к земле, по длинной, обросшей листьями дуге лиан.

Ему встречались еще полные зноя ложбины, окруженные влажными скалами, где трудно было дышать от тяжелого аромата ночных цветов; лианы, сплошь покрытые цветом; темные просеки, где лунный свет лежал полосами, правильными, как клетки мраморного пола; чащи, где молодая поросль была ему по грудь и, словно руками, обнимала его за талию; и вершины холмов, увенчанные распавшимися на куски утесами; где он перепрыгивал с камня на камень под норами перепуганных лисиц. До него доносилось слабое, отдаленное «чух-чух» кабана, точившего клыки о ствол, потом он встречал и самого зверя, в полном одиночестве рвавшего и раздиравшего рыжую кору дерева, с пеной на морде и горящими глазами. А не то он сворачивал в сторону, заслышав стук рогов, ворчанье и шипенье, и пролетал мимо двух разъяренных буйволов. Они раскачивались взад и вперед, нагнув головы, все в полосах крови, которая кажется черной при лунном свете. Или где-нибудь у речного брода он слышал рев Джакалы, крокодила, который мычит, как бык. А иногда ему случалось потревожить клубок ядовитых змей, но, прежде чем они успевали броситься на Маугли, он уже убежал прочь по блестящей речной гальке и снова углублялся в лес.

Так он бежал в эту ночь, то распевая, то выкрикивая и чувствуя себя счастливее всех в джунглях, пока запах цветов не сказал ему, что болота близко,—а они лежали гораздо дальше самых дальних лесов, где он обычно охотился.

И здесь тоже человек, воспитанный человеком, через три

шага ушел бы с головой в трясину, но у Маугли словно были глаза на ногах, и эти ноги несли его с кочки на кочку и с островка на тряский островок, не прося помощи у глаз. Он держал путь к середине болота, спугивая на бегу диких уток, и там уселся на поросший мхом ствол, наклонно торчавший из черной воды. Все болото вокруг Маугли бодрствовало, потому что весенней порой птичий народ спит очень чутко и стайки птиц реют над болотом всю ночь напролет. Но никто не замечал Маугли, который сидел среди высоких тростников, напевая песню без слов, и, разглядывая жесткие подошвы смуглых ног, искал старую занозу.

Дикая буйволица в тростниках привстала на колени и фыркнула:

— Человек!

— У-у! — сказал дикий буйвол Меса (Маугли было слышно, как он ворочается в грязи). — Это не человек. Это только безволосый волк из Сионийской Стаи. В такие ночи он бегаёт взад и вперед.

— У-у! — отвечала буйволица, вновь нагибая голову к траве. — А я думала, что это человек.

— Говорю тебе, что нет. О Маугли, разве тут опасно? — промычал Меса.

— «О Маугли, разве тут опасно?» — передразнил его мальчик. — Только об одном и думает Меса: не опасно ли тут! Кроме Маугли, который бегаёт взад и вперед по лесу и стережет вас, никто ни о чем не думает!

Маугли не устоял перед искушением подкрасться из-за тростников к буйволу и кольнуть его острием ножа. Большой, весь облитый грязью буйвол выскочил из лужи с треском разорвавшегося снаряда, а Маугли расхохотался так, что ему пришлось сесть.

— Рассказывай теперь, как безволосый волк из Сионийской Стаи пас тебя, Меса! — крикнул он.

— Волк? Ты? — фыркнул буйвол, мяся ногами грязь. — Все джунгли знают, что ты пас домашнюю скотину. Ты такой же мальчишка, какие кричат в пыли вон там, на засеянных полях. Ты — волк из джунглей! Разве охотник станет ползать, как змея, среди пиявок и ради скверной шутки, достойной шакала, позорить меня перед моей подругой? Выходи на твердую землю, и я... я... — Буйвол говорил с пеной у рта, потому что во всех джунглях нет зверя вспыльчивее.

Маугли, не меняя выражения глаз, смотрел, как пыхтит и фыркает буйвол. Когда можно было что-нибудь расслышать сквозь шум летевших во все стороны брызг, он спросил:

— Какая человеческая стая живет здесь, у болота, Меса? Этих джунглей я не знаю.

— Ступай на север!—проревел сердито буйвол, потому что Маугли кольнул его довольно сильно.— Так шутят коровьи пастухи! Ступай, расскажи про это в деревне у болота.

— Человечья стая не любит слушать про джунгли, да я и сам думаю, что лишняя царапина на твоей шкуре—не такая важность, чтобы про нее рассказывать. А все же я пойду посмотрю на эту деревню. Да, пойду! Успокойся! Не каждую ночь Хозяин Джунглей приходит пасти тебя.

Он перешагнул на тряскую почву на краю болота, хорошо зная, что буйвол не бросится туда за ним, и побежал дальше, смеясь над его яростью.

— Вот там звезда сидит над самой землей,—сказал он и пристально взгляделся в нее, сложив руки трубкой.—Клянусь буйволом, который выкупил меня, это Красный Цветок, тот самый Красный Цветок, возле которого я лежал еще до того, как попал в Сионийскую Стаю! А теперь я посмотрел, и надо кончать мой бег.

Болото переходило в широкую луговину, где мерцал огонек. Уже очень давно Маугли перестал интересоваться людскими делами, но в эту ночь мерцанье Красного Цветка влекло его к себе, словно новая добыча.

— Посмотрю,—сказал он себе,—очень ли переменилась человеческая стая.

Позабыв о том, что он не у себя в джунглях, где может делать все, что вздумается, Маугли беззаботно ступал по отягченным росой травам, пока не дошел до той хижины, где горел огонек. Три-четыре собаки подняли лай, потому что Маугли был уже на окраине деревни.

— Хо!—сказал Маугли, бесшумно садясь и посылая им в ответ волчье глухое ворчанье, сразу усмирившее собак.— Что будет, то будет. Маугли, какое тебе дело до берлог человеческой стаи?

Он потер губы, вспоминая о том камне, который рассек их много лет назад, когда другая человеческая стая изгнала его.

Дверь хижины открылась, и на пороге появилась женщина, вглядываясь в темноту. Заплакал ребенок, и женщина сказала, обернувшись к нему:

— Спи! Это просто шакал разбудил собак. Скоро наступит утро.

Маугли, сидя в траве, задрожал, словно в лихорадке. Он хорошо помнил этот голос, но чтобы знать наверное, крикнул

негромко, удивляясь, как легко человеческий язык вернулся к нему:

— Мессуа! О Мессуа!

— Кто меня зовет? — спросила женщина дрожащим голосом.

— Разве ты забыла? — сказал Маугли; в горле у него пересохло при этих словах.

— Если это ты, скажи, какое имя я дала тебе? Скажи! — Она прикрыла дверь наполовину и схватилась рукой за грудь.

— Натху! О, Натху! — ответил Маугли, ибо, как вы помните, этим именем назвала его Мессуа, когда он впервые пришел в человечесью стаю.

— Иди, сынок! — позвала она.

И Маугли, выйдя на свет, взглянул в лицо Мессуа, той женщины, которая была добра к нему и которую он спас когда-то от человечесей стаи.

Она постарела, и волосы у нее поседели, но глаза и голос остались те же. Как все женщины, Мессуа думала, что найдет Маугли таким же, каким оставила, и удивленно подняла глаза от груди Маугли к его голове, касавшейся притоки.

— Мой сын... — пролепетала она, падая к его ногам. — Но это уже не мой сын, это лесное божество! Ах!

Он стоял в красном свете масляной лампы, высокий, сильный, красивый, с ножом на шее, с черными длинными волосами, разметававшимися по плечам, в венке из белого жасмина, и его легко было принять за сказочное божество лесов. Ребенок, дремавший на койке, вскочил и громко закричал от страха. Мессуа обернулась, чтобы успокоить его, а Маугли стоял неподвижно, глядя на кувшины и горшки, на ларь с зерном и на всю людскую утварь, так хорошо ему памятную.

— Что ты будешь есть или пить? — прошептала Мессуа. — Это все твое. Мы обязаны тебе жизнью. Но тот ли ты, кого я назвала Натху, или ты и вправду лесной бог?

— Я Натху, — сказал Маугли, — и я зашел очень далеко от дома. Я увидел свет и пришел сюда. Я не знал, что ты здесь.

— После того как мы пришли в Канхивару, — робко сказала Мессуа, — мой муж поступил на службу, и мы получили здесь немного земли. Она не такая хорошая, как в старой деревне, но нам не много надо — нам вдвоем.

— Где же он, тот человек, что так испугался в ту ночь?

— Вот уже год, как умер.

— А этот? — Маугли указал на ребенка.

— Это мой сын, что родился две зимы назад. Если ты бог, подари ему Милость Джунглей, чтобы он оставался невреди-

мым среди твоего... твоего народа, как мы остались невредимы в ту ночь.

Она подняла ребенка, и тот, забыв о своем страхе, потянулся к ножу, висевшему на груди Маугли. Маугли бережно отвел в сторону маленькие руки.

— А если ты Натху, которого унес тигр,— с заминкой продолжала Мессуа,— тогда он твой младший брат. Я разведу огонь, и ты напьешься горячего молока. Сними жасминовый веночек, он пахнет слишком сильно для такой маленькой комнаты.

Маугли пил теплое молоко долгими глотками, а Мессуа время от времени поглаживала его по плечу, не будучи вполне уверена, ее ли это сын Натху или какое-нибудь чудесное божество джунглей, но радуясь уже тому, что он жив.

— Сынок,— сказала наконец Мессуа, и ее глаза блеснули гордостью,— кто-нибудь уже говорил тебе, что ты красивее всех на свете?

— Что? — отозвался Маугли, ибо, разумеется, никогда не слыхал ничего подобного.

Мессуа ласково и радостно засмеялась. Ей довольно было взглянуть на его лицо.

— Значит, я первая? Так и следует, хотя редко бывает, чтобы сын услышал от матери такую приятную весть. Ты очень красив. Я в жизни не видывала такой красоты.

Маугли вертел головой, стараясь оглядеть себя через плечо, а Мессуа снова рассмеялась и смеялась так долго, что Маугли, сам не зная почему, начал смеяться вместе с ней. Ребенок перебежал от одного к другому, тоже смеясь.

— Нет, не насмехайся над братом,— сказала Мессуа, поймав ребенка и прижимая его к груди.— Если ты вырастешь хоть вполовину таким же красивым, мы женим тебя на младшей дочери князя, и ты будешь кататься на больших слонах.

Маугли понимал едва одно слово из трех в ее разговоре. Теплое молоко усыпило его после сорокамильного пробега, он лег набок, свернулся и через минуту уснул глубоким сном, а Мессуа откинула волосы с его глаз, накрыла его одеялом и была счастлива.

По обычаю джунглей, он проспал конец этой ночи и весь следующий день, потому что чутье, никогда не засыпавшее вполне, говорило ему, что здесь нечего бояться. Наконец он проснулся, сделав скачок, от которого затряслась хижина: прикрытый одеялом, он видел во сне ловушки. Остановившись, он вдруг схватился за нож, готовый биться с кем угодно, а сон еще глядел из его расширенных глаз.

Мессуа засмеялась и поставила перед ним ужин. У нее были только жесткие лепешки, испеченные на дымном огне, рис и комок квашеных тамариндов — ровно столько, чтобы продержаться до вечера, когда Маугли добудет что-нибудь на охоте.

Запах росы с болот пробудил в нем голод и тревогу. Ему хотелось кончить весенний бег, но ребенок ни за что не сходил с его рук, а Мессуа непременно желала расчесать его длинные иссиня-черные волосы. Она расчесывала их и пела простенькие детские песенки, то называя Маугли сыном, что прося его уделить ребенку хоть ничтожную долю его власти над джунглями.

Дверь хижины была закрыта, но Маугли услышал хорошо знакомый звук и увидел, как рот Мессуа раскрылся от страха, когда большая серая лапа показалась из-под дерева, а за дверью Серый Брат завыл приглушенно и жалобно.

— Уходи и жди! Вы не захотели прийти, когда я вас звал,— сказал Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и большая лапа исчезла.

— Не... не приводи с собой твоих... твоих слуг,— сказала Мессуа— Я... мы всегда жили в мире с джунглями.

— Мир и сейчас,— сказал Маугли, вставая.— Вспомни ту ночь на дороге в Канхивару. Тогда были десятки таких, как он, и позади и впереди тебя. Однако я вижу, что и весной Народ Джунглей не всегда забывает меня. Мать, я ухожу!

Мессуа смиренно отступила в сторону — он и впрямь казался ей лесным божеством,— но едва его рука коснулась двери, как материнское чувство заставило ее забросить руки на шею Маугли и обнимать его, обнимать без конца.

— Приходи! — прошептала она.— Сын ты мне или не сын, приходи, потому что я люблю тебя. И смотри, он тоже горюет.

Ребенок плакал, потому что человек с блестящим ножом уходил от него.

— Приходи опять,— повторила Мессуа.— И ночью и днем эта дверь всегда открыта для тебя.

Горло Маугли сжалось, словно его давило изнутри, и голос его прозвучал напряженно, когда он ответил:

— Я непременно приду опять... А теперь,— продолжал он уже за дверью, отстраняя голову ластящегося к нему волка,— я недоволен тобой, Серый Брат. Почему вы не пришли все четверо, когда я позвал вас, уже давно?

— Давно? Это было только вчера ночью... Я... мы... пели в джунглях новые песни. Разве ты не помнишь?

— Верно, верно!

— И как только песни были спеты,— горячо продолжал Серый Брат,— я побежал по твоему следу. Я бросил всех

остальных и побежал к тебе со всех ног. Но что же ты наделал, о Маленький Брат! Зачем ты ел и спал с человечесьей стаей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого никогда не случилось бы,— сказал Маугли, прибавляя шагу.

— А что же будет теперь? — спросил Серый Брат.

— А теперь я не знаю,— сказал Маугли.— Почему вы не пришли, когда я вас звал?

— Мы всегда с тобой... всегда с тобой, — проворчал Серый Брат, лизнув пятку Маугли.

— А пойдете вы со мной к человечесьей стае? — прошептал Маугли.

— Разве я не пошел за тобой в ту ночь, когда наша Стая прогнала тебя? Кто разбудил тебя, когда ты уснул в поле?

— Да, но еще раз?

— Разве я не пошел за тобой сегодня ночью?

— Да, но еще и еще раз, Серый Брат, и, может быть, еще? Серый Брат молчал. Потом он проворчал, словно про себя:

— Та, черная, сказала правду.

— А что она сказала?

— Человек уходит к человеку в конце концов. И наша мать говорила то же.

— То же говорил и Акела в Ночь Диких Собак,— пробормотал Маугли.

— То же говорил и Каа, который умнее всех нас.

— А что скажешь ты, Серый Брат?

Серый Брат некоторое время бежал рысью, не отвечая, потом сказал с расстановкой от прыжка к прыжку:

— Детеныш — Хозяин Джунглей — мой сводный брат! Твой путь — это мой путь, твоё жильё — моё жильё, твоё добыча — моя добыча, и твой смертный бой — мой смертный бой. Я говорю за нас троих. Но что скажешь ты джунглям?

— Хорошо, что ты об этом подумал. Нечего долго ждать, когда видишь добычу. Ступай вперед и созови всех на Скалу Совета, а я расскажу им, что у меня на уме.

Во всякое другое время на зов Маугли собрались бы, ошестинив загривки, все джунгли, но теперь им было не до того — они пели песни.

И когда Маугли с тяжелым сердцем взобрался по хорошо знакомым скалам на то место, где его когда-то приняли в Стаю, он застал там только свою четверку волков, Балю, почти совсем ослепшего от старости, и тяжеловесного, хладнокровного Каа, свернувшегося кольцом вокруг опустевшего места Акелы.

— Значит, твой путь кончается здесь, человек? — сказал Каа, когда Маугли бросился на землю. — Еще когда мы встре-

тились в Холодных Берлогах, я это знал. Человек в конце концов уходит к человеку, хотя джунгли его не гонят.

Четверо волков поглядели друг на друга, потом на Маугли — удивленно, но покорно.

— Так джунгли не гонят меня? — с трудом проговорил Маугли.

Серый Брат и остальные трое волков яростно заворчали и начали было: «Пока мы живы, никто не посмеет...», но Балу остановил их.

— Я учил тебя Закону. Слово принадлежит мне, — сказал он, — и хотя я теперь не вижу скал перед собою, зато вижу дальше. Лягушонок, ступай своей собственной дорогой, живи там, где живет твоя кровь, твоя Стая и твой Народ. Но когда тебе понадобится коготь, или зуб, или глаз, или слово, быстро переданное ночью, то помни, Хозяин Джунглей, что джунгли — твои, стоит только позвать.

— И средние джунгли тоже твои, — сказал Каа. — Я не говорю о Маленьком Народe.

— О братья мои! — воскликнул Маугли, с рыданием простирая к ним руки. — Я не хочу уходить, но меня словно тянет за обе ноги. Как я уйду от этих ночей?

— Нет, смотри сам, Маленький Брат, — повторил Балу. — Ничего постыдного нет в этой охоте. Когда мед съеден, мы оставляем пустой улей.

— Сбросив кожу, — сказал Каа, — уже не влезешь в нее снова. Таков Закон.

— Послушай, мое сокровище, — сказал Балу, — никто здесь не будет удерживать тебя — ни словом, ни делом. Смотри сам! Кто станет спорить с Хозяином Джунглей? Я видел, как ты играл вон там белыми камешками, когда был маленьким Лягушонком. И Багира, которая отдала за тебя молодого, только что убитого буйвола, видела тебя тоже. После того смотря остались только мы одни, ибо твоя приемная мать умерла, умер и твой приемный отец. Старой Волчьей Стаи давно уже нет. Ты знаешь, чем кончил Шер-Хан, Акелу уже убили дикие собаки; они погубили бы и всю Сионийскую Стаю, если бы не твоя мудрость и сила. Остались только старики. И уже не детеныш просит позволения у Стаи, но Хозяин Джунглей избирает новый путь. Кто станет спорить с человеком и его обычаями?

— А как же Багира и буйвол, который выкупил меня? — сказал Маугли. — Мне не хотелось бы...

Его слова были прерваны ревом и треском в чаще под горой, и появилась Багира, легкая, сильная и грозная, как всегда.

— Вот почему,— сказала пантера, вытягивая вперед окровавленную правую лапу,— вот почему я не приходила. Охота была долгая, но теперь он лежит убитый в кустах — буйвол по второму году,— тот буйвол, который освободит тебя, Маленький Брат. Все долги уплачены теперь сполна. Что же касается остального, то я скажу то же, что и Балу.— Она лизнула ногу Маугли.— Не забывай, что Багира любила тебя! — крикнула она и скачками понеслась прочь.

У подножия холма она опять крикнула громко и протяжно:

— Доброй охоты на новом пути, Хозяин Джунглей! Не забывай, что Багира любила тебя!

— Ты слышал? — сказал Балу. — Больше ничего не будет. Ступай теперь, но сначала подойди ко мне. О мудрый маленький Лягушонок, подойди ко мне!

— Нелегко сбрасывать кожу, — сказал Каа.

А Маугли в это время рыдал и рыдал, уткнувшись головой в бок слепого медведя и обняв его за шею, а Балу все пытался лизнуть его ноги.

— Звезды поредели, — сказал Серый Брат, нюхая предрасветный ветер.— Где мы ляжем сегодня? Отныне мы пойдем по новому пути.

И это — последний из рассказов о Маугли.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Братья Маугли	3
Охота Каа	22
«Тигр, тигр!»	45
Как страх пришел в Джунгли	61
Нашествие Джунглей	77
Княжеский анкас	99
Дикие собаки	116
Весенний бег	137

Редьярд Киплинг

МАУГЛИ

Редактор *К. Ф. Яковлев*

Художественный редактор *Д. А. Поздняков*

Технический редактор *В. П. Кожемякина*

Корректор *Н. М. Беляева*

Сдано в набор 21 декабря 1957 г. Подписано к печати 13 марта 1958 г. Бумага $60 \times 84^{1/16} = 4,75$ бум. л., 9,5 физ.-печ. л., 8,7 усл.-печ. л., 8,6 уч.-изд. л.
Тираж 100 000. Заказ № 946. Цена 4 р. 10 к.

Ярославское книжное издательство,
ул. Трехфолева, 12.

Ярославский полиграфический комбинат,
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 4 р. 10 к.

ВРОСЛАВСКЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958